

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Сборник научных статей

Под редакцией Е. А. Нильсен

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2014**

ББК 81

А43

Рекомендовано научно-методическим советом университета

А43 Актуальные проблемы современной лингвистики: сб. науч. ст. / под ред. Е. А. Нильсен. – СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2014. – 134 с.

Сборник научных статей подготовлен гуманитарным факультетом СПбГЭУ. Структура сборника отражает сложившиеся на факультете научные школы – когнитивно-семантическую, интерлингвокультурологическую, дискурсивную и интеракционально-грамматическую. В издании содержатся последние исследования по самым актуальным проблемам современного языкознания, выполненные на стыке нескольких научных дисциплин. В центре внимания – проблемы когнитивной лингвистики, теории дискурса, стилистики и интерпретации текста, лексикологии, грамматики, перевода. В разделе «Голоса молодых» впервые публикуются работы начинающих ученых – студентов, магистрантов и аспирантов гуманитарного факультета СПбГЭУ и других вузов города.

Материалы сборника могут быть использованы при разработке учебных программ филологических факультетов, а также представят интерес для широкого круга специалистов, интересующихся проблемами современной лингвистики.

The collection of academic papers is compiled by the faculty of the Department of Humanities of St. Petersburg University of Economics. It publishes research into language with relevance to topical linguistic problems. The papers promote multidisciplinary approach to research on language-related concerns in various fields encompassed by linguistics such as cognitive studies, discourse analysis, stylistics, text interpretation, lexicology, grammar and the theory of translation. Young researchers (students of bachelor and master programmes as well as post-graduate students) present the results of their research in the section “The voices of the young”.

The collection may appeal to an academic community of linguists and researchers of language.

ББК 81

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. **И. В. Кононова**
канд. филол. наук, доц. **О. А. Миронова**

СОДЕРЖАНИЕ

Когнитивный аспект изучения языковых единиц

<i>Нильсен Е. А.</i> Репрезентация субъективного континуально-дискретного восприятия времени в современном английском языке	5
<i>Персикина А. С.</i> Функционирование артиклей в английском языке с позиций когнитивной семантики и теории прототипов	19

Вопросы лексикологии, лексикографии и терминоведения

<i>Ананьева Ю. С.</i> Дефиниционное моделирование термина в медицинском дискурсе	25
<i>Белоглазова Е. В.</i> Экономическая терминология: критическое уточнение теории и системного статуса	29
<i>Везубова Е. Е.</i> Французская ясность и английские заимствования в компьютерной лексике французского языка	42
<i>Гончарова В. В.</i> Лексикографические ресурсы Античности	49
<i>Файбушевский М. В.</i> Автоматические словари как источники финансовой терминологии	55

Текст и дискурс. Стилистика и интерпретация текста

<i>Гончаренко М. В., Шевченко А. С.</i> Ресторанное меню в сфере публичных коммуникаций	60
<i>Налётова Н. И.</i> Управление вниманием адресата речи в монологических текстах СМИ	66
<i>Седых Э. В., Коврижина Я. С.</i> Импрессионизм в творчестве Вирджинии Вулф	73
<i>Тимралиева Ю. Г.</i> Особенности стихосложения в лирике немецкого экспрессионизма	79

Теоретическая грамматика

<i>Кондратьева Е. Б.</i> Каузативные и пассивные конструкции в текстах эпохи Тан	90
--	----

Перевод и переводоведение

<i>Зинкевич О. В., Кривоносов А. Д.</i> Локализация как междисциплинарный феномен	98
---	----

<i>Исаева Ю. А., Персинина А. С.</i> Особенности перевода инверсии (на материале корпуса англоязычных текстов и их переводов на русский язык)	103
---	-----

Голоса молодых

<i>Акылбаева А. С.</i> Проблема дифференциации лексической системы терминов в таможенной терминологии (The problem of differentiation of lexical system of terms in customs terminology).....	115
<i>Гартвич Д. В.</i> «Маленький человек» О. Генри и А. П. Чехова.....	118
<i>Дворецкова И. В.</i> Образы героев Льюиса Кэрролла в визуальных интерпретациях. «Алиса в Стране Чудес» и «Алиса в Зазеркалье»	123
<i>Капитонова М. А.</i> Политический дискурс: метод критического дискурс-анализа	126
Сведения об авторах	133

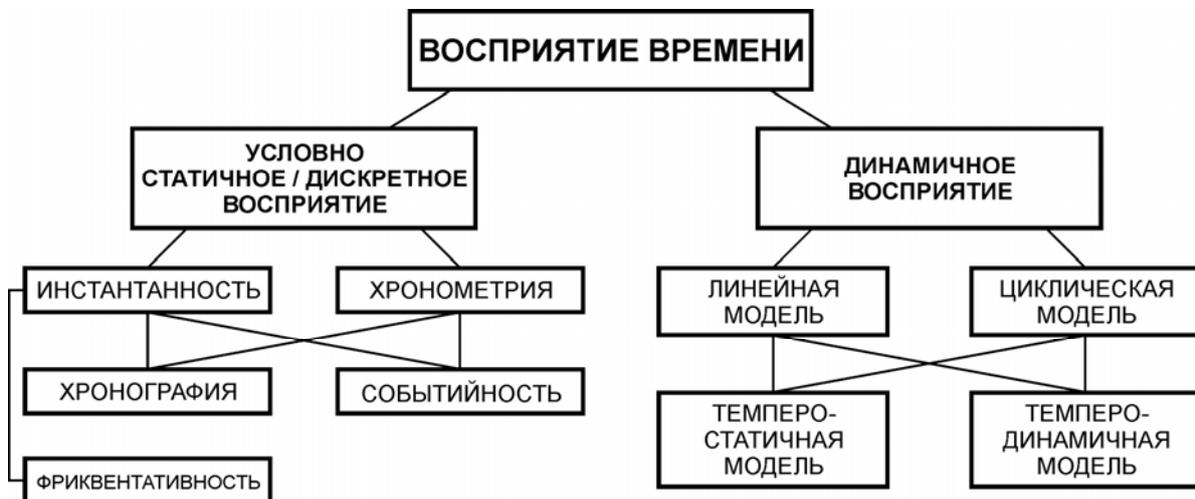
КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Е. А. Нильсен

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СУБЪЕКТИВНОГО КОНТИНУАЛЬНО-ДИСКРЕТНОГО ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Основываясь на работах лингвистов, занимавшихся проблемами оязыковления времени на материале различных языков (В. Г. Гак, В. Я. Шабес, V. Evans, G. Lakoff, M. Johnson, M. Turner и др.), а также принимая во внимание результаты собственных исследований, мы разработали представленную ниже схему субъективного континуально-дискретного восприятия времени человеком, релевантную для носителей английского языка [1; 2 и др.].

Схема субъективного континуально-дискретного восприятия времени

В соответствии с представленной схемой мы, прежде всего, подразделяем восприятие времени на динамичное, отражающее непрерывное движение потока времени, устремленное в бесконечность, и условно статичное или дискретное восприятие, подразумевающее перцепцию отрезка времени или определенной точки на временной оси как некоей дискретной, отчужденной от временного континуума единицы времени.

На субординатном уровне динамичное восприятие времени подразделяется на циклическую и линейную модели, тесно связанные с темперостатичной и темперодинамичной перцепцией времени. При темпероста-

тичном восприятии ситуации время представляется дорогой, по которой идет человек от рождения к смерти. В случае темпериодической перцепции темпоральности время предстает в образе неумолимо движущегося путника, стрелы, потока и т. д., ход, полет или бег которого невозможно остановить или замедлить.

Когда речь идет о дискретном или условно статичном восприятии темпоральности, представляется возможным выделить такие модели, как хронометрия (упоминание временного отрезка), инстантанность (репрезентация момента времени), событийность (если определенное событие выступает маркером отрезка или точки на временной оси), хронография (в случае присутствия в тексте конкретных дат), фриквентативность (частотность указываемых в тексте действий, событий и т. д.). В большинстве случаев в произведениях одновременно реализуются две модели перцепции темпоральности. В частности, это может быть сочетание инстантанности и событийности, если автор говорит о каком-либо событии, репрезентирующем определенную точку на временной оси. Событийность может сочетаться и с хронометрией, если упоминаемое событие выступает в роли временного отрезка. Хронография также может оязыковляться одновременно либо с инстантанностью, либо с хронометрией в зависимости от того, представляет ли собой соответствующая дата точку или отрезок времени.

Обратимся к некоторым примерам, репрезентирующим указанные выше модели восприятия времени в английских текстах. При анализе экспликации когнитивной схемы восприятия времени в современном английском языке представляется целесообразным обратиться, прежде всего, к корпусам текстов, таким как, например, British National Corpus (BNC), содержащим массивы современных английских текстов, взятых из различных источников, как письменных, так и устных. Как показывает исследование, хронометрия, репрезентирующая определенные отрезки на оси времени, представлена в современном английском языке достаточно широко. Примерами оязыковления этой модели условно статичного / дискретного восприятия времени могут, в частности, служить следующие цитаты: «They have apparently been doing this *for some time*» [BNC/FU6]; «you should get a good *half-hour camel trek* into the desert...» [BNC/CH1]; «... his minimum requirement is to ensure that England reach the finals *in two years' time*» [BNC/CH3]; «It will be the first time *in 15 years* that an England tour party has not included one of the celebrated trio, who between them have appeared in 298 Test matches» [BNC/CH3]; «She had to sell her farm and work *for a time* in a department store» [BNC/ACS]; «The Neighbourhood Watch has been up and running in the Baberton Mains Estate *for some time...*» [BNC/GXH]; «Although the link between social deprivation and road accident casualty rates has been known *for some time...*» [BNC/GXJ]; «In particular,

there is no limitation of the remedy by reference to *some period of time* during which defects will be remedied» [BNC/J6T]; «Use whatever method you can, but I want this little vixen barking in *four hours' time* at the latest» [BNC/AD9]; «If the crew are likely to be on site *for some time* a thought about refreshments will also be very welcome» [BNC/EX6]; «What is absolutely certain is that playing the game *for this length of time* did not make his scores worse» [BNC/CBC]; «We will know the details *in a few weeks' time*» [BNC/AC2]; «Scientists at the Rowett Research Institute, near Aberdeen and the North of Scotland College of Agriculture have been working on the idea *for more than 15 years*» [BNC/B7C] и т. п. В этих примерах эксплицируются как отрезки времени строго определенной длины, например, *four hours' time, in two years' time, in 15 years* и т. п., так и неопределенной длины, такие как *in a few weeks' time, for some time, some period of time* и т. п.

В текстах присутствуют и примеры субъективной хронометрии, когда говорящий характеризует отрезок времени как длинный или короткий в зависимости от своего восприятия эмоциональной интенсивности и наполненности этого времени значимыми для адресанта событиями: «No, wait a minutes, don't tell me – it's *a long time* since – where was it?» [BNC/FU6]; «... he spent *so little time* trying to improve the side's miserable record in Delmenhorst...» [BNC/CH2]; «I've known Vicente *for a long time*» [BNC/CH3]; «It's been *a long time* and I am not going to rush it» [BNC/CH3]; «It's something that should have been done *a long time ago*» [BNC/CH3]; «Many whales also spend *some considerable time* swimming on the surface» [BNC/BMY]; «This “black-figure” method of vase-decoration was to become widely accepted throughout Greece *for a long time*» [BNC/FPW]; «She was my friend *for a long time* because we got on really well together» [BNC/KA1]; «They're being detained *for a long time*» [BNC/KPA]; «As a result, cats spend *a great deal of time* every day dealing with their toilet...» [BNC/BMG]; «Bacteria survive heat *for a short time*» [BNC/D97]; «If I'm going to go to England *for a short time...*» [BNC/CH5]; «I could learn procedures and facts *for a short time...*» [BNC/F9T]; «And say we are coming *in no time* at all» [BNC/A0N]; «If they were to become a matter of routine, it would be only a *short time* before the public, understandably, viewed the process with suspicion and mistrust» [BNC/FCE]; «... it takes a *little time* for the set to warm up» [BNC/J17] т. п. Интересно отметить, что, по сведениям British National Corpus, носители современного английского языка чаще упоминают о длинных, чем о коротких отрезках времени. В частности, корпус британских текстов содержит 998 примеров употребления словосочетания *short time*, 589 примеров с *little time*, 213 – с *in no time* и 4 194 примера, в которых встречается словосочетание *long time*, не считая примеров, эксплицирующих долгие отрезки времени с помощью таких словосочетаний, как *a great deal of time* (134 примера), *considerable time* (222 примера) и др. Возможно, это объяс-

няется ценностью времени для человека, стремлением к экономии времени, бережному к нему отношению. Если на какое-либо действие или событие тратится больше времени, чем на другие, это говорит о значимости этого события, о том, что именно оно достойно упоминания в дискурсе. Длина временного отрезка также может говорить о степени верифицированности чувств и ощущений, если речь, например, идет об отношениях между людьми. В таких ситуациях упоминание долгого периода времени говорит о надежности этих ощущений, «проверенных» временем.

Хронометрия зачастую сочетается в тексте с хронографией. Если период, о котором идет речь, ограничен определенными датами, мы говорим об эксплицитной хронографии и хронометрии: «... *from 4 July until 29 August inclusive, the Park is open until 9.30pm...*» [BNC/B3K]; «*On any Friday, Saturday and Sunday nights between 1st January 1992 and 31st December 1992...*» [BNC/EFE]; «*She remained in England from August 1990 until November 1990*» [BNC/FDL]; «*Pamela was commissioned by Shared Experience in 1984 and performed by the company from January to April 1985, in a production by Giles Havergal*» [BNC/FU4]; «*Between 1947 and 1976 there were six spring records comprising 25 birds between 25 April and 24 May, and 21 autumn records comprising 46 birds between 17 August and 22 September*» [BNC/B31]; «... the Festival will return to St Columb's Theatre, running *from March 29 to April 3*» [BNC/HJ3]; «The miners' strike which lasted *from March 1984 to March 1985* was not the only example of industrial conflict in Britain in the past two decades, but it was easily the longest and the most violent» [BNC/ASB]; «The break will be in the Trois Valleees, in the French Alps, *from January 9 to January 16*» [BNC/CBC]; «BA also trimmed prices during the peak season *from June 16 to September 30*» [BNC/AL3]; «The exhibition will be on *from June 26 to July 31*» [BNC/K4G] и др. В этих примерах в тексте указаны точные даты, ограничивающие отрезки времени, в рамках которых происходили события, о которых идет речь, соответственно, временные рамки этих событий указаны в тексте эксплицитно.

В других случаях мы сталкиваемся с сочетанием имплицитной хронографии и хронометрии, когда упоминание конкретных дат в тексте отсутствует, но реципиент может их вычислить благодаря своим фоновым знаниям, совпадающим со знаниями адресанта: «*Since my grandfather's time*» [BNC/CM4]; «Lothar, one of the RCM's more difficult cases, had troubles of a different kind *during his time in the forces*» [BNC/BNN]; «*During the war years* 480 large and small-scale industrial enterprises had been knocked out in Belorussia» [BNC/A64]; «The second reason was that the principle had received only limited application *during the war*» [BNC/GU6]; «*During his reign* he added vast territories to the Frankish kingdom that he had inherited...» [BNC/ALT]; «*So for the time of the visit* there was a truce» [BNC/APW]; «On top of that you've got no alibi *for the time of the murders*» [BNC/G01]; «Father

Anstruther, the former vicar who lived rather too near, was to do duty *for the time of Mark's absence...*» [BNC/HA4]; «Of course, this theme could not be made explicit, *for the time of Jacobinism* had not arrived» [BNC/FA9]; «St Mary's chose to perform The Nativity, which was appropriate *for the time of the year*» [BNC/CCH]; «The weather was benevolent *for the time of the year*» [BNC/BN6]; «This gentleman visited Miss Mack every 18 months or so and put up at the Bell *for the week of his stay*» [BNC/CU0]; «The medieval treasure lost *during the Revolution*» [BNC/FSF]; «All these three administer substantially the same law, which, *by the time of Edward I*, is already called Common Law...» [BNC/ABP]; «... an obsessive pursuit of Irish aristocratic ladies *in the time of Sheridan and Goldsmith*» [BNC/A4J]; «*In the time of the Stuarts*, this was a high-risk occupation...» [BNC/C8R] и др. В некоторых случаях хронометрия сочетается в рамках одного текста как с имплицитной, так и с эксплицитной хронографией, например: «By releasing five senior officers imprisoned for crimes committed *while they ran the country, from 1976 to 1983*, President Carlos Menem may...» [BNC/ABD]. Однако такие случаи немногочисленны.

В современных текстах присутствует и сочетание релятивной хронографии с хронометрией, когда точкой отсчета для определения рамок временного периода, о котором идет речь, выступает момент говорения или какой-либо другой упоминаемый в тексте момент: «*Last year* plastic fraud cost Barclays 36 million...» [BNC/CH1]; «... I had flu *last month*...» [BNC/H49]; «When the police told me everything I had been doing over the *last month* it totally freaked me out» [BNC/CH5]; «He was at the World Economic Forum in the Swiss resort of Davos *last month*, mingling with the great and the good» [BNC/EDT]; «Tinkers were camped in the field just across the wall *last year*» [BNC/K8R]; «If you missed out *last year*, you will have another opportunity to attend this seminar which is scheduled to take place again this Autumn on Saturday and Sunday...» [BNC/CGX]; «Robbie Warner, who led the championship for a short time *last year*...» [BNC/CF9]; «None of its suggestions to the DTI Select Committee *last year* on training, infrastructure, and government procurement policy were accepted by the Government» [BNC/AAF]; «... innovations *this year* build on innovations made *last year*...» [BNC/FRN]; «*In the first six months of this year* nearly 30,000 small firms went to the wall...» [BNC/CH1]; «*This year* a pet food manufacturer has issued all the exhibitors with their very own pooper scooper» [BNC/K1B]; «Harford, 34, spent *yesterday* at Stamford Bridge talking terms with Porterfield...» [BNC/CH7]; «If necessary, we will sit here *all day*, and all *tomorrow* too» [BNC/GUG] и т. п.

Как упоминалось ранее, хронография может сочетаться не только с хронометрией, но и с инстантанностью, если речь идет не об отрезке времени, а о точке на временной оси. Так, например, в следующих цитатах присутствует сочетание эксплицитной хронографии с инстантанностью,

поскольку в них упоминается конкретная дата, когда произошло то или иное событие: «*On August 9th 1990, South Africa Women's Day, more than 10,000 people attended the relaunch of the ANC Women's League*» [BNC/CFM]; «Closing date for this contest is *August 15*» [BNC/CH5]; «*On Monday 22 August 1642, Charles I raised his Royal Standard outside Nottingham Castle...*» [BNC/EEG]; «*On 18 August 1882 Queen Victoria gave royal assent to a Bill for the Protection of Ancient Monuments*» [BNC/CHR]; «*Jessop died at Butterley Hall, Derbyshire, 18 November 1814 after several years' illness*» [BNC/GT7]; «... he died in Bovey Tracey, Devonshire, from a heart attack *12 November 1924...*» [BNC/GSX]; «The enormous rivalry between those two squadrons started way back *on 1, November 1944...*» [BNC/J56]; «Notes: much of the information for this section comes from the Channel Tunnel Special Report published by the Independent, *26 May 1989* and a Financial Times survey on The Future of Continental Transport Links, *9 May 1989*» [BNC/BMJ]; «The Branch AGM is to be held *on 30 April 1992...*» [BNC/EEL]; «He died *9 April 1834* at the Manor House...» [BNC/GTH]; «... Charles's bride is probably the Elizabeth Carpenter who was baptised there *on 2 April 1760...*» [BNC/CBJ]; «STRIPTEASE was invented *on February 9th 1893* when artist's model Mona removed her clothes for the entertainment of students» [BNC/CH1]; «He died suddenly in Chelsea *8 February 1807*» [BNC/GT0]; «He was apprenticed *2 December 1712* to Samuel Wastell, a London goldsmith, and made free of the Goldsmiths' Company by service *on 16 June 1720*» [BNC/GTB] и т. п.

Сочетаться с инстантанностью может не только эксплицитная, но и имплицитная хронография, если в тексте не присутствует точная дата, когда произошло то или иное событие, но реципиент может ее вычислить, исходя из имеющихся у него данных, например: «*By the time he died at the age of 78, he was a multi-millionaire*» [BNC/CH1]; «*By the time he was 21 he worked full-time as a comedy writer...*» [BNC/CH1]; «*One Saturday, late in June, in the last year of the war, Ackroyd had passed the 5.13 through as usual and received the 5.29 from Chorley and seen it in*» [BNC/CE9]; «... the number of members denied reselection was small (only seven *by the time the 1983 general election was called*)...» [BNC/J57]; «... and *by the time of the 1980 Grand National* he was in no condition to take part» [BNC/AD7]; «So strategic was the city's position that the present inhabitants claim that the dwellers were a people in their own right even *by the time of the Roman conquest...*» [BNC/ANB]; «*By the time he was 20* and the most prodigiously gifted Celtic player of his generation, Charlie was to discover that dancing with the birds had its own special charm» [BNC/B1L]; «This state of affairs has resulted in long periods of civil war beginning *soon after independence*» [BNC/B12] и т. п.

В других случаях в тексте может присутствовать как эксплицитная, так и имплицитная хронография в сочетании с инстантанностью, что по-

зволяет читателю не только узнать дату происходящего, но и расширить свои представления об обстоятельствах, сопутствующих описываемым событиям: «*By the spring of 1991 this advice was beginning to have some effect. But by that time Wyatt had introduced Sarah to 'my friend and distant relation'*» [BNC/CH1]; «I have been speaking to him on the phone and we have decided that it would be in everyone's interest to postpone First Holy Communion until *the last Sunday of term, July 15th*» [BNC/A7K]; «*On 24 April 1990, soon after the old board of Astra had been toppled and a week after parts of the Iraqi Supergun were seized by Customs at Teesside, John was arrested at his son's home in Fort William, Scotland*» [BNC/CH1]; «The 10,000 metres of film recording Hitler at the grandiose military parade and celebrations for *his fiftieth birthday in April 1939* consciously sought to portray him...» [BNC/ADD]; «*By the time of the depression years of the mid-1930s, however, Keynesian theories were triumphant...*» [BNC/EAJ]; «... *by the time of the second edition (1974) the number of facets had increased...*» [BNC/EW7] и др.

В текстах можно увидеть и сочетание релятивной хронографии с инстантанностью. В таком случае точная дата происходящего не указывается, но адресат может определить, когда происходили описываемые события, приняв за точку отсчета момент говорения или другой момент, заданный в тексте: «*Soon after two o'clock the next afternoon they were all out...*» [BNC/ABR]; «The expedition administrator, Mark Hoyle, was *yesterday* encouraging potential sponsors to come forward» [BNC/K5A]; «And Cheltenham served up a five-star show *yesterday*» [BNC/CEP]; «It appeared just as impregnable *yesterday* as he survived the first two sets without being broken» [BNC/A9R]; «A bill to privatise the agency received its second reading in the Commons *yesterday*» [BNC/A8X]; «Mr Major tried to talk about taxes *this morning*, but we had that *yesterday*, so we kept asking him about health instead» [BNC/AJU]; «There will be another token *tomorrow* to complete your voucher» [BNC/CH1]; «They'll phone *tomorrow* to talk about times when you can view» [BNC/AP1]; «Swindon fans will be put out of their misery *at eleven o'clock tomorrow morning*» [BNC/K1P]; «But I shall urge you no further *at present tomorrow* I leave for Cambridge» [BNC/K60]; «Ruth left Barnswick *next morning*» [BNC/CB5]; «*Next morning* Dairyman Crick sent all the dairy people out into a field to search for garlic...» [BNC/GW8]; «*The next morning* was an absolute disaster» [BNC/HTR]; «*Next day* Margaret went down to Midhurst...» [BNC/EDA]; «Only nothing happened *the next day...*» [BNC/FP0]; «And then, on *the very next day*, Kemp is murdered» [BNC/HWM]; «Final verdict on *last night* comes from Town skipper, Colin Calderwood» [BNC/K1J]; «I spoke to her *last night* as soon as I knew you were OK...» [BNC/HTG]; «I've got to go because I've got another meeting to go to *this evening*» [BNC/JA6]; «The Duke of Gloucester *this evening* attended a Gala Concert and Dinner hosted by The National Trust...» [BNC/A2N]; «Thieves broke into George

Washington's ancestral home in Northamptonshire *a week ago* and escaped with a haul of historic antiques worth up to 3 million» [BNC/KRM]; «*About this time* I had, by a certain wicked attempt – for I had a bold heart which rather put me upon courting than avoiding danger – set a hornet's nest about my ears so I thought it better to remove myself to France and be a little more discreet in my armours» [BNC/FU4]; «I thought *at the time* he'd had more to drink than me» [BNC/CH2]; «We can hear your ideas on interior decoration *another time*» [BNC/A73]; «*It's about time* you and Mummy stopped going to that dreary old Richardson in the High Street...» [BNC/A73]; «Whoosh up to Blackpool *last week* for a fix of caring, sharing and public admiration...» [BNC/CH1]; «Besides, I can't help but feel that *this time next year* all these girls will probably be for someone else» [BNC/CH1]; «Pop queen Paula Abdul is marrying hunky Hollywood star Emilio Estevez *tomorrow ...*» [BNC/CH1]; «He does know that *two weeks ago*, his mother has died of starvation» [BNC/CH1]; «If you have been giving you house plants a summer airing in the garden, *it is now time* to bring them in again» [BNC/CH1]; «All At Sea reverts to a mile for the first time *this season*» [BNC/CH3]; «Taylor faces his FA bosses *tomorrow...*» [BNC/CH3]; «Ronnie O'Sullivan was beaten for the first time in 25 snooker matches *last night*» [BNC/CH3]; «The argument that went on in Tanzania *at this time* is referred to in some detail in the next chapter» [BNC/CDU]; «I mean we, we've turned to thirty three *this time...*» [BNC/KE6]; «*Next time* I would keep my hands up» [BNC/CH3]; «I'll see all that *next time...*» [BNC/ADM]; «We won at Wimbledon *last month...*» [BNC/CH3]; «*Yesterday* Louise's father Phillip said...» [BNC/CH6] и т. д.

Интересно отметить случаи субъективного восприятия времени, находящиеся на стыке инстантанности и хронометрии, когда говорящий, стремящийся произвести на реципиента текста максимальный эмоциональный эффект, как бы выхватывает из временного континуума отдельные моменты и выстраивает их в цепочку, опуская стоящие между ними нерелевантные для повествования промежутки времени: «*One minute* you're surrounded by the modern bustle of Egypt's capital – *the next* you come face to face with ancient history as a sprawling housing estate is replaced by the stately pyramids and sand as far as the eye can see» [BNC/CH1]. Таким образом адресант создает впечатление некоего фантазийного временного континуума, состоящего из ярких моментов, наполненных противоречивыми впечатлениями.

Инстантанность часто сочетается с событийностью, когда в тексте упоминается момент, маркируемый с помощью события, связанного с данной временной точкой, что заменяет автору указание на дату и время действия: «*By the time the 90mph train smashed into the benches* it had lost only about 5mph» [BNC/CH2]; «Chamberlain coughed politely and said he was sure it would be cleared up *by the time he took over*» [BNC/A9H]; «If you do

not know your term-time address *at the time of registration* please notify your Faculty Office...» [BNC/B3A]; «*By the time we were across the road*, he had the ten shilling note in his hand» [BNC/B24]; «... *by the time he was back* I was in triple needlework» [BNC/G3P]; «... *by the time we meet again...*» [BNC/HDD]; «... I would imagine that *by the time our officers have reported back to this Authority* that they will have an advantage of having access to that report» [BNC/JS7]; «*By the time it comes for us to switch it on*, they could say, right we want twenty pairs a month at this size...» [BNC/JTA]; «One such quiet stroll had become a 12-mile hike *by the time we got back to our hotel*» [BNC/CH5]; «*By the time we arrive* the house is usually wrecked, the kids are in a terrible state» [BNC/A5Y]; «... to the higher proportion of defendants who are declared to have 'recovered' *by the time of the trial*» [BNC/ACJ]; «He had a big advantage over Peter Slade in that *by the time his seminal publication, Development through Drama, emerged* in 1967» [BNC/AM6]; «... the whole shooting match will be long gone *by the time you get back with your second dog*» [BNC/A6T]; «*Soon after Graham Taylor's boys touched down* in Santander...» [BNC/CH3]; «A programme for the Cooperative Party was formulated at the conference *soon after its formation*» [BNC/CCR]; «The bombing of Libya by the United States followed *soon after Gorbachev's offer for the removal of the Sixth Fleet*» [BNC/GVK] и т. д. В таких случаях читателю необходимо обладать дополнительными знаниями для определения датировки события, о котором идет речь. Это может быть знание текста, как, например, в случае с цитатой «*By the time we arrive...*», или экстралингвистические знания, связанные с историей, политикой и т. п., как в последнем примере «... *soon after Gorbachev's offer...*».

Инстантанность может сочетаться не только с событийностью, но и с релятивной хронографией. В этом случае датировка описываемого в тексте момента определяется каким-либо событием, произошедшим в точке, соотнесенной с моментом говорения, или другим моментом, упомянутым в тексте: «Bleary-eyed actor David Threlfall hadn't even time to shave *yesterday before taking a bow with his screen princess, Serena Scott Thomas*» [BNC/CH2]; «I think I'll phone you again *this evening before we leave Winnipeg*» [BNC/BP9]; «Police were waiting to inform relatives *last night before naming the 20-year-old man who died*» [BNC/CBF]; «*Next day after lunch*, he told his secretary he was attending a meeting...» [BNC/HH3]; «I agreed to take a look at these efforts, and we arranged to meet *next day after my morning lectures*» [BNC/AC6]; «He had dinner *yesterday before he went*» [BNC/KCN]; «It met SDLP leader John Hume in Londonderry *yesterday before travelling back to Belfast...*» [BNC/K35]; «Fifteen people were reported killed *yesterday before the hospital was hit*» [BNC/K47]; «Britain's showjumping chief Ronnie Massarella was furious *last night after his team missed out on the medals*» [BNC/CH7]; «Five prisoners being tried in connection with the Strangeways

riot were on the run *last night after escaping from a court*» [BNC/K5A]; «*Next morning after breakfast* we asked Magwitch to tell us more about his past life...» [BNC/FPU]; «*The next morning after breakfast* I crossed over to Demetriades's table» [BNC/G12]; «That night it freezes hard and *next morning after a brief breakfast* we thaw out the boat and set off again» [BNC/BMF]; «It has since emerged he sent the letters from a York Post Office *on that day before trying to gas himself in his car...*» и др.

В текстах встречается и сочетание событийности с хронометрией, когда временные рамки происходящего маркируются с помощью упоминания наполнявших это время событий, либо границы какого-либо отрезка времени обозначаются с помощью указания события или явления, имевших место в описываемый момент времени: «Broadly, goods are in course of transit from *the time that they are delivered to an independent middleman* for the purpose of transmission to the buyer, *until the time that the buyer actually obtains* or is entitled to obtain possession» [BNC/H7U]; «We walked to the boy's mother's house where I would stay *while we worked on the bride house*» [BNC/CDX]; «The cash, in bundles of 50, 20 and 10 notes, was stolen *while they spent twenty minutes shopping*» [BNC/CH2]; «... the court did not take account of who would look after the child *while they were in prison*» [BNC/HHW]; «Her proposal of marriage came as a complete surprise as her boyfriend popped the question *while they were on holiday in Spain*» [BNC/HRT]; «*During their seven-day marathon*, the riders will call at nature reserves...» [BNC/K3Y]; «Other definitions refer to the totality of what students experience *during their course of studies...*» [BNC/FA3]; «The possibilities of a more stringent regime *during their stay in prison*, Mayhew added, should also be considered» [BNC/EEC]; «*During their stay in Belorussia*, the Cossacks had provided a military force...» [BNC/FE5]; «*During their stay* the chefs introduced Leeds gastronomes to such delights...» [BNC/A0C]; «... MPs returned to the Commons to take stock of developments *while they were at the seaside*» [BNC/KRT] и т. п.

Событийность в сочетании с хронометрией может также сочетаться с инстантанностью, например: «It was an important vehicle of terror *in the Stalinist period* and, *by the time of Stalin's death*, had come to occupy a place in the state machinery which in some ways undermined the position of the Communist Party itself» [BNC/GV5]. Здесь временные рамки описываемого периода маркируются с помощью упоминания времени правления Сталина и его смерти. Таким образом, читатель понимает, когда происходили эти события, благодаря своим знаниям истории России.

Еще одной моделью условно статичного / дискретного восприятия времени является фриквентативность, присутствующая, в частности, в следующих цитатах: «This is not *the first time* we have spun coins!» [BNC/FU6]; «... have you noticed, how *every time* there's a hint of trouble

Princess Diana hits another hospice?» [BNC/CH1]; «nothing will prepare you for the jaw-dropping experience of taking the desert road out of the city *for the first time*» [BNC/CH1]; «*Next time* just stay at home and switch on the telly, clever clogs» [BNC/CH1]; «Brigit, 45, will be seen in the first commercial this week playing a mum worried about her daughter going to university *for the first time*» [BNC/CH2]; «*Every time* a hole was made, the grain just fell in again» [BNC/CH2]; «Battling Dave Cannon sprayed a whole trailer-load of the cow muck over a council building after plans for his retirement bungalow were turned down *for the fourth time*» [BNC/CH2]; «All At Sea reverts to a mile *for the first time* this season» [BNC/CH3]; «*Every time* Graham Taylor finds a player with Irish parents» [BNC/CH3]; «I cry *each time* I see the video...» [BNC/CH3]; «In the relevant text something different is in question *every time*» [BNC/CK1]; «*Each month* you will receive an update on the latest developments in investment banking...» [BNC/CFP]; «If I do wish to continue receiving the New Internationalist *each month* I need do nothing» [BNC/J5C]; «We learn something *every day*...» [BNC/FU6]; «And *every day* there is something going on for mum and dad or the kiddies» [BNC/AMW]; «*Sometimes* it would start first thing in the morning...» [BNC/HJ4] и др.

Динамичное восприятие времени, как отмечалось ранее, может быть представлено циклической и линейной, темпериодической и темперостатической моделями. Циклическая модель, более характерная для мифологического мышления, эксплицируется и в современных английских текстах, когда речь идет о повторяемости каких-либо событий, явлений и т. д.: «Through the love and compassion of Jesus the missionary is able to return *time after time* until this love has broken through and the message is accepted» [BNC/CC4]; «We need not go on confirming that *day after day*» [BNC/K5M]; «So the man could calculate exactly what he was earning you know, *hour by hour* if not *day by day* and *week by week*» [BNC/GYV]; «She was climbing ever higher, *day by day*» [BNC/C8E]; «But *day by day* I watched him becoming weaker, although he never complained» [BNC/FPU]; «And in this state she gallops *night by night*» [BNC/A06]; «Then we drew lots to decide the order in which we should improvise, *night by night*» [BNC/AE0]; «The noise was unbearable, it would go on *day and night*» [BNC/HJ4]; «Throughout the *day and night*, we have to be ready to accept all kinds of aircraft» [BNC/K55]; «The trouble is that she's constantly demanding, *day and night*» [BNC/B0W]; «That what the inspector's been telling us *year after year*, that we are in serious danger...» [BNC/J9M]; «Sharaf Rashidov, the former party boss, would lie about the cotton crop *year after year* to ingratiate himself with Moscow» [BNC/AHN]; «Previous experiments with gene therapy ... have had to be repeated *monthly* because of the cells' limited life span» [BNC/K5E] и др.

Зачастую оязыковление циклической модели связано с репрезентацией в тексте смены времен года: «Their years are divided into *four seasons*:

the season of Frost, the season of Rain, the season of Sun, and the season of Storm. These roughly correspond to *winter, spring, summer and autumn*» [BNC/CM1]; «Stories that did not depend upon a *season* to make their particular point she would place variously in *summer, winter, spring or autumn*» [BNC/AEA]; «As the long, cold *winter merged into spring* she wondered if America, or any place on earth, could be as beautiful as her native moors» [BNC/CB5]; «Seasonal affective disorder is associated with depression that is marked during the *Winter* and early *Spring* and regresses in the *Summer*» [BNC/A75] и т. п. Речь может идти и о смене времени суток: «As sure as *night follows day* the Social Democrats moved into uneasy alliance with the Liberals» [BNC/G3L]; «The next quatrain is again comparing *the cyclical movement of life, as the day moves into night*, to the enveloping darkness surrounding the poet» [BNC/HD8]; «He walked *by night* and slept *by day*, the midday sun being too hot for him» [BNC/A6T]; «You've worked like a maniac *day and night*» [BNC/AT3]; «... they were, therefore, under constant close surveillance *day and night*» [BNC/B0Y] и др.

Отметим, что циклическая модель восприятия времени может сочетаться как с темперодинамичной, так и с темперостатичной моделями. В частности, к темперодинамичной циклической модели можно отнести такие вышеприведенные примеры, эксплицирующие циклическое движение времени, как «...*night follows day*...», «...*as the day moves into night*...» и др. А к темперостатичной модели – такие примеры, как: «Their years are divided into *four seasons: the season of Frost, the season of Rain, the season of Sun, and the season of Storm*...», «... depression that is marked during the *Winter* and early *Spring*...» и т. п.

Линейная темперодинамичная модель, репрезентирующая представления о времени как о путнике, движущемся навстречу человеку, представлена, в частности, в следующих примерах: «The first crunch *time* for Fergie came after the birth of her daughter Beatrice in August 1988» [BNC/CH1]; «... so hopefully *by the time Christmas comes*...». К темперодинамичной модели, при которой время является траектором, а человек – ориентиром, можно также отнести следующие примеры: «*Time has stopped dead*...» [BNC/FU6]; «Statajack was David's first win for nearly a month and the big *time could come* with Seattle Rhyme...» [BNC/CH3]; «*Time is running out*» [BNC/CH3]; «*The time will come* quite shortly when something has to be done» [BNC/CH3]; «*The time may yet come* when we shall have to face the bullets of our fellow workers in warning them that armed force is no remedy...» [BNC/CE7]; «But many parents will welcome *the arrival of the time* when it is possible to share interests and to talk together in a more adult way» [BNC/BLW]; «... by the time *Wednesday comes*...» [BNC/HYG]; «... now bearing in mind that *half the year has gone, or will have gone* by the time anybody arrived here...» [BNC/JA9]; «Another *month passed* while they continued

the old routines...» [BNC/K8T]; «A *year passed* while they grew used to the house...» [BNC/A7D]; «When the *day came* I had no time to think» [BNC/ASN]; «At last the great *day came*» [BNC/FR6]; «The *day came* to collect the dog» [BNC/C8U]; «The present concern for sport as polling *day approaches* is typical of how politicians are adept at using the subject for short-term gain while ignoring its long-term problems» [BNC/AHX]; «... he felt more and more miserable as the *day approached*» [BNC/AT4]; «When the appointed *hour approached* and we could see the visitors...» [BNC/FEE]; «As *night approached*, the man was forced to put on a belt packed with plastic explosives...» [BNC/CBE]; «I thought we'd been getting on pretty well but as *Father's Day approached*, Joe made it clear that I couldn't hope to be any more than just second best...» [BNC/G35]; «As the day of our final *hour approached* our publicity releases continued to whip up public opinion...» [BNC/B11]; «The lovely happy *hour was approaching*» [BNC/B3J]; «More often, the examiner finds the *day approaching* when he must commit his paper on its first stage towards the printers and writes questions as they occur to him» [BNC/FEU]; «... the *day is approaching* when the blue flag with the diamond logo will flutter from the summit» [BNC/GBK]; «It was with some trepidation that I perceived the *hour approach*» [BNC/HXG]; «Think how *time flies* in periods of intense, purposeful activity» [BNC/EX5]; «The *time flew* and at three o'clock Madame Delon rose...» [BNC/GVP]; «A few *days passed* and he heard nothing» [BNC/AC3]; «*Days passed; weeks passed*» [BNC/C8S]; «Two *days passed* and Dorian grew less afraid» [BNC/GUS]; «Then *came the day* of joy...» [BNC/CH6] и др.

К темперостатичной модели, в которой время выступает в роли дороги, по которой движется человек, можно отнести следующие примеры: «...two years ago we had a similar increase which in fact by the time *we got to the end of the year* had disappeared...» [BNC/J9N]; «*By the time the matter came to this court*, it was impossible to take any other view» [BNC/FDC]; «*We were coming to the end of the day*, and the light was starting to fade» [BNC/HR9]; «It will be opened by Patrick Moore on 7 October and will run *to the end of the month*» [BNC/B7C]; «*We approached our last day* with mixed feelings» [BNC/A65]; «The season's finale was the annual festival ending with the presentation of the 'Fair Play Award' by GM to the team *who*, in the opinion of the Umpire, *approached the day* in the true spirit of the game» [BNC/HRT]; «As *you approach Day 2*, I hope you will be feeling very positive about your chances of success» [BNC/C9Y]; «Now as *it approaches the witching hour*...» [BNC/KGW]; «As *we approach Christmas* the real tragedy is that the vast majority of our friends – good, sincere people, most of them – will not get within a mile of the real meaning of Christmas» [BNC/ABV]; «Does he agree that, as *we approach the Christmas season*, it would be appropriate to have a homeless children's Christmas bonus...» [BNC/HHV]; «*It was approaching Christmas*

Day» [BNC/K5L]; «... when *it came to the day*, a lot of people on the boat had never rowed before» [BNC/ CBX]; «An honest woman is above rubies, and an evil one – *her feet go down to death*, her steps take hold on hell» [BNC/GUX]; «... all his patience and intelligence in most matters, faltered when *it came to the moment* to arrest the people he investigated» [BNC/G15]; «With its every utterance *the board down at Feethams is approaching the moment* when it will have to give a vote of confidence to its manager» [BNC/K52]; «Thus skidding violently from one side to the other, *his youth approached the moment* at which he would begin to be a person» [BNC/A7C]; «An interesting study, this, of the varying techniques with which *different men approached the moment* of truth» [BNC/G0M]; «To the memory of Leopold Thomas Rice Dersingham *who departed this life* 12 July 1942 in the 18th year of his life» [BNC/HA2]; «... many of those who didn't go to an early grave with some infection or other *departed this life* with a putrid liver» [BNC/CBJ]; «... especially when *we begin to pass from youth to maturity*» [BNC/K4L] и др. В этих отрывках время служит ориентиром, а человек – траектором. Он движется по времени, как по дороге, проходя на своем жизненном пути такие пункты, как юность, зрелость и т. д. («...*we begin to pass from youth to maturity*...»), от точки рождения к моменту смерти, являющемуся в то же время отправной точкой для дальнейшего путешествия – в мир иной («... *departed this life*...»).

Таким образом, можно говорить о том, что все представленные в схеме модели темпоральной перцепции находят отражение в англоязычных текстах. При этом преобладание в них какой-либо из моделей обусловлено жанровой спецификой текста и интенциями автора произведения.

Библиографический список

1. Нильсен Е. А. Оязыковление когнитивной схемы восприятия времени в ранненовоанглийских текстах // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014. – № 1 (038). – С. 29–37.
2. Нильсен Е. А. К построению когнитивной схемы восприятия времени носителями среднеанглийского языка // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. Когнитивная лингвистика: итоги, перспективы: мат-лы Всеросс. науч. конф. 11-12 апреля 2013 г. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издат. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2013. – С. 215–219.

Электронные ресурсы

3. BNC (British National Corpus) URL: <http://corpus.byu.edu/bnc>

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ АРТИКЛЕЙ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ СЕМАНТИКИ И ТЕОРИИ ПРОТОТИПОВ

Особенности употребления артикля в английском языке неоднократно становились предметом исследований отечественных и зарубежных ученых, тем не менее эта проблематика не утратила актуальности, которая определяется многогранностью данного феномена, что, в свою очередь, порождает разнообразные научные теории. С одной стороны, артикли рассматриваются как служебные слова с лексическим значением. Так, согласно теории дейксиса, артикль как дейктическое слово, образующее с существительным атрибутивное словосочетание, выражает универсальную понятийную категорию определённости/ неопределённости и указывает на степень известности предмета речи для участников коммуникативной ситуации [4].

С другой стороны, ослабленное значение артиклей, а также аналитический характер морфологической системы английского языка привели к появлению теории артикля как компонента грамматической формы, участвующей в выражении особой грамматической морфологической категории имени существительного. Мнения её сторонников расходятся в плане содержания и количества категориальных артиклевых форм, так как остаётся открытым вопрос о правомерности выделения нулевого артикля [4].

Высказываются также утверждения о том, что уникальность природы артикля не позволяет включать его ни в один из разделов языковой иерархии. Например, А. А. Худяков выносит артикль в особый класс артиклевых операторов, актуализирующих в речевом высказывании некие узловые смыслы [7].

За последние несколько лет представления о функционировании артиклей были значительно расширены благодаря использованию в лингвистических исследованиях когнитивного подхода. Так, с точки зрения Е. А. Долгиной, артикли выражают морфологическую категорию имени существительного, содержание которой определяется оппозицией абстракции и конкретизации [4, с. 52], и представляют собой особую систему знаков, в которой каждый знак призван обозначать определенный мыслительный процесс (абстрагирования, классификации, дискретизации) и его результат в виде представления о предмете (денотате, референте), эксплицируемом существительным в речи. Артикль – это средство указания на мысленную категоризацию предметов участниками коммуникативного акта на более или менее знакомые, иначе говоря, на степень или ступень их познания (начальную, промежуточную или абсолютную).

Вопрос о функциональных свойствах английского артикля, составляющих один из самых сложных аспектов грамматики, приобретает особое значение в связи с растущими потребностями в преподавании английского языка как средства международного общения. В учебной литературе выбор артикля объясняется исключительно лексико-грамматическими свойствами имени существительного [3]. Для этого проводится разграничение исчисляемых и неисчисляемых, а также собственных и нарицательных имен в английском языке. Авторы упоминают «частое и разнообразное употребление именных структур с артиклем, нарушающее языковую норму». Например, рассматриваются случаи употребления с артиклями собственных имен или неисчисляемых существительных, которые по правилам якобы этого не допускают. При этом не учитываются результаты исследований, свидетельствующих о том, что не только конкретные существительные употребляются с артиклями, но и абстрактная лексика также сочетается как с определенным, так и с неопределенным артиклем. То же можно сказать и о названиях веществ и об именах собственных, и называть такое употребление артиклей нарушением нормы было бы несправедливо. Необходимо выработать подход, объяснительный потенциал которого удовлетворял бы все (или практически все) случаи употребления артикля.

На наш взгляд, такой объяснительной силой обладает прототипическая семантика. Не умаляя достоинств многочисленных исследований артикля и во многом опираясь на них (в частности, на теорию нечетких множеств Е. А. Рейман, теорию локализации Дж. Хокинза, диссертационное исследование Е. А. Долгиной, работу И. К. Архипова о полном объеме понятия, а также на основополагающие труды Е. С. Кубряковой и Г. Гийома), в данной статье предпринята попытка рассмотрения артиклей английского языка с позиций теории прототипов [1, 2, 3, 4, 5, 6, 8].

За любым языковым фактом стоят процессы и механизмы человеческого мышления, без понимания которых невозможно эти факты объяснить. Г. Гийом утверждает, что операции, на которые опирается структура языка, сводятся к двум процессам. Языковое сознание, по мнению автора, обязано своей потенцией тому, что способно обобщать и индивидуализировать. Эти две операции (партикуляризация и генерализация) представляют собой внутреннее бинарное целое. Механизм мышления автор усматривает в сложении двух сил. Он называет их тензор 1 (действующий от широкого к узкому) и тензор 2 (от узкого к широкому). Подобный дуализм или диалектичность мышления находит отражение, по Гийому, на всех уровнях и всех подсистемах языка [2].

На подобный постулат опирается и современная когнитивная наука. Ключевыми для когнитивной лингвистики являются понятия концептуализации и категоризации человеческого опыта, определяющие когницию и составляющие предмет когнитивных наук [5].

Когнитологами признается, что все мысли человека организованы с помощью одних и тех же структур, концептов. Концепт – это некая идея, отдельный смысл, имеющийся в сознании, оперативная единица, обладающая целостностью. Синонимом его выступает слово, пришедшее из психологии – гештальт. По мысли Дж. Лакоффа, гештальт состоит из признаков, частей, однако не равен сумме этих признаков. Это целостная содержательная единица, соотношенная со знанием о мире и референциально выводящая в этот мир посредством языка. Вслед за И. Кантом будем утверждать, что нерасчлененный поток сигналов, воспринимаемых человеком, упорядочивается, структурируется сознанием в процессе познания окружающего мира. Цитируем Гийома: «В качестве психического начала слова выступает полный универсум, содержащий (отдельное) частное, предназначенное для вычленения» [2]. По утверждению Е. С. Кубряковой, процесс концептуализации направлен на выделение предельных для определенного уровня рассмотрения единиц человеческого опыта в их идеальном содержательном представлении (партикуляризация в терминологии Гийома), и этим он отличен от процесса категоризации, который направлен на объединение единиц, проявляющих сходство (генерализация по мысли Гийома) [5].

Категоризация в когнитивной науке представляет собой «подведение явления, объекта, процесса и т. п. под определённую рубрику опыта, категорию и признание его членом этой категории» путем мысленного соотношения предмета или слова с более общим классом (группой или категорией) «на основе определённых представлений об их существенных свойствах» [5].

В XX в. представления о сути процесса категоризации и о сущности категорий были революционным образом изменены в работах Л. фон Витгенштейна, Э. Рош, К. Брунера и его коллег. Речь, несомненно, идет о постулировании прототипических категорий. Введением в научные рассуждения этого типа категорий достигалось признание того факта, что членами одной категории могут быть не полностью совпадающие по совокупности своих признаков единицы, а единицы, то хуже, то лучше характеризующие свою категорию. Идею категории лучше всего представляет прототип – как лучший представитель класса, а принадлежность к категории устанавливается на основе фамильного сходства. Данные идеи были перенесены Е. С. Кубряковой в область языковой частеречной классификации. Для наших рассуждений важен следующий вывод автора: части речи – открытые естественные прототипические категории, имеющие «лучшего представителя» (например, для глаголов – это глаголы движения). В категории имен существительных конкретные имена, центральной для которых является идея предметности – прототипы, абстрактные имена или на-

именования вещества (признака, свойства и пр., в которых идея предметности размыта) представляют собой периферию [5].

Итак, идея предметности или представление об объекте лежит в основе такой части речи, как имя существительное. По мнению А. Вежбицкой, сопоставившей семантику существительных и прилагательных, эти два класса слов, закрепляя в своих лексических номинациях результаты мышления и познания человеком окружающей действительности, демонстрируют разницу между категоризацией и описанием (концептуализацией). Используя существительные, мы обращаем внимание на характеристики, конституирующие объект, т. е. на стабильные и важные качества (калека, горбун, добряк vs больной, горбатый и добрый). Для более точной квалификации этого свойства Е. С. Кубрякова предлагает ввести понятие типа, сорта, на которое всегда указывает существительное [5]. Этого свойства нет у прилагательных или представителей других частей речи. А. А. Уфимцева констатирует, что если речь идет об имени существительном, то объектом наименования, обозначения является не конкретный единичный предмет, а типизированное представление о классе предметов. Известно, что существительные нарицательные - «это такие слова, которые называют предмет по его принадлежности к тому или иному классу; соответственно они обозначают предмет как носитель признаков, свойственных предметам данного класса» [5, 9].

Итак, важнейшим свойством имени существительного является расширенность понятия (то, что в лексической семантике характеризуется шириной, емкостью экстенционала значения). При этом, как утверждает Е. А. Рейман: «Слово с обобщающей абстрактностью своего значения в процессе функционирования в речи может использоваться коммуникантами для передачи содержания разных уровней обобщения. Степень обобщенности значения того или иного используемого слова в каждом отдельном случае воспринимается адресатом сообщения диффузно, вместе с контекстом этого слова. Наличие же артикля в системе языка и его присутствие или отсутствие в речи вносят в общее значение контекста сообщения сему идентифицированности уровня обобщения [6]. Об этом же пишет Г. Гийом, когда говорит о вариативности объема слова как о расширенности, которая остается безразлична к содержанию слова, ограничиваясь тем, что расширяет или сужает поле его применения: широкого, если говорят *The man is mortal*, узкого, если говорят *A man entered* или *The man sat down*, широкого в едва намечившемся движении от широкого к узкому в *A human being always remains human* [2].

Расширенность – это свойство, полученное именем на определенном этапе формирования грамматической системы частей речи довольно поздно. Если, как предлагает Г. Гийом, его «отнять у имени» и сделать из него отдельное означаемое, то получится грамматическое слово, специально

предназначенное для обозначения формы и величины расширенности имени. Данное слово – артикль» [2, с. 158].

Попытка объединить идеи Г. Гийома, И. К. Архипова, Е. А. Рейман, Е. А. Долгиной и прочих ученых с постулатами прототипической семантики приводит к следующему выводу. Важнейшим свойством имен является указание на сорт (тип), обозначение предмета как носителя признаков, свойственных предметам данного класса. Грамматическим реализатором данного значения является артикль. Неопределенный артикль характеризует движение мысли, включающее денотат в некий класс и передает значения «любой, один из, каждый». Определенный артикль, передающий значение «тот самый, именно тот или те, самый-самый» указывает на движение мысли в сторону партикуляризации, в конечном итоге с указанием на прототип или конкретный представитель класса.

Рассуждая об артикле английского языка нельзя обойти вниманием и проблему нулевого артикля. Это артикль отрицательной морфологии, согласно глубокому и неожиданному решению Г. Гийома, заменяющий либо неопределенный, либо определенный артикль не для того, чтобы сказать что-либо, а чтобы не дать сказать то, что было бы неправильно выражено другими артиклями. Иными словами, отсутствие артикля (заметим, встречающееся главным образом с существительными, стоящими на периферии, наиболее удаленными от прототипа – обозначающими признак, вещество, абстрактные идеи и пр.) свидетельствует о том, что мысль была «перехвачена, остановлена» языковыми средствами на этапе концептуализации (слово выражает некую холистическую сущность) и на этом этапе субстантивации имя еще не реализовало свою прототипическую классифицирующую функцию, функцию указания на сорт, тип.

Библиографический список

1. *Архипов И. К.* Грамматика английского языка. Артикли [Текст]: учеб. пособие / И. К. Архипов. - СПб.: ООО «ИнЪязиздат», 2006. - 176 с.
2. *Гийом Г.* Принципы теоретической лингвистики [Текст]: сборник неизданных текстов / Общ. ред., послесл. и коммент. Л. М. Скрелиной. - М.: Издат. группа «Прогресс», 1992. - 224 с.
3. *Долгина Е. А.* Английские артикли в когнитивном и стилистическом освещении [Текст] / Е. А. Долгина // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей. – М.: Макс Пресс, 2007. - Вып. 35. - С. 34-56.
4. *Долгина Е. А.* Артиклевые формы имени существительного в когнитивно-грамматической категоризации современного английского языка [Текст]: автореф. дис. на соиск. уч. степ. д-ра филол. наук. – М., 2010. - 55 с.
5. *Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст]: учеб. пособие / Е. С. Кубрякова. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - 560 с.

6. *Рейман Е. А.* Английский артикль: коммуникативная функция [Текст]: учеб. пособие / Е. А. Рейман. - СПб.: Наука, 1994. - 216 с.

7. *Худяков А. А.* Семиозис простого предложения [Текст]: монография / А. А. Худяков. - Архангельск: Помор. гос. университет, 2000. - 272 с.

8. *Hawkins J.* A definiteness and indefiniteness [Text] / J. Hawkins. - London, 1978. - 316 p.

9. *Wierzbicka A.* The semantics of grammar [Text] / A. Wierzbicka. - Amsterdam, 1988. - 627 p.

ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ, ЛЕКСИКОГРАФИИ И ТЕРМИНОВЕДЕНИЯ

Ю. С. Ананьева

ДЕФИНИЦИОННОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ТЕРМИНА В МЕДИЦИНСКОМ ДИСКУРСЕ

В условиях современного информационного общества все более актуальным становится изучение роли терминов в процессах получения, переработки, передачи и хранения знаний. В рамках современного терминоведения, таким образом, термин изучается во взаимосвязи с деятельностью человека.

В работах по терминоведению таких терминоведов, как Л. М. Алексеева, В. М. Лейчик, З. И. Комарова, Л. А. Морозова, А. В. Суперанская, С. Д. Шелов, одним из важнейших условий образования и функционирования термина считается дефинитивность. Тем не менее исследованию дефиниции, в отличие от всесторонне изученного термина, уделяется значительно меньше внимания.

Согласно исследованиям в области терминоведения, дефиниция представляет собой сложный и многогранный феномен, который на протяжении многих лет был объектом изучения логики, философии, а последнее время и терминоведения, о чем свидетельствует наличие нескольких подходов к определению понятия дефиниции: 1) значение термина (Морозова 2004; Кияк 1987; Суперанская 1989 и др.); 2) особый тип текста, структуру которого составляют термин и определяющее его выражение (Шелов 1998; 2003); 3) структура знания, репрезентирующая этапы концептуализации (Алексеева 1998; Володина 2000; Горский 1974; Лейчик 2009; Табанакова 1998; Шелов 1998). Более того, дефиниция выступает как особый способ репрезентации профессионально-научного, или специального знания. И в то же время дефиниция как «языковая форма выражения познанного явления», согласно мнению В. А. Татарина, участвует в процессах концептуализации и категоризации, что «представляется важным аспектом современного терминоведения» [6, с. 112].

Поскольку дефиниция термина изучается во взаимосвязи с деятельностью человека, то дефиницию необходимо рассматривать в интегративном объекте – дискурсе – «сложном коммуникативном явлении, включающем, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для построения текста» [4, с. 125]. В дискурсе происходит формирование и вербализация концепта – «всей совокупности знаний по определенной проблеме» [2,

с. 114], который может быть структурирован в виде фрейма – когнитивной структуры или особой единицы хранения знания, состоящей из слотов – «ячеек для хранения информации» [7, с. 20-32]. Когнитивно-дискурсивный подход, таким образом, позволяет изучать дефиницию интегративно с учетом всех подходов к ее определению, что представляется актуальным в современном терминоведении.

При изучении дефиниции мы сочли целесообразным обратиться к такому понятию, как моделирование, и, соответственно, модель. В лингвистической литературе нет общепринятого определения модели. Так, некоторые лингвисты, в частности О. Л. Каменская (1971), Э. Я. Мороховская (1975), Т. С. Серова (2009), характеризуют *модель* как воспроизведение структуры и свойств анализируемого объекта. В. Г. Борботько определяет *модель* как новую сущность, сформированную из наличного материал [3, с. 280]. В рамках нашего исследования мы обращаемся к понятию моделирования, во-первых, как *методу* изучения дефиниций термина, во-вторых, как *процессу создания* семантико-когнитивных конструкторов. *Модель*, исходя из представленного понимания моделирования, можно определить как семантико-когнитивный конструктор, сформированный на основе дефиниции термина *сепсис*. Следовательно, *дефиниционное моделирование* представляет собой моделирование дефиниций термина, в ходе которого семантические компоненты дефиниции соотносятся с определенными фрагментами концепта. Результатом дефиниционного моделирования выступают *семантико-когнитивные модели* – комбинации когнитивных компонентов, соотносимых с компонентами значения дефиниций. Компоненты семантико-когнитивных моделей вербализуются в виде микрополей, которые в нашем исследовании представлены совокупностью номинаций, объединенных общностью содержания и образующих тематические ряды. Организация микрополей, в целом, составляет *терминологическое поле* – «унифицированную по системному основанию многоуровневую классификационную структуру, объединяющую термины сферы однородной профессиональной деятельности» [5, с. 275].

Цель нашего исследования, таким образом, заключается в выявлении и изучении специфики микрополей, составляющих терминологическое поле «сепсис», на основе дефиниционного моделирования в медицинском дискурсе.

Дизайн исследования состоит из трех этапов. На первом этапе исследования в ходе структурно-семантического анализа мы выделяем компоненты в структуре значения (дефиниции), которые соотносятся со структурой знания. Второй этап исследования заключается в построении семантико-когнитивных моделей дефиниций термина *сепсис* на основе семантико-когнитивного анализа. Семантические компоненты дефиниции соотносятся с определенными фрагментами концепта, т. е. слотами, что

составляет суть дефиниционного моделирования. Компонентный анализ дефиниции термина *сепсис* выводит на определенное понятие, которое можно представить в виде определенной семантико-когнитивной модели. Компоненты каждой построенной семантико-когнитивной модели репрезентируют соответствующие слоты концепта «сепсис». Компоненты семантико-когнитивной модели дефиниции, в свою очередь, вербализуются в виде микрополей, составляющих терминологическое поле «сепсис». Микрополя представлены номинациями, которые образуют тематические ряды внутри каждого микрополя, что и составляет третий этап исследования. В качестве примера приведем дефиницию термина *сепсис*.

Сепсис – угрожающее жизни заболевание, возникновение которого связано с внедрением в организм новорожденного патогенных микробов, «...» синегнойной палочки и других микроорганизмов [6, с. 34]. Итак, значение каждого из выделенных компонентов (*внедрение, новорожденный, патогенные микробы, синегнойная палочка, другие микроорганизмы*) соотносится со структурой знания. В структуре значения каждой номинации выделяются следующие компоненты: *внедрение*, актуализирующий факт проникновения, который соотносится с понятием «условия» возникновения заболевания, *новорожденный* содержит сему «организм человека», или «макроорганизм», который выводит на понятие «пациента». И, наконец, компоненты *патогенный микроорганизм, синегнойная палочка, другие микроорганизмы*, объединенные семой «микроорганизм», выводят на понятие «возбудитель» заболевания. Анализ представленной дефиниции термина *сепсис*, таким образом, выводит на понятие *заражение*, которое характеризуется проникновением патогенного микроорганизма в организм человека, что позволило нам построить семантико-когнитивную модель следующего вида: сепсис – это «внедрение» + «пациент» + «возбудитель».

Итак, в ходе структурно-семантического анализа дефиниции термина *сепсис* были распределены по четырем группам, которые соотносятся с определенным этапом концептуализации. Знание на донаучном периоде представлено понятием *сепия*, актуализирующим представление о гуморальной теории Гиппократов. Знание о сепсисе на бактериологическом этапе представлено понятием *заражение*, в основе которого лежит теория проникновения патогенных микроорганизмов в организм человека. Знание на антибактериальном этапе развития теории сепсиса представлено понятием *инфекционный процесс* и отражено в концепции инфекционных заболеваний. На современном этапе знание о сепсисе представлено понятием *системное воспаление*, которое сформировано концепцией системного генерализованного воспаления как сложной комплексной реакции организма человека на чрезмерное воздействие патогенных раздражителей.

Таким образом, понятия *сепия, заражение, инфекционный процесс и системное воспаление* составляют структуру концепта.

В целом мы рассмотрели 400 дефиниций термина сепсис, каждая из которых была соотнесена с определенным понятием.

Преобладающее количество дефиниций термина сепсис репрезентирует понятие инфекционный процесс – 36,75%. Наименьшее количество дефиниций репрезентирует понятие донаучного периода – сепия – 6%.

В ходе анализа дефиниций было построено 60 семантико-когнитивных моделей дефиниций термина сепсис. Знание донаучного периода репрезентировано 5 семантико-когнитивными моделями дефиниций термина сепсис, бактериологический этап – 20, антибактериальный этап – 25, и современный этап развития знания о сепсисе представлен 10 семантико-когнитивными моделями дефиниций термина сепсис.

Проанализировав семантико-когнитивные модели дефиниций термина сепсис, было выявлено, что значения их компонентов соотносятся с определенным слотом субфрейма, что позволило нам определить количество слотов в каждом субфрейме. Поскольку структура концепта соотносится со структурой терминологического поля, т. е. слоты концепта соотносятся с микрополями терминологического поля «сепсис», то в результате количественного анализа микрополей терминологического поля «сепсис» было отмечено, что на донаучном периоде развития знания о сепсисе доминирует микрополе «симптомы» – 33%; на бактериологическом этапе доминирует микрополе «возбудитель» – 23,5%; на антибактериальном этапе преобладает микрополе «локализация» – 24,1% и на современном этапе развития теории сепсиса доминирует микрополе «механизмы развития заболевания» – 25%, как представлено в таблице (*составленной автором данной статьи*).

Соотношение микрополей терминологического поля «сепсис» (%)

Субполе	Микрополя (%)							
	П	В	У	М	Л	С	ТЛ	ХЛ
<i>Сепия</i>	-	-	2	-	-	33	22	11
<i>Заражение</i>	8,8	23,5	20,6	-	9,8	12,7	2,9	5,9
<i>Инфекционный процесс</i>	12,7	9,7	10,3	-	24,1	14,3	7,1	7,1
<i>Системное воспаление</i>	5,1	8,1	8,1	25	20,4	7,1	22,4	4,6

П – пациент; **В** – возбудитель заболевания; **У** – условия заболевания; **М** – механизмы развития заболевания; **Л** – локализация; **С** – симптомы; **ТЛ** – терапевтическое лечение; **ХЛ** – хирургическое лечение

Вследствие анализа языкового материала, представленного корпусом дефиниций термина *сепсис*, мы выявили, что структура терминологического поля «сепсис» позволяет изучить специфику вербальной репрезентации знания на каждом этапе концептуализации. Дефиниционное моделирование, таким образом, является эффективным методом изучения дефиниции и формирования понятия, а также одним из способов построения терминологического поля. Более того, дефиниционное моделирование предоставляет возможность изучения термина и его дефиниции во взаимосвязи с познавательной деятельностью человека и играет существенную роль при выявлении специфики структуры знания в когнитивном терминоведении.

Библиографический список

1. *Алексеева, Л. М.* Проблемы термина и терминообразования. – Пермь: Изд.-во Перм. ун-та, 1998. – 120 с.
2. *Алексеева, Л. М., Мишланова, С. Л.* Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд.-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
3. *Борботько, В. Г.* Принципы формирования дискурса: От психолингвистики к лингвосинергетике. - М.: КомКнига, 2006. – 288 с.
4. *Дейк, Т. А. ван.* Принципы критического анализа дискурса / Т. А. ван Дейк // Перевод и лингвистика текста. – М., 2004. – С. 169-217.
5. *Морозова, Л. А.* Терминознание: основы и методы. - М., 2004. – 144 с.
6. *Островский А. Д., Воробьев А. С.* Сепсис новорожденных. - Л.: Медицина, 1985. – 248 с.
7. *Татаринов, В. А.* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь Российское терминологическое общество РоссТерм. – М.: Моск. лицей, 2006. – 528 с.
8. *Fillmore, Ch.J.* Types of lexical information/ Ohio State University, 1976.

Е. В. Белоглазова

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕРМИНОЛОГИЯ: КРИТИЧЕСКОЕ УТОЧНЕНИЕ ТЕОРИИ И СИСТЕМНОГО СТАТУСА

Сферой бытования терминологии принято считать «специальный язык», или «язык для специальных целей». Однако это обозначение ассоциируется, прежде всего, с профессиональным языком, что может быть вполне уместным при рассмотрении функционально-языковых образований, обслуживающих сугубо прикладные, например технические области деятельности. В то же время экономическая коммуникация носит очень

разносторонний характер, может принимать самые разные формы и не сводима к языку экономистов-профессионалов.

Так, Н. М. Щекина внутри экономического языка разграничивает два феномена – «язык специальности», под которым понимается язык экономической науки, и «язык профессии», то есть язык, который используется в различных ситуациях профессиональной деятельности. Первый соответствует лишь ученой и научной деятельности специалистов, в то время как второй имеет применение в профессиональной экономической деятельности [31].

Еще большую детализацию находим у А. Ю. Попова [21], считающего возможным выделить три уровня экономической коммуникации – бытовой, профессиональный и теоретический. В основе этого деления лежит критерий адресата, который в случае экономического языка носит универсальный характер. То есть если адресатом математического текста с большой долей вероятности будет математик, то «адресатами экономических текстов являемся все мы, различаются лишь виды текстов, нам адресованные» [21, с. 131]. Исследователь выделяет три типа адресата экономического текста – потребители благ, профессионалы-экономисты и специалисты-теоретики, которые предопределяют специфику экономической коммуникации, принимающей различные лингвистические формы, т. е. реализующейся в различных типах текстов, объединяемых лишь «глубинным предикатом» – *деньги* на глубинном уровне и его вербализациями – экономическими терминами – на поверхностном уровне.

Поскольку совокупность текстов, раскрывающих некоторую тематику и имеющих, таким образом, общий план содержания (макроструктуру), и объединяющие их средства языкового выражения (суперструктуру) принято называть дискурсом [6; 25], мы будем придерживаться в дальнейшем наименования *экономический дискурс*, объединяющий все разновидности экономической коммуникации, соотносимые с разными функциональными стилями. При этом цементирующую роль здесь играет именно терминология, вербализующая общее для всех них тематическое ядро, и присущая, в большей или меньшей степени, даже самым популярным текстам экономической тематики.

Подходя здесь вплотную к определению термина *термин*, приходится констатировать, парадоксальным образом, его *неоднозначность* в связи с тем, что он по-разному трактуется в рамках сформировавшихся исследовательских школ и направлений. Так, одни исследователи [13; 16; 27] считают термин специально созданным языковым знаком, отличным от слова в его традиционном понимании, и утверждают, что термин, в противоположность последнему с его лексическим значением, обладает особым типом значения – терминологическим. Им противостоят сторонники того мнения, что термин – это лишь функция обычного языкового

знака, соотносящая любое слово с особой сферой его употребления, особой картиной мира – научной, технической, профессиональной – или ее фрагментом [8].

Впрочем, эта ситуация с неоднозначностью термина *термин* не уникальна, и здесь, со всей очевидностью, теория, стремящаяся к нормализации и регулированию терминологии, расходится с реальной практикой терминопотребления. В этой связи некоторые исследователи, придерживающиеся дескриптивного, в противоположность прескриптивному, подхода, констатируют у термина наличие полисемии, и, более того, вводят в отношении терминов новые понятия - *амбисемия* и *эврисемия* [11; 28], описывающие неопределенность содержания термина, обусловленную различиями в его интерпретации разными научными школами и крайней степенью обобщенности его семантики, приводящей к неопределенности круга потенциальных денотатов.

Также в скобках можно отметить, что не в лучшей ситуации оказался и другой термин, которым мы здесь оперируем – *дискурс*, количество значений, вкладываемых в который, варьируется по разным оценкам от двух [14; 22; 30] до восьми [24].

Однако в целом, в соответствии с задачами терминоведения, к идеальному термину предъявляются следующие **требования**:

1. Точность, дефинитивность, семантическая определенность и однозначность, хотя бы в рамках соответствующего дискурса. «Точность терминопотребления – не просто свойство, присущее термину изначально, а результат процесса познания, усилия мысли, тщательного отбора формулировок. Другая сторона этой проблемы – оптимизация употребления терминов, предполагающая не только достижение максимальной точности, но иногда и ее ограничение, сведение нечеткости термина к разумному минимуму» [7, с. 20].

2. Системность, т. е. отнесенность к системе терминов.

3. Прозрачность, мотивированность внутренней формы. Наиболее радикальную позицию в этом отношении занимает И. Н. Волкова [9, с. 70–71], которая предъявляет к терминам требование исконного происхождения.

4. Стилистическая нейтральность, безэмоциональность [17; 18; 19 и др.]. Г. О. Винокур определяет данную особенность терминов как «интеллектуальную чистоту» [8, с. 5].

Термины точных областей науки, по-видимому, максимально приближаются к описанному терминоведами идеалу, в то время как в терминологии экономики, являющейся гуманитарной наукой, в которой важную роль играет так называемый человеческий фактор, все перечисленные черты могут быть значительно приглушены. Особенно ярко это проявляется в тех сферах экономической деятельности, где влияние человеческого фактора наиболее велико, например, в менеджменте, маркетинге.

На наш взгляд, экономическая терминология часто характеризуется терминологической неточностью, непрозрачностью и даже обманчивостью, в основе которой лежат такие лингвистические явления, как эвфемизмы, акронимы, оксимороны, метафоры, заимствования и т. п.

Ниже мы рассмотрим некоторые аспекты, в которых экономические термины нарушают требования, предъявляемые к этому слою лексики.

Непрозрачность термина

В основе непрозрачности термина может лежать расхождение, а то и противоречие между научной и языковой картинами мира, приводящее к оксюморонному качеству термина.

Так, именно ***оксюморонами*** являются такие формулировки, как *flat curve* (плоская кривая), *zero slope* (нулевой наклон), *voluntary export restraints* (добровольное ограничение экспорта).

К непрозрачности терминологии приводит злоупотребление ***акронимизацией***, отчасти связанной с нежеланием употреблять слова и обороты, вызывающие негативное отношение – *inflation* (инфляция), *recession* (рецессия), *depression* (депрессия), *deflation* (дефляция). Это вызвало к жизни продуктивные аббревиатурные модели: *B-word* (B = bubble), *I-word* (I = inflation), *R-word* (R = recession) и т. д.

В заголовке статьи *The Return of the Dread-I I* заменяет *inflation*. Но аббревиатура может менять свое значение в зависимости от контекста, что не сопровождается формальными проявлениями. Так, в других окружениях *I* может соотноситься с *impeachment*, *illegal*, *Islamic*.

В русскоязычной экономической терминологии непрозрачностью характеризуется подавляющее большинство терминов, являющихся заимствованиями из английского языка в условиях отсутствия эквивалентов. Сложившаяся терминология не соответствует новому экономическому строю и заимствуется вместе с последним.

Существует целый ряд способов перевода терминов, но все они предполагают жертвование, пусть отчасти или формой, или содержанием.

Чаще всего переводчики прибегают к практической ***транскрипции*** термина, сохраняя, насколько это возможно, звуковой облик исходной языковой единицы и вместе с ним некоторую гарантию обратимости перевода. По-видимому, они руководствуются здесь тем соображением, что большинство людей, занимающихся практической экономической деятельностью, владеют английской терминологией и, таким образом, с готовностью воспримут транскрибированные эквиваленты. Так, русскоязычная терминология, а вместе с ней и русский язык в целом, обогащается такими терминами, как *инжиниринг*, *аутсорсинг*, *трейдинг*, *шиппинг*, *сюрвейер*, *стивидор* и т. п. В случае значительной концентрации таких заимствованных терминов, текст может становиться не только уродливым, но и попросту нечитабельным (ср.: «выплаты российских онлайн-овых ди-

стрибуторов мейджорам» // Коммерсант «Деньги» № 13 (768) от 05.04.2010). При этом переводчики порой, увлекаясь, слишком догматично следуют избранной стратегии и дают транскрибированные эквиваленты там, где в языке присутствует семантический эквивалент: *анньюити* вместо уже имеющегося *аннуитет*; *овердрафт* вместо *превышение кредита*, *неттинг* вместо *сальдирование*, *апдейт* вместо *обновление*, *лизинг* вместо *долгосрочная аренда* и т. д. Так появляются дублиеты терминов, отнюдь не способствующие упорядочиванию терминологии [2].

Помимо нарушения системности терминологии, данная переводческая стратегия приводит и к нарушению эстетики языка, что наглядно иллюстрируют такие заимствования, как *пэйинг*, *хеджирование*, *рефьюдж*.

Поскольку главным преимуществом транскрибированного эквивалента является его **обратимость**, важно отметить, что в ряде случаев она может утрачиваться. Попав в новое культурно-языковое окружение, заимствованный термин начинает развиваться независимо от своего иноязычного «родителя», что нарушает межъязыковую синонимию. В результате из верного друга переводчика такой термин превращается в друга ложного, т. е. вызывающего ложные ассоциации по форме.

Так, термин *консигнатор* был заимствован русским языком из английского, где *consigner* означает *грузоотправитель*. Однако русский термин изменил свое значение, попав в семантический ряд «посредники». В результате, рус. *консигнатор* означает «посредник, отличительная особенность деятельности которого состоит в том, что он имеет в наличии реализуемые товары, хотя их не покупает, и не является их владельцем» и не является эквивалентом англ. *consigner*.

Альтернативой транскрибированию является **транспозиция** – прямой перенос иноязычной единицы в текст перевода. Это апогей непрозрачности, т. к. в случае переноса из английского языка, не владеющие им носители русского языка даже прочесть этот термин не смогут ввиду своеобразия и сложности правил чтения. Поначалу транспозиция подкрепляла перевод, для гарантии его обратимости, теперь она приобретает самостоятельный статус (ср.: «В случае возникновения проблем у доменов со статусом *verified* на предоставление документов у администратора домена будет десять дней. Если же домен находится в статусе *unverified* — три дня» (Коммерсант № 55 (4355) от 31.03.2010)).

Значительно большей прозрачностью характеризуются **калькированные** переводы, суть которых в разбиении исходного текста на составляющие лексемы и морфемы и поэлементный семантический перевод с последующим «склеиванием»: *multicurrency* = *multi* + *currency* ⇒ *много* + *валюта* = *многовалютный*.

Преимущества приема калькирования очевидны. Привлекает именно прозрачность получаемого таким образом эквивалента и его однозначная

соотнесенность с исходной единицей. Однако калькированные эквиваленты также нередко страдают формализмом, нарушают нормы переводящего языка и при этом не передают семантику.

Так, в английском языке существует должность *loan officer* – работник банка, оформляющий ссуды. На русский язык это обозначение было переведено несколько модифицированной калькой как *коммерческий офицер*. Определение *коммерческий* слишком широко и не позволяет сколько бы то ни было однозначно определить функции такого работника, в то время как *офицер* вызывает ложные ассоциации с армией. Таким образом, данный вариант перевода оказывается не только бессмысленным, но и дезориентирующим.

Также при применении калькирования необходимо отдавать себе отчет в том, что, как отмечает А. Г. Анисимова, «именно в терминосистемах гуманитарных и общественно-политических наук внутренняя форма может быть обманчивой». Так, например, экономический термин *snake in the tunnel* зачастую переводится как *змея в туннеле*. Между тем значение этого термина таково: «валютный режим 1972-1973 гг. для стран Европейского союза, названный так, поскольку колебания между курсами валют 6 стран – членов ЕС допускались в очень малом диапазоне, как движение змеи в трубе» [2, с. 21].

Неточность термина

Неточность термина часто обусловлена нарушением принципа нейтральности. Эмоциональная вовлеченность участников экономических отношений не может не отражаться на языке, где термины развивают прагматические значения, сильно сказывающиеся на их дальнейшей судьбе.

Так, термины, описывающие неблагоприятные ситуации и процессы и вызывающие негативное эмоциональное отношение со стороны экономической общественности, оказываются в положении табу, а на их место приходят эвфемизмы, в которых негативный аспект значения затушевывается или вовсе уходит.

Например, *delaying* подразумевает удаление из структуры компании звена средних менеджеров и имеет прямым следствием увольнение безработицу. Это негативный аспект значения гораздо менее очевиден в термине, сменившем его, - *empowerment* (расширение полномочий менеджеров младшего звена, после увольнения их непосредственного начальства). Здесь также скрадывается тот факт, что на деле расширяются не столько полномочия, сколько обязанности.

Downsizing был вытеснен *rightsizing* ввиду потенциально депрессивного значения элемента *down*.

На смену *outplacement* пришло *inplacement* (в значении трудоустройство уволенных), хотя первый термин был более точен – ведь имеющиеся в виду люди оказывались вне компании [32].

В логистике употребляется термин *shrinkage* (букв. усадка, усушка), вызывающий ассоциации с естественными явлениями уменьшения объема вещества в результате потери влаги и других физических процессов, и тот факт, что причиной послужили не физические свойства товара, а «человеческий фактор» – ошибки персонала, воровство.

Неточная терминология, парадоксально, встречается даже в сфере учета, т. е. там, где все должно быть предельно четко. Так, *creative accounting* означает тот факт, что цифры были несколько извращены, чтобы сблизить картину действительного с картиной желаемого.

Помимо терминологической неточности можно также выделить случаи **намеренной подмены** одного термина другим.

Так, существует четкая градация терминов, описывающих падение на рынке: падение на 20% и более - *bear market*; на 10% - *correction*; на 5% - *blip*. Несмотря на четкое определение *correction*, он порой встречается в совсем иных ситуациях, в значениях нежелательного *decline*.

В целом, падающие цены – плохая новость, их описывают как *volatile* (изменчивые), в то время как растущие цены изменчивыми не кажутся. Рост цен на акции именуется *stability* (стабильность), в то время как его отсутствие – *instability* (нестабильность). Эти наименования не только неточны, но и опасны, т. к. внушают мысль о том, что рост – есть норма.

«Интеллектуальная чистота» термина

Как было отмечено выше, под «интеллектуальной чистотой» термина подразумевается его стилистическая и прагматическая нейтральность, безэмоциональность. Н. В. Бугорская предлагает разграничить «метафизический» смысл термина *интеллектуальная чистота* («объективность, беспристрастность как условие истинности»), сформированный в логико-философском контексте, и специально-научный («отсутствие образности (метафоричности) или оценочности») [5, с. 18].

Анализ языкового материала показывает, что экономический термин может нарушать этот принцип в обоих его проявлениях. Так, нарушения объективности как условия истинности мы наблюдали в явлениях эвфемизации и подмене терминов.

Ниже мы рассмотрим введение элементов **образности** в терминологические обозначения. При этом, в отличие от художественного стиля, где она способствует точности передачи замысла автора, в нашем случае образность имеет, скорее, обратный эффект: *shuddering*, *swooning*, или *hemorrhaging market* мало что говорит о степени падения цен, масштабах проблемы или длительности кризиса.

Центральным термином экономического поля является *деньги*. В современных экономических и финансово-банковских словарях представлены следующие составные термины с этим компонентом: *hot money* (=горячие деньги), *dirty money* (=грязные деньги), *smart money* (=умные

деньги), *long money* (=длинные деньги). Как видим, английские и русские термины характеризуются структурным и содержательным изоморфизмом, т. к. последние были калькированы из английского языка с сохранением метафорического компонента. В некоторых случаях, впрочем метафора утрачивается в переводе, как в случае *seed money* – термин переводится описательно.

В целом можно констатировать наличие целой прослойки экономических терминов, в основе которых лежит метафорический перенос, стимулирующий воображение, а не рациональное мышление и мало проясняющий действительное значение термина. В исследовании В. А. Плаксина метафора предстает важным лексико-семантическим способом образования экономических терминов. Особой группой выделяется метафорическая модель, основанная на цвете: *красная (оговорка)*; *зелёная (валюта, оговорка)*; *золотая (оговорка, облигация)*; *голубая (фишка)* и др., причем самой частотной является модель с компонентом *золотой (золотой парашют, золотые займы, золотые пошлины; золотые рынки; золотые точки, золотой паритет)*, что отражает существующую в языковом сознании людей ассоциативную связь золота и денег [20].

Иногда метафорический компонент выделяется кавычками, что указывает на его переносное значение: «*денежный голод*» (явление, характерное для денежно-кредитных кризисов, выражающееся в недостатке наличных денег в связи с массовой погоней за ними); «*зебра*» (дисконтная облигация с нулевым купоном; накопленный по ней доход облагается налогом не в момент ее погашения, а ежегодно), но не способствует уточнению их значения.

Помимо этого, в целом, вокруг ключевых экономических терминов «образуются прагматико-терминологические поля, объективирующие рекламную цель – повлиять на потенциального клиента таким образом, чтобы он осуществил конкретное действие с деньгами» [20, с. 13], что сводит на нет требование к нейтральности термина.

Еще одним источником неточности в экономическом дискурсе служит *уподобляющий перевод* иноязычного термина, при котором для обозначения исходной реалии подбирается сходное понятие, аналог.

Так, англ. *scholarship, award, burse; exhibition, grant, stipend; studentship, maintenance allowance* передаются рус. *стипендия*, в то время как в исходном языке имеется разница между понятиями – различные виды стипендий предназначены для различных видов заведений, учреждений, они зависят от возраста, места проживания и положения соискателя. Все эти различия нивелируются в переводе.

Достоинством приближенного перевода, служащего адаптации текста для иноязычного адресата, является его доходчивость. Получатель перевода имеет дело с привычным, или даже с хорошо знакомым явлением.

Недостатком же является тот факт, что, в отличие от других способов перевода, здесь жертвуются и форма, и отчасти содержание, что делает перевод неточным и необратимым.

Системность

Обозначая эту «коллизия» в терминоведении, Н. В. Бугорская усматривает корень зла в том, что «на терминоведческую проблематику экстраполируются те представления о системе, которые сложились в языкознании в целом и в лексикологии в частности, где системность лексики ассоциируется с анализом синонимических, антонимических, гиперонимических отношений. В результате основная задача сводится к констатации самих отношений внутри всего корпуса терминологии определенной науки. Такой подход основывается на известной философской сентенции о системности мира и «отраженной» от нее системности научного знания, представленного системой терминов, в результате чего терминология той или иной науки мыслится как система a priori» [5, с. 19].

Предваряя рассмотрение экономических терминов в плане системности, представляется необходимым разграничить такие смежные и многими авторами четко не противопоставляемые явления, как *терминология*, *терминополь* и *терминосистема*.

О значении термина *терминология* можно судить уже по его сочетаемости: с одной стороны, возможны выражения типа «терминология логистики», с другой – «научная терминология». Это указывает на факультативность критерия сферы употребления. И именно этот критерий лежит в основе оппозиции *терминология* – *терминополь*. Последняя описывает непременно терминологию конкретной предметной области.

На критерий же разграничения *терминополь* и *терминосистемы* указывает внутренняя форма последнего термина, содержащего в своей структуре понятие *системы*.

Система же в целом характеризуется:

- наличием общего признака, служащего основой для выделения системы;
- структурированностью в соответствии с общей целью или функцией;
- ограниченностью и противопоставленностью другим системам, в силу доминирования внутрисистемных связей над внешнесистемными [29].

В этой связи позиция, сформулированная, в частности, Г. Г. Бабайловой, объявляющая любую терминологию системой, состоящей из подсистем и микросистем, а любой термин, соответственно, по определению, системным [3], нам представляется не выдерживающей критики, т. к. система не сводится к структуре.

Терминосистема является результатом развития науки и целенаправленной деятельности по упорядочиванию и систематизации ее терминов. Этим она отличается от терминологии и терминополь, складывающихся

стихийно [4]. Так, К. Я. Авербух отмечает, что терминосистема есть непременно результат унификации и нормализации [1, с. 126]. С. В. Гринев полагает, что о системности и о терминосистеме можно говорить только тогда, когда ее формирование завершено и все связи в ней отчетливо обозначены [11, с. 128].

В свете вышесказанного трудно согласиться с В. А. Татариновым, расширяющим понятие терминосистемы за счет включения в нее специальных номинаций всех типов, т. е. не только терминов, но также и номенов, терминоидов, профессионализмов и т. д. [28].

Разумеется, верно то, что приведенные критерии описывают идеальную терминосистему, а в реальности идеальная упорядоченность терминосистем недостижима. Недостаточная системность, нестрогость значения функционирующих терминов, их многозначность, омонимия, синонимия обуславливаются объективной причиной – развитием научной мысли. Это, однако, не является поводом для смешения терминосистемы и терминополья, т. к. именно для последнего характерно включение в свой состав номенов и профессионализмов, с одной стороны, и такие явления, как прототермины, предтермины, терминоиды, отражающие фазы процесса терминологизации, с другой, представляющих собой периферию терминополья [23].

Возвращаясь к экономической терминологии, можно констатировать что не все терминополье характеризуется одинаковой степенью системности. Существуют исторически более ранние области, соотносимые с общими макроэкономическими проблемами, знание в которых носит устоявшийся характер, термины прошли проверку временем, закрепились и в формальном, и в содержательном планах. В то же время существуют динамично развивающиеся области экономического знания, начавшие формироваться относительно недавно. Их терминология еще далека от той стадии, когда она может претендовать на статус терминосистемы, а значительная часть терминов еще не завершили процесс формирования и находятся на стадии терминоида¹ или предтермина².

Также не позволяет говорить об их системном статусе факт заимствования терминологии из смежных областей знания, т. к. «любой термин может полноценно функционировать только как член определенной тер-

¹ Терминоид - «специальная лексическая единица, используемая для номинации недостаточно устоявшихся (формирующихся) и неоднозначно понимаемых понятий» (Гринев 1990: 147).

² Предтермин – специальная номинация, используемая для названия новых сформировавшихся понятий, но не отвечающая требованиям краткости, точности, стилистической нейтральности, предъявляемым к термину (Гринев 1990: 147–148).

минологической системы» [23, с. 24]. Ярким примером такой ситуации является терминология логистики, опрометчиво именуемая порой терминосистемой [15; 26]. Об этом свидетельствует все то, что пишет Купцова о терминологии логистики как объекте своего исследования: «Во-первых, логистика выделилась как особая сфера деятельности сравнительно недавно – в начале 50-х гг. XX в. (...) До сих пор идут споры о том, можно ли считать логистику самостоятельной областью знаний или она все еще является частью операционного менеджмента. В нашей работе, следуя точке зрения ведущих отечественных специалистов по логистике (Сергеева В. И., Дыбской В. В., Стерлиговой А. Н.), мы рассматриваем ее в качестве новой сферы деятельности, постепенно приобретающей самостоятельность. Во-вторых, в терминосистему логистики вошли термины из многих смежных областей знаний, таких как менеджмент, транспорт, коммерческая деятельность и другие, что представляет собой отдельную проблему формирования ее терминологии. В-третьих, логистика является наиболее развивающимся направлением экономики, и ее относительно недавно сформировавшаяся терминосистема нуждается в научном осмыслении» [15, с. 4].

Из приведенного фрагмента явствует, что как область знаний, так и ее терминология еще находятся в стадии становления – в этом согласны как те, что признают самостоятельный статус логистики, так и отрицающие его. Также автор констатирует гетерогенный состав терминологии, заимствованный из смежных областей знания; причем произошло это столь недавно, что связь с исконной областью не могла утратиться – терминологическая единица по-прежнему является частью своей исходной терминосистемы, она не претерпела переосмысления (за некоторыми исключениями). Речь идет не о развитии собственной теории и обслуживающей ее терминологии, а лишь об искусственном выделении ряда процессов и фактов практической экономической деятельности, группируемых вместе ради удобства их освоения.

Например, можно ли утверждать, что термины *merging*, *pooling* претерпели значительное переосмысление и превратились в омонимы соответствующих общеэкономических терминов? Скорее, некоторым своеобразием отличается их сочетаемость в логистическом контексте, где они описывают объединение партий грузов, заказов на транспортировку в целях удешевления услуги.

Разумеется, мы не беремся утверждать, что не существует собственно логистической терминологии. Она формирует ядро соответствующего терминополья, которое в целом нам представляется еще не вполне устоявшимся. Гораздо большей специфичностью отличаются логистические номены и профессионализмы, в то время как термины демонстрируют еще слишком большую связь с исходной тематической областью.

Подводя итог, мы хотели бы еще раз подчеркнуть, следующее:

Во-первых, метатерминология должна соответствовать требованиям, предусматриваемым своей метатеорией. Это касается как оппозиций, в которые входит термин *термин*, так и тех, в которые входит *терминосистема*.

Во-вторых, в свете указанных терминологических оппозиций можно подвергнуть сомнению системный статус некоторых «подсистем» экономической терминологии и терминологический статус их элементов, которые следует скорее квалифицировать как терминоиды или предтермины ввиду того, что они не удовлетворяют основным требованиям, предъявляемым к терминам.

Библиографический список

1. *Авербух К. Я.* Общая теория термина: комплексно-вариологический подход: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М, 2005. – 31 с.
2. *Анисимова А. Г.* Методология перевода англоязычных терминов гуманитарных и общественно-политических наук: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М, 2010. – 51 с.
3. *Бабайлова Г. Г.* Системно-аспектуальное функционирование компьютерной терминологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М, 2009. – 35 с.
4. *Борхвальд Ю. В.* Историческое терминоведение русского языка. – Красноярск, 2000. – С. 80-82.
5. *Бугорская Н. В.* Методологические проблемы описания лингвистической терминологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Барнаул, 2009.
6. *Ван Дейк Т. А.* Анализ новостей как дискурса // Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – С. 111-160.
7. *Виноградов С. Н.* Термин как средство и объект описания (знаково-интерпретационный аспект русской лингвистической терминологии): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Н. Новгород, 2005. – 48 с.
8. *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. – М.: МИФЛИ, 1939. – Т. 5: Сб. ст. по языковедению. – С. 3-54.
9. *Волкова И. Н.* Стандартизация научно-технической терминологии. – М.: Изд-во стандартов, 1984. – 199 с.
10. *Гринева С. В.* Введение в терминоведение. – М.: Моск. лицей, 1993. – 309 с.
11. *Гринева С. В.* Разновременная скрытая многозначность // Научно-техническая терминология: Науч.-техн. реф. сб. – М., 2001. – Вып.2. – С. 37-39.
12. *Гринева С. В.* Основы лексикографического описания терминосистем: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1990. – 43 с.
13. *Даниленко В. П.* Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии. – М.: Наука, 1971. – С. 7-67.

14. *Красных В. В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации: Курс лекций. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
15. *Купцова А. К.* Проблемы формирования терминологий новых наук (на примере логистики): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 17 с.
16. *Лейчик В. М.* Предмет, методы и структура терминоведения: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. – М., 1989. – 47 с.
17. *Лотте Д. С.* Основы построения научно-технической терминологии. – М.: АН СССР, 1961. – 158 с.
18. *Макарихина О. А.* Мотивированность и идиоматичность терминов // Термины в языке и речи: Сборник / Отв. ред. Б. Н. Головин. – Горький: Горьков. гос. ун-т, 1984. – С. 41–47.
19. *Мельников Г. П.* Основы терминоведения: Учеб. пособие. – М.: Изд-во УДН, 1991. – 116 с.
20. *Плаксин В. А.* Предметно-терминологическая сфера «банковская деятельность»: деривационно-прагматические и социокультурные аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2010. – 26 с.
21. *Попов А. Ю.* Формы экономических текстов и дискурсов // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – СПб., 2001. – С. 130-137.
22. *Правикова Л. В.* Современная теория дискурса: когнитивно-фреймовый и аргументативный подходы. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2004. – 300 с.
23. *Сербиновская Н. В.* Терминологическое поле «Маркетинг» в русском языке. – Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2009. – 234 с.
24. *Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса. – М.: Прогресс, 1999. – С. 11-52.
25. *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности // Язык и наука конца XX века: Сб. статей. – М.: Рос. гос. гуманитарный институт, 1995. – С. 35 – 73.
26. *Стерлигова А. Н.* Терминологическая структура логистики // Логистика и управление цепями поставок. – 2004. – № 4-5. – С. 101—119.
27. *Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В.* Общая терминология. Вопросы теории. – М.: Наука, 1989. – 246 с.
28. *Татаринов В. А.* Теория терминоведения: В 3 т. – М.: Моск. лицей, 1996. – Т. 1. – 315 с.
29. *Фролов И. Т. (ред.)* Философский словарь. – М.: Политиздат, 1981. – 445 с.
30. *Чернявская В. Е.* Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого взаимодействия. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 136 с.
31. *Щекина Н. М.* Типы текста в экономическом дискурсе // Текст и дискурс. Проблемы экономического дискурса. – СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2001. – С. 121-130.
32. *Resche С.* «Equivocal Economic Terms or Terminology Revisited» ([электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.erudit.org/revue/meta/2000/v45/n1/03940ar.html>)

ФРАНЦУЗСКАЯ ЯСНОСТЬ И АНГЛИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОМПЬЮТЕРНОЙ ЛЕКСИКЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Пожалуй, всем, изучающим французский язык, известно высказывание «Ce qui n'est pas clair n'est pas français». По мнению его автора, Антуана де Ривароля, французский язык в XVIII веке получил высокий статус универсального языка именно благодаря своей *ясности*: «Sûre, sociale, raisonnable, ce n'est plus la langue française, c'est la langue *humaine*» (выделено нами). В силу множества внешних причин французский язык постепенно утрачивает свою универсальность, однако и в XIX веке в словаре Французской академии дается определение «гению французского языка»: «Le génie de la langue française est la clarté» [цит. по 9, с. 66].

Современные исследователи считают «ясность» французского языка мифом, признавая, однако, что игнорировать этот миф было бы ошибочно [9, с. 14]. Ясным представляется не сам язык, а особенность мышления его носителей: «Il convient de ne pas confondre clarté du français et clarté française, ou langue et attitude de l'esprit.» [6, с. 170]. Следовательно, можно говорить скорее не о «ясности французского языка» (*clarté du français*), а о «французской ясности» (*clarté française*).

Элегантность способа выражения и высокий статус формировали представления о французском языке как о языке утонченной беседы образованных людей. Однако современность диктует свои правила: в XX веке наступила «эпоха коммуникации». Языковые средства клишированы, поскольку должны отвечать требованиям скорости и эффективности передачи информации, создавая особый подъязык. Такой подъязык часто формируется на основе английского языка, который Бернар Серкилини, в противовес французскому *langue de conversation* («язык беседы»), именует *langue de communication* («язык коммуникации») [3, с. 16].

Несмотря на стремление специалистов взаимодействовать на английском как на языке кросскультурного общения, роль французского языка в международной коммуникации на сегодняшний день достаточно велика: он прочно занимает место «блистательного второго» (*brillant second*) [1, с. 242]. Перевод компьютерной терминологии, как и любой другой, на французский язык необходим, особенно в рамках существующей на сегодняшний день концепции многоязычия (так, по данным, приводимым Ж. Пикош и К. Маркелло-Низья, сегодня 85% англоязычных ученых владеют французским языком, 57% – немецким и 8% – русским [10, с. 178]). Французский язык на сегодняшний день является одним из рабочих языков большинства международных организаций, и переводчики должны располагать соответствующими терминами во всех областях специализации.

Чтобы противостоять стремительному проникновению английского языка в различные области науки и техники, французскому языку приходится постоянно «поддерживать форму», чтобы быть пригодным для эффективной и быстрой коммуникации.

Понятие «эффективность» чаще всего встречается в экономическом контексте и предполагает «достижение каких-либо определенных результатов с минимально возможными издержками или получение максимально возможного объема продукции из данного количества ресурсов» [12]. В языкознании «эффективность» связана с теорией коммуникации, где эффективность коммуникации можно определить как «отношение результата, полученного от организации коммуникативной деятельности, и затратами на его получение» [2, с. 244]. В обоих случаях эффективность предполагает получение определенных результатов при определенных (по возможности, наименьших) затратах. Эффективность специализированных языков связана с выбором слов для обозначения новых, быстро сменяющих друг друга реалий. Мы попытаемся рассмотреть взаимоотношение французской «ясности» и «эффективности» при ассимиляции английских заимствований на примере так называемой «компьютерной лексики», которая используется как специалистами, так и простыми пользователями.

Компьютерная лексика (франц. *vocabulaire informatique*) весьма многогранна, и, пожалуй, сегодня ее нельзя трактовать в рамках только терминологической лексики, поскольку она в той или иной степени вошла в повседневную жизнь каждого. Практически вся компьютерная лексика имеет четко выраженный отправной язык, формируясь в рамках англо-американской языковой картины мира; кроме того, компьютерная лексика, как и киберкультура, имеет «наднациональный» характер, обеспечивая взаимопонимание людей во всем мире.

Как и любой другой специализированный язык, компьютерный язык включает язык профессионалов (*jargon d'atelier*), язык технической документации (*langage technique*), который в наибольшей степени подвержен регламентации, и, кроме того, «язык пользователей» (*langage d'utilisateurs*), где обозначение одних и тех же реалий зависит от условий коммуникации [5, с. 9]. Первый и последний варианты являются наиболее «живыми» и непосредственными, поскольку не регламентируются специальными комиссиями. В них часто используется метафорически переосмысленная повседневная лексика: *manger, avaler (les données), planter, piloter, naviguer, boucler, véhiculer, pirater*.

С другой стороны, высокая скорость обновления информационных технологий способствует тому, что слова в язык профессионалов попадают еще не переведенными, «сырыми», не регламентированными и именно в таком виде начинают свое существование. Часто в национальные словари, такие как *Petit Larousse* и *Petit Robert*, заносятся лексемы, еще офици-

ально не принятые комиссиями по терминологии и неологии. Главная тому причина: термин, еще не утвержденный официально, уже широко употребляется в языке как в виде чистого заимствования, так и в виде переводного эквивалента. Анриетт Вальтер, анализируя состав словаря *Larousse de l'informatique*, указывает, что 74% от общего количества сокращений являются англоязычными, при этом остальные слова в большинстве своем являются французскими [11, с. 319].

Большинство сокращений не совсем понятны простым пользователям (например, LAN или ADSL), однако главным критерием их использования часто является не критерий прозрачности (или «ясности»), а критерий скорости и эффективности коммуникации [11, с. 319]. В *Journal officiel* приводится французская «расшифровка» и варианты сокращений для этих терминов (LAN – *réseau local d'entreprise (RLE)*, ADSL – *raccordement numérique asymétrique (RNA)*), однако в действительности часто используются либо английские сокращения, либо французские расшифровки (например, можно встретить такие «смешанные» варианты, как *réseau local (LAN)* или *réseau LAN*) [16]. Поскольку большинству пользователей известны именно английские аббревиатуры, их французские эквиваленты могут привести к эффекту, обратному «ясности».

Некоторые компьютерные реалии, известные широкой публике, получают мотивированное метафорическое наименование (вместо сокращений RAM (*random access memory* – «запоминающее устройство с произвольным доступом») и ROM (*read only memory* – «запоминающее устройство только для чтения») французы предпочитают образные выражения *mémoire vive* и *mémoire morte* («живое и мертвое запоминающее устройство»). Однако в текстах информативных, сжатых, часто встречается вариант *la (mémoire) ROM, la (mémoire) RAM* [7, с. 57]. Соответственно, эти сокращения используются с артиклем женского рода (*la mémoire*), тогда как сокращения LAN или ADSL, войдя во французский язык, принимают мужской род (*le réseau, le raccordement*).

Французский язык относительно легко справляется с ассимиляцией англицизмов. Если в других языках в качестве компьютерной лексики используются непосредственно английские заимствования [4, с.148], то во французском их скорее переводят и адаптируют. На это имеются исторические причины: в результате многовековой «истории любви» [11] английский язык под влиянием французского стал «романизированным»; сам же французский язык еще ранее подвергся «германизации» [8, с. 330]. В результате нескольких веков билингвизма многие слова имеют общее происхождение, поскольку попали в английский язык посредством французского. Французской компьютерной лексике свойственны «обратные заимствования»: исконное слово, «окунувшись» в английский язык и пройдя в нем путь специализации значения, с этим новым значе-

нием возвращается во французский язык (*access* – *accès*, *menu* – *menu*, *monitor* – *moniteur*).

Компьютерная лексика, как и специализированная лексика вообще, часто строится на основе вторичной, как правило, метафорической номинации. Метафора зарождается в определенном языке, а значит, в определенной культуре. Заимствуя иноязычные метафоры, язык заимствует элементы иной культуры, динамика развития которых в языке-получателе может быть различной [14]. Часто при вхождении метафоры-неологизма в язык проблем не возникает, поскольку связь предмета, понятия и слова очевидна: например, *reader* – *lecteur*, *window* – *fenêtre*, *key word* – *mot clé*, *mouse* – *souris*, *frame* – *cadre*, *firewall* – *pare-feu*.

Иногда образ, лежащий в основе номинации, представляется «расплывчатым» или не «вписывается» в картину мира языка-получателя. По мнению исследователей, французскому языку свойственно по возможности сохранение прозрачности внутренней формы слова [14]. Созданная во Франции Комиссия по терминологии и неологии в области информатики ставит целью создать «ясную и точную» французскую компьютерную лексику вместо «туманной, неясной, расплывчатой» англо-американской терминологии: «Cesser de préférer les termes anglo-américains et *flous* de l'informatique, au détriment de mots français *précis*» [13]. Эти требования порой трудно выполнимы, в силу того, что «ясные», «точные» французские эквиваленты при передаче английских «расплывчатых» терминов становятся длинными, неудобными и контекстуально ограниченными. Например, англ. *to browse* (фр. *brouter* (щипать траву)) – этим метафорично употребленным словом указывается способ поиска информации. При переводе на французский язык были предложены как аналогичные метафорические переносы (*brouteur*, *fureteur*, *butineur*), так и более «рациональные», но более длинные варианты (*lecture projective*, *parcours libre*, *feuilletage transversal*). Сегодня принято слово *navigateur* (именно так назывался один из первых браузеров Netscape navigator, на логотипе которого был изображен штурвал) – «ясное», мотивированное слово, дающее представление о сознательном действии с определенной задачей.

Иногда сохраняется общая основа образа, но отличаются детали. Например, англ. *driver* – франц. *pilote* (но не *conducteur*). В качестве примера можно также привести относительно новое понятие *cloud computing*, для обозначения которого во французском языке еще не выработалось единого термина, однако активно используются сочетания *nuagique*, *informatique en nuage*, *informatique dématérialisée*, *informatique nuagique*. Эти словосочетания на сегодняшний день часто сопровождаются английским эквивалентом в скобках (*cloud computing*). *Nuagique* – новое прилагательное во французском языке, которое в области высоких технологий заменило слово *nuageux* (облачный, туманный) с достаточно сильным коннотативным

компонентом (затемненный, неясный, мрачный). Прилагательное *nuagique*, благодаря характерному суффиксу, имеет более «терминологичный» характер. В специализированных статьях также встречается «параллельное» использование французского и английского терминов (*cloud* – *nuage* (используется и как существительное, и как прилагательное)), что подтверждает факт использования заимствованного слова еще до появления его перевода. Ср.: 1. *Danone migre 25 000 boîtes e-mail dans le nuage d'IBM*. 2. *Accompagné par la SSII ASI, le groupe agroalimentaire migre la messagerie de tous ses salariés dans le cloud*. [18].

Вот еще пример, демонстрирующий возможности ресурсов французского языка, а также сложности, возникающие при переводе компьютерной терминологии: английское слово *bug* («клоп», «мелкий жучок»), в языке программистов обозначающее ошибку в программе, пытались, используя сходный метафорический образ, перевести как *vermine* («паразиты», «грызуны-вредители»). Программу отладки (*debugger*) можно было бы назвать *dévermineur*, однако в итоге предпочтение было отдано менее эмоционально окрашенной, но фонетически и семантически близкой лексеме *bogue* («оболочка каштана»), от которой образуется глагол *déboguer*.

Компьютерная лексика во французском языке находится между двух огней: с одной стороны – комиссия по терминологии, с другой – пользователи и профессионалы, которые часто не согласны с официальным мнением. Варианты перевода, предложенные Комиссией, иногда встречают бурное неодобрение (например, в газете *Libération* подвергается критике перевод английского слова *hashtag* как *mot-dièse*, поскольку *hash* в английском обозначает значок «решетка», а не музыкальный знак «диез») [17]. Позволим себе привести также критическую цитату в адрес Комиссии, заимствованную на сайте одного компьютерного журнала: «...On arrêtera de parler de "Wi-Fi", "blog", "grid" ou "business process «le jour où les académiciens auront des dents» (Ср.: *quand les poules auront les dents* – «когда рак на горе свиснет») [18]. Несмотря на противостояния, многие термины успешно переведены на французский язык, с той или иной долей сохранения исходной внутренней (и внешней) формы или добавления французского «ясного» видения вопроса. Анализ текстов технических руководств подтверждает, что, как правило, в них соблюдается рекомендованная Комиссией терминология.

Приведем несколько примеров ассимиляции английской компьютерной терминологии о французском языке:

– прибавление французского аффикса: *hypertext* – *hypertextuel*; *to list* – *lister*; *to format* – *formater*; *processor* – *processeur* (но *to process information* – *traiter l'information* (хотя встречается также вариант *processer l'information*); *router* – *routeur*; *to scan* – *scanner* – *scanneur* (хотя в *Journal officiel* в качестве французского эквивалента предлагается *numériseur à*

balayage и, соответственно, глагол *numériser* (встречается также заимствованный глагол *digitaliser*). Кстати, *scanneur* уже проникло в другую сферу терминологической лексики: в области психологии так называют человека, который пробует себя в разных видах деятельности, но ни на чем не может остановиться. Использование собственных средств французского языка иногда оказывается весьма удачным: например, префикс *télé-*, обозначающий *à distance*: *télécopier* (хотя одновременно существует заимствованный напрямую глагол *faxer*), *télécommande*, *téléchargement* (используется вместо двух английских слов: *upload*, *download*, что не способствует «ясности», поскольку иногда создает путаницу);

– изменение порядка следования компонентов в словосочетаниях в случае совпадения корневой этимологии между французским и английским терминами: *disk cache* – *cache disque* (еще один вариант *antémémoire*); *multimedia message* – *méssage multimédia*; *multiple access* – *accès multiple*. При переводе на французский язык английских терминологических сочетаний вводятся связующие предлоги *de*, *à*, *en*: *telecommunication circuit* – *circuit de télécommunication*; *access line* – *ligne d'accès*; *virus signature* – *signature de virus*. Современным веянием во французском языке стало использование беспредложных конструкций, в которых определяющее существительное приобретает функциональные характеристики прилагательного (*disk space* – *espace disque*, *system configuration* – *configuration système*, *Internet transmission* – *transmission Internet*). Следует отметить, что порядок слов в подобных сочетаниях становится «французским». Анриетт Вальтер в своем исследовании приводит единичный пример калькированного, по ее мнению, порядка слов из английского языка *client-serveur* (англ. *client-server*), однако в данном случае нельзя говорить о кальке и нарушении порядка слов *определяемое-определяющее*, свойственного французскому языку, поскольку речь идет о принципиально иных отношениях (не «сервер клиента» (*serveur du client*), а отношения между двумя устройствами «клиент-сервер» (*client-serveur*)) [11, с. 321];

– фонетико-морфологическая адаптация англоязычных терминов в соответствии с нормами французского языка: *packet* – *paquet*, *block* – *bloc*, *site*, *interface*;

– эллипсис: из словосочетания остается только наиболее значимое слово, как правило, определяющее: *tampon* (от *mémoire tampon*) – буфер; *dialogue* (от *dialogue en ligne*) – чат; *périphérique* (от *dispositifs périphériques*) – периферийное устройство.

Использование собственных ресурсов языка ярче всего проявляется в неофициальной сфере компьютерного общения: используемые слова столь же эмоциональны и образны, как и обычная разговорная лексика: *bécane*, *tacot* (компьютерное «железо»), *planter*, *plantage* (ср. англ. *to crash* – для него есть и нейтральные варианты – *panne*, *incident*).

Особым разнообразием отличаются существительные, обозначающие пользователей компьютеров и сети Интернет. Здесь, помимо нейтральных, калькированных с английского и интернациональных слов (*administrateur, modérateur, technicien*), существует множество вариантов, используемых в неформальном общении: *arroseur* – рассылатель спама); *fouineur* – взломщик, *badaud* – канадский вариант обозначения пассивного пользователь сети, не участвующего в блогах и конференциях, но регулярно читающего публикации; участники форума обозначаются словами *cyberbavardeur, clavardeur, flingueur* (англ. *flinger* – метатель копья – агрессивный участник форума). Английское слово охотно заменяют на *fusilleur, incendiaire*.

Как видим, ассимиляция компьютерной лексики французским языком представляет собой сложный процесс, в котором участвуют разносторонние, порой противоречивые тенденции. В исходном английском языке такая лексика часто возникает в результате вторичной номинации, которая при переводе на французский язык может подвергаться переосмыслению. Существование множества вариантов и споры о «ясности» и «эффективности» новых слов отражают динамику взаимодействия современных реалий с французским языком и его носителями и часто разрешаются путем добавления к эффективности пресловутой «французской ясности».

Библиографический список

1. Смирнова О. А. Французский язык в современном мире // Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. Сер. Международные отношения. Политология. Регионоведение. - 2004. - №1 (2). - С. 242-249.
2. Шарков Ф. И. Основы теории коммуникации: Учебник. – М.: Издат. дом «Социальные отношения»; Изд-во «Перспектива», 2002.
3. Cerquiglini B. L'héritage du passé: Au XX siècle, un nouveau marché des langues // L'avenir du français. Paris : Edition AUF. - 2008. – P. 15-18.
4. Costachescu A. Comment créer une terminologie? (Lexique de l'informatique). // Synergies Royaume-Uni et Irlande. – 2012. - № 5. – P. 141 – 155.
5. Dubuc, R. Manuel pratique de terminologie. - 4-e édition. - Linguattech, 2002. - 198 p.
6. Hagège Cl. Le Français et les siècles. - Paris, 1987.
7. Hustache-Godinet H. Quelques néologismes du lexique informatique // Bulletin de l'EPI (Enseignement Public et Informatique), 69 (1993). P. 53-69.
8. Leclerc, J. Le français scientifique : guide de rédaction et de vulgarisation. - Québec: Linguattech, 1999.
9. Meschonnic H. De la langue française: essai sur une clarté obscure. - Paris: Hachette, 1997. – 356 p.
10. Picoche J., Marchello-Nizia Chr. Histoire de la langue française. - Editions VIGDOR, 2008.

11. *Walter H.* Honni soit qui mal y pense : L'incroyable histoire d'amour entre le français et l'anglais. - Paris : Robert Laffont, 2006.

Электронные ресурсы

12. Экономика. Толковый словарь. — М.: ИНФРА-М; Изд-во «Весь Мир». Дж. Блэк. Общ. ред.: д. э. н. Осадчая И. М.. 2000. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/16954.

13. Commission Spécialisée de Terminologie et de Néologie de l'Informatique et des Composants Electroniques [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://ensmp.net/cstic/>

14. *Giaufret A., Rossi M.* Métaphores terminologiques, circulation des savoirs et contact entre langues. // Signes, Discours et Sociétés, 10. La métaphore dans les discours spécialisés, 2 février 2013. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.revue-signes.info/document.php?id=2928>. ISSN 1308-8378.

15. Larousse. Dictionnaire de français. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/>

16. Legifrance. Le service public de la diffusion du droit. . [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.legifrance.gouv.fr/>

17. Libération. 23 janvier 2013. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://ecrans.liberation.fr/ecrans/2013/01/23/maudit-soit-le-mot-diese_960158

18. 01net [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://pro.01net.com/>

В. В. Гончарова

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ АНТИЧНОСТИ

Термин «античный» (*antiques* (лат.) – древний) употребляется во всем мире для обозначения материальной и духовной культуры двух обществ – греческого и римского. Учеными используется часто термин греко-римское языкознание. Хотя каждому из них присущи свои специфические черты. В трудах по истории лингвистических учений встречаются и другие сочетания, например, китайская античность [1, с. 175] и т. д.

В IX–X в. до н. э. на основе финикийского письма формируется греческий алфавит. Развитие греческой лингвистической мысли делится на два периода: философский (к. VI – к. IV в. до н. э.) и грамматический (III в. до н. э. - V в. н. э.), возникновение которого непосредственно связано с Александрийской грамматической школой, расположенной в городе Александрия – столице эллинистического Египта.

Возникновение Александрийской школы связано с практическими потребностями: 1) осмысление и сохранение греческого языка в условиях

многоязычной империи; 2) обучение греческому языку – языку культуры, науки, искусства.

Главным методом обучения языку становится чтение классических и уже устаревших текстов с их комментированием. Так формируются филология, историческая и практическая лексикография. Начинается сбор и объяснение глосс старинных или инодиалектных слов, выражений. В честь Александрийской языковой школы появились такие названия, как александрийская грамматика и александрийская лексикография.

В Античности появляется новое направление в лексикографии – лексикография античная, как ее трактует «Литературная энциклопедия»: «область античной филологии, посвященная описанию и толкованию лексики литературных памятников» [3]. Первой ее формой были глоссы. Демокристу приписывалось сочинение «О Гомере или об орфоэпии и глоссах». Она получила значительное развитие в трудах александрийских ученых: Зенодота Эффейского (ок. 325 г. до н. э.–ок. 260 до н. э.) – первый хранитель Александрийской библиотеки; Каллиманаха, составившего сборники глосс к Гомеру и другим античным писателям; Аристофана Византийского (ок. 257-180 гг. до н. э.).

Лексикография античная включает в себя лексикографические произведения Древней Греции и Древнего Рима, Византийской Империи. Возникновение практической лексикографии связано не только с дидактическими целями, характерными и для других лексикографических традиций, но и с библиотечно-библиографическими потребностями. Для огромной Александрийской библиотеки (III в. до н. э.) требовались каталоги, библиографические описания, составление различных списков, установление имен авторов и дат написания и т. д.

Первый глава Александрийской библиотеки Зенодот Эффеский прославился критическим изданием текстов Гомера на основе тщательного сопоставления многочисленных вариантов его поэм. Поэт Каллиманнах составил обширный каталог (120 томов) греческих писателей и их произведений «Таблицы тех, кто прославился во всех областях знания, и того, что они писали», который послужил образцом для позднейших составителей словарей-справочников: «Книга о знаменитых мужах» Иеронима Стридонского (340–420 гг. до н. э.), «Книга церковных писателей» Геннадия (2-я ½ V в.) – епископа марсельского.

Ученые считают зачинателем лексикографии античной Аристофана Византийского (ок. 257–180 гг. до н. э.). Он заведовал Александрийской библиотекой и написал две лексикографические работы – «Об аттических словах» и «О лаконских глоссах». Свои лексиконы (букв. греч. – словарь) строил по предметному или диалектному признакам, подбирая материал к каждой категории, включая туда большое число цитат из классических авторов.

Дидиму Александрийскому (дидм Халкентер, 63 г. до н. э. – 10 г. до н. э.) принадлежит более 3500 книг, которые можно разделить на две группы: комментарии и лексикографические труды. Почти все сочинения Дидима утрачены. Но компиляция его Словаря вошла как составная часть в «Лексикон» Гесихия (V-IV вв. н. э.). Из его Коллекции греческих пословиц, включавшая 13 книг, Зиновий взял большую часть для своей коллекции. Благодаря творчеству Дидима позднейшие комментаторы и лексикографы получили сведения о его александрийских предшественниках и их трудах.

В I в. до н. э. Памфил Александрийский, выдающийся лексикограф эллинистического периода, собирает глоссы в 95 книгах, которые представляли собой энциклопедический словарь. Он включает в себя объяснения греческих слов, сведения о греческих диалектах, а также ряде соседних языков. Впоследствии словарь вошел в «Лексикон» Гесихия Александрийского. Ему также принадлежит «Ономастикон», содержащий перечисление названий различных объектов, и трактат о древнегреческих именах «Об именах».

Идеографический словарь «Ономастикон» Ю. Поллукса (II в. н. э.) состоит из 10 книг. В. В. Морковкин приводит схему классификации, принятую в словаре: 1. Боги. Места культа, алтари и храмы. Создание и разрушение. Жрецы. Провидцы и искусство провидения. Благочестивые и безбожники. Короли, купцы, ремесленники. Дом, корабль. Погода. Армия. Лошади и искусство верховой езды. Домашние животные. Сельское хозяйство, плуг, средства перемещения, пчелы. 2. Человек. Возрастные отличия. Рождение человека. Части тела. 3. Пол, родство. Брак. Дети. Друзья. Господа и рабы. Строительное дело. Географическое положение. Путешествие. Печаль, радость. 4. Образование: грамматика и риторика. Философы и софисты. Поэты и музыканты. Музыкальные инструменты. Танец, театр. Астрономия. Медицина и болезни. 5. Охота. Собаки. Животные, на которых охотятся. Женские украшения. Мужество, страх. Фармацевтическое дело. Молитва. Слава. 6. Гости. Вино и продукты. Еда. Застольная беседа. 7. Рынок. Купля и продажа. Торговцы. Товары. Деньги. 8. Суд. Судья. Процессы. Наказания. Доносчик. 9. Административное деление. Город. Общественные здания. Игры для детей и взрослых. 10. Утварь [4].

Каждая книга начинается приветственным письмом к императору Коммоду. Слова сопровождаются краткими толкованиями. Впервые словарь был опубликован в 1502 году в Венеции. Гесихий Александрийский (ок. V в. н. э.) создал словарь греческого языка и его диалектов «Сборник всех слов в алфавитном порядке», сохранившийся в единственном экземпляре, датируемый XV веком. Он состоит из 439 листов размером 19,5x29 см. Впервые напечатан в Венеции в 1514 году. Состав-

витель упорядочил материал по алфавиту греческого лексикона, привел объяснения редко встречающихся слов. В виде приложения сделан словарь греческих диалектов. Словарь содержит 51 тысячу статей, включает в себя компиляцию словаря Дидима, словарь Памфила Александрийского и новый материал.

Вышеперечисленные произведения являются следующими видами лексикографических ресурсов: биографического, библиографического, диалектологического, идеографического, энциклопедического, литературного словарей, словаря писателей, пословиц, ономастикона.

Латинское письмо появляется в VII в. до н. э., а латинский алфавит сложился в IV-III вв. до н. э. В Древнем Риме была широко распространена грамотность. Развитие лексикографии шло теми же путями, что и в Древней Греции. Поэтому остановимся на более важных этапах и значимых лексикографических произведениях.

Ученый-энциклопедист Варрон (Марк Теренций, 116-27 г. до н. э.) написал около 70 работ, большинство из которых не дошло до нас. Ему принадлежит труд «Изображения» (или «Седьмицы»), представляющий собой собрание биографий 700 знаменитых римлян и греков с их портретами. То есть впервые в лексикографической практике появляется биографический иллюстрированный словарь.

Главным произведением Аррия Флакка (II-I в. до н. э.), римского грамматика, был лексикон «О значении слов» (*De verborum significatu*), в котором автор дал объяснения неупотребительных и малопонятных слов языка того времени.

Следует также отметить энциклопедическое произведение римского грамматика-лексикографа Нонния Марцеллы (IV в. н. э.) «Свод знаний» («Сжатая наука»/ *De compediosa doctrina per litteras*), посвящено сыну. Оно состоит из 19 отделов неравной величины в 20 книгах. Современные ученые так характеризуют эту работу: «Компиляторский характер произведения, механическое цитирование фрагментов, стереотипные формулировки пояснений свидетельствуют о заурядности автора-филолога» [5]. «Сочинение не приведено в окончательный вид, трудно понять его план» [6].

Но лексикографически он имеет большую ценность, так как содержит множество отрывков из архаической римской литературы, произведения которой потеряны. Это труд можно назвать словарем, так как материал расположен тематически, внутри тем по алфавиту, даются грамматические сведения, толкования терминов, например, относящиеся к оружию, кораблям, одежде, сосудам, напиткам и т. д.

На базе позднеантичных словарей и сводов различных типов, включавших в себя материал предшествующих эпох, возникла весьма богатая

византийская лексикография, которая была все-таки несравненно беднее античной.

А. В. Десницкая пишет о византийской лексикографии: «Эта мощная традиция находилась в постоянном движении и перестраивалась, но всегда в лучшую сторону, но так, что оказалось возможным сохранение основных ценностей. Без средневековой лексикографии заметно обеднело бы гордое своими достижениями греческое языкознание нового времени» [2].

В V веке на основании старых риторических словарей патриарх александрийский Кирилл составляет словарь «Глоссарий Кирилла», который в течение всей византийской эпохи играл важную роль в церковных школах и служил необходимым пособием при обработке и составлении новых лексикографических произведений.

В средние века материалы лексикографии античной объединяются в своего рода предметные энциклопедии, ярким примером которым может служить географический словарь Стефана Византийского «Этника» (VI в. н. э.). Это своего рода географический, этнографический средневековый лексикон, где в алфавитном порядке описаны все известные в то время народы ойкумены. Лексикон содержит много цитат из античных авторов, грамматическую, орфографическую, этимологическую информацию. «Этника» состояла из 55 книг. В Византии широкое распространение получила сокращенная версия этого многотомного труда.

В IX веке по поручению Константинопольского патриарха Фотия (820–893) собираются предыдущие аттикестические лексиконы, материалы специальных словарей, например, двух платоновских в один обширный лексикон. Древнейший словарь-справочник литературных произведений Фотия назывался «Мириобиблон» («Тысячекнижие», 857 г.). Начинают составляться «Этимологики». А. В. Десницкая характеризует это время (IX-X вв.), как «время оживления, энциклопедизма и стандартизации» [2].

Помимо вышперечисленных лексикографических трудов стоит упомянуть синонимические лексиконы, специальные терминологические словари (ботанические, медицинские, юридические и др.), двуязычные глоссарии (библейские, латино-греческие, греко-латинские и др.), комические глоссы, диалектографические глоссы.

К X веку относится византийский этимологический и толковый словарь «Суда» («Свида») на греческом языке. Словарь содержит толкование 30 тыс. терминов, связанных со словами, понятиями и именами, преимущественно относящихся к античной Греции. Сейчас значение «Суда» относят к греко-византийскому слову, обозначающему крепость. «Суда» включает цитаты античных авторов, приводит краткие биографии писателей, деятелей античного мира. Этот словарь, судя по выбору лексики, можно считать энциклопедическим, цель которого - дать необхо-

димое образование читателю того времени. Впервые он был издан в Милане в 1499 году, в 1581 году в Швейцарском Базеле вышел перевод на латинском. До 1989 года не существовало «Суды» на английском языке. С 2000 года развивается он-лайн проект SOL, где энтузиасты переводят словарь с греческого на английский.

Византийская лексикография, умело сохранив и приумножив лексикографическое богатство античного мира, влилась в грецистику нового времени и повлияла на создание новых типов и жанров словарей.

В Древней Греции, Древнем Риме и Византии сложилась лексикографическая традиция составления единых словарей писателей, ученых, религиозных деятелей, так появляется биографический, библиографический словари. Стремление к выделению самостоятельных наук привело к созданию терминологических словарей.

Основными чертами греко-римской лексикографии следует считать энциклопедизм, компилятивность, скрупулезность. Она послужила прочным фундаментом для развития двух отличных друг от друга лексикографических традиций – западноевропейской (Латинский Запад) и восточнославянской (греко-славянский Восток).

Библиографический список

1. *Шарафутдинова, Н. С.* Теория и история лингвистической науки : учеб. пособие / Н. С. Шарафутдинова. – 2-е изд. – М. : АСТ : Восток-Запад; Владимир : ВКТ, 2008. – 381 с.

Электронные ресурсы

2. *Десницкая А. В.* История лингвистических учений // [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://sbiblio.com/biblio/archive/desnicka_ist

3. Лексикография античная // Литературная энциклопедия [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.surbor.su>

4. *Морковкин В. В.* Древнейшие идеографические словари // История составления идеографических словарей [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://rifmovnik.ru/ideog>

5. *Нонний Марцелл* // Античные писатели [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.cyclopedia.ru>

6. *Нонний Марцелл* [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://be.scilib.com/article072724>

АВТОМАТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ КАК ИСТОЧНИКИ ФИНАНСОВОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Формирование новой модели переводческой работы немыслимо без автоматических словарей. Технический прогресс позволяет создавать все более удобные виды носителей, стоит признать, что бумага уступает электронным способам хранения информации.

Данная статья посвящена наиболее распространенным сегодня лексикографическим ресурсам – автоматическим или электронным (для пары языков: французский-русский), поскольку «современная лексикография существенно расширила и усилила свой инструментарий компьютерными технологиями создания и эксплуатации словарей» [2, с.81].

В рамках этого краткого исследования считаем необходимым рассмотреть следующие моменты:

- классификация словарей по типу носителя и специфики представления информации;
- особенности электронных словарей и проблема их оригинальности;
- электронный словарь в рамках терминографического исследования.

Вопросу классификации словарей посвящены отечественные и зарубежные исследования: [1], [2], [3], [4], [5], [6], [9], [13], [14], [17], [21] и др. Отмечая безусловную ценность таких трудов, представим, однако, весьма упрощенную и вместе с тем актуальную для настоящего исследования классификацию - по типу носителя:

- бумажный словарь, «ручной» лексикографический источник [19, с. 224] – лексикографический ресурс, «издание, содержащее собрание слов (иногда словосочетаний), систематизированное в алфавитном, тематическом порядке ил по какому-либо другому признаку, с пояснениями, толкованиями или переводом на другой язык» [11: 488];

- электронный словарь – лексикографический ресурс, массив словарных статей, пользование которым возможно лишь посредством определённого электронного устройства или комплекса технических средств, автономных, принадлежащих определенной сети или имеющих выход в интернет.

В свою очередь, электронные словари также можно разделить на:

Автономные электронные словари:

- автономный электронный словарь, записанный на диске или прочем носителе информации и установленный на одном или нескольких персональных компьютерах (согласно соответствующей лицензии);

– автономный электронный словарь, представляющий собой открытую словарную базу данных, переводческая программа, пополняемая пользователем, формирующим в результате терминологический банк данных [18, с. 277-281].

Онлайн-словари:

– онлайн-словарь, являющийся частью лицензионной версии;
– онлайн-словарь, представленный в виде «свободной энциклопедии», то есть онлайн-ресурс, редактировать который в полном объеме могут пользователи (как правило, зарегистрированные);

– онлайн-словари смешанного типа, представляющие собой часть лицензионной версии лексикографического ресурса, часть словарной статьи которых является закрытой для редактирования зоной, при этом пользователь (как правило, зарегистрированный), может добавить свой вариант перевода к указанным уже разработчиками.

Отметим, что приведенная краткая классификация, безусловно, не может охватить все словарные источники, однако представляет типы наиболее распространенных лексикографических ресурсов.

Рассмотрим особенности таких словарей, как источников французской и русской финансовой терминологии на примере двух лексикографических продуктов АВВУУ Lingvo – АВВУУ Lingvo x5 (автономный электронный словарь) и АВВУУ Lingvo online (онлайн словарь смешанного типа), а также онлайн-словаря Мультитран (онлайн-словарь, представленного в виде «свободной энциклопедии»).

Отметим следующие особенности:

АВВУУ Lingvo x5

– пользовательский интерфейс, удобный для различных адресатов;
– наличие в электронном ресурсе русско-французских и француско-русских словарей названной тематики;

– представленные *три* лексикографических источника финансовой терминологии, являясь в печатном варианте *двумя* полноценными бумажными словарями [10], [15], являются, по сути, ресурсами общеэкономической тематики;

– французско-русский вариант экономического словаря представляет собой индекс русско-французского экономического словаря (используемого в русско-французской части [15]);

– отсутствие оригинального, авторского непосредственно для АВВУУ Lingvo x5 словаря экономической тематики: словарные статьи, посвященные соответствующим терминам, перенесены с бумажного на электронный носитель;

– отсутствие представляющих терминологию экономических наук, специальных отраслевых словарей (финансовых, финансово-кредитных и проч.) ;

- при наличии интернета АBBYU Lingvo x5 обеспечивает доступ к обширной онлайн-базе памяти переводов (ТМ – translation memory) для английского, немецкого и французского языков, которая показывает примеры современного употребления слов и словосочетаний;

- позволяет пользователю создавать собственные словари.

АBBYU Lingvo online:

- все специальные словари, в частности словари экономической тематики, являются в рамках проекта lingvo-online закрытыми, открытыми представлены лишь лексикографические ресурсы общей тематики;

- возможность добавления своего варианта перевода, наличие зоны «перевод пользователей», существенно дополняющей закрытую для редактирования основную словарную статью.

Мультитран:

- «свободный» словарь представляет перевод терминов различных тематических областей, в частности, финансовой.

- структурированные по данным тематическим областям словарные статьи, позволяющие адресату найти перевод термина в определенном тематическом поле;

- возможность пополнения словаря за счет вариантов перевода, представленных пользователями.

В заключение попробуем ответить на вопрос, связанный с целесообразностью анализа электронного словаря в рамках терминографического исследования. Подчеркивая значение научно-технической лексикографии как науки и практики «создания специальных словарей» [8, с. 6], разрабатывающей принципы построения терминологических словарей, и задачами которой являются «(...) установление единых принципов представления и описания (...) единиц терминологии в специальных словарях для создания оптимальных условий пользования ими» [9, с. 217 - 218], обозначим, что автоматический или электронный словарь может быть исследован с точки зрения терминографии. Однако наиболее научно ценным такое исследование будет для оригинального словаря, при этом тип носителя такого ресурса не будет иметь значения. С высокой долей вероятности отметим появление в ближайшем будущем, наряду с исследованиями бумажных словарей (например, [7], [12], [20] и др.), трудов, посвященных электронным словарям.

В целом полагаем необходимым развивать автоматические словари, разрабатывать научный базис, связанный с составлением и правильным использованием таковых. Электронные словари являются важным элементом переводческой, учебной, педагогической деятельности, а их исследование – перспективными для лексикографических ресурсов будущего.

Библиографический список

1. *Ауксориюте А.* Литовские терминологические ресурсы // Терминология и знание: Материалы I Международного симпозиума (Москва, 23–24 мая 2008 г.). – М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2009. – С. 9 – 20.
2. *Баранов А. Н.* Введение в прикладную лингвистику. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 360 с.
3. *Бобунова М. А.* Русская лексикография XXI века. – М.: Флинта; Наука, 2009. – 200 с.
4. *Введенская Л. А.* Русская лексикография. – Ростов н /Д: Феникс, 2011. – 397 с.
5. *Гак В. Г.* О разных типах двуязычных словарей // Тетради переводчика. – М.: Междунар. отн., 1964. – С. 71 – 78.
6. *Герд А. С.* Основы научно-технической лексикографии. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. – 73 с.
7. *Гончарова В. В.* Обогащение франкоязычного лексикона экономической направленности посредством лексикографической продукции // Актуальные проблемы современной лингвистики. Вып. 3. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2011. – С. 50 – 57.
8. *Гринев-Гриневиц С. В.* Введение в терминографию: Как просто и легко составить словарь. - Изд. 3-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.
9. *Гринев-Гриневиц С. В.* Терминоведение. – М.: Издат. центр «Академия», 2008. – 304 с.
10. *Жиро Р.* Французко-русский и русско-французский словарь бизнесмена. – М.: Руссо, 2002. – 744 с.
11. Книговедение: энциклопедический словарь / Ред. коллегия: Н. М. Сикорский (гл. ред.) и др. – М.: Сов.энцикл., 1982. – 664 с.
12. *Колотилкин Е. В.* Лексикографирование узуальных образных средств французского экономического дискурса // Проблемы перевода и переводоведения: Сб. науч. труд. Вып. 13. – Н. Новгород: НГЛУ им. Н. А. Добролюбова, 2010. - С. 224 – 229.
13. *Крупнов В. Н.* Лексикографические аспекты перевода. - Изд. 2-е, доп. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 208 с.
14. *Мартиневский В.* К вопросу о типах разноязычных словарей // Тетради переводчика. – М.: Междунар. отн., 1972. - С. 115 – 118.
15. *Островская Е. П., Кузминок Л. Г.* Русско-французский экономический словарь. – М.: Русская Лютетия, 2005. – 416 с.
16. Прикладное языкознание: Учебник / Л. В. Бондарко и др.; Отв. ред. А. С. Герд. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. – 528 с.
17. *Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д.* Очерки по прусской диалектной лексикографии. – Л.: Наука (Ленингр. отд-ние), 1987. – 232 с.
18. *Татаринов В. А.* История отечественного терминоведения: В 3 т. Т. 3. Аспекты и отрасли терминологических исследований (1973-1993): Хрестоматия. – М.: Московский Лицей, 2003. – 400 с.

19. *Татаринов В. А.* Общее терминоведение: Энциклопедический словарь. – М.: Московский Лицей, 2006. – 528 с.

20. *Файбушевский М. В.* Особенности лексикографического описания французской финансовой терминологии: российский опыт // Фаховий та художній переклад: теорія, методологія, практика: Матеріали доповідей VI Міжнародної науково-практичної конференції 05.04 - 06.04. 2013. – Київ: Аграр Медіа Груп, 2013. - С. 382 – 388.

21. *Шимчук Э. Г.* Русская лексикография. – М.: Издат. центр «Академия», 2009. – 336 с.

ТЕКСТ И ДИСКУРС. СТИЛИСТИКА И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

*М. В. Гончаренко
А. С. Шевченко*

РЕСТОРАННОЕ МЕНЮ В СФЕРЕ ПУБЛИЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Современное состояние публичных коммуникаций, несомненно, активизирует все функционирующие в данной сфере тексты. Можно смело утверждать, что любое послание в он-лайн или офф-лайн коммуникациях становится релевантным для своего получателя – как индивидуального, так и в группе целевой аудитории или целевой общественности. В условиях демассификации публичных коммуникаций особый интерес могут представлять и тексты, которые при всем своем публичном и массовом характере распространения имеют черты (имплицитные или нет) демассифицированного свойства. К ним, несомненно, стоит отнести и тексты меню, которые в научном обиходе еще пока не получили всестороннего анализа. Между тем современный текст меню, являясь не только рекламным текстом, может иметь характер имиджевого, а значит, приобретать и свойства технологичности.

Ресторанное меню: понятие, история, типология. Меню представляет собой список блюд и напитков, которые подаются в заведениях общественного питания. Другими словами, меню – это презентация предлагаемых блюд и напитков от шеф-повара.

Согласно историческим данным, первые меню появляются примерно тысячу лет назад, во время правления династии Сун в Китае – единственном регионе в мире, где была изобретена бумага. В ту эпоху торговцы часто собирались в центре города, и у них было мало времени или энергии на ужин. Из-за большого разнообразия в кухне Поднебесной различных регионов рестораны уже не могли удовлетворять всем вкусам, что привело к появлению первых меню.

Слово «меню», как и множество гастрономических терминов, является французским по происхождению. Оно происходит от латинского «*minutus*» 'что-либо небольшое'; во французском языке оно применяется для описания подробного списка любого рода. Первые меню, где клиентам предлагался выбор блюд, были изготовлены на небольшой черной доске (на французском – «*carte*»); таким образом, предлагаемые блюда выбирались «*à la carte*» («согласно досочке»).

В первых европейских ресторанах не было меню в современном смысле этого слова; в рамках «table d'hôte», предлагались блюда, которые выбирались шеф-поваром или владельцем заведения. Клиенты, которые приходили последними, ели то, что оставалось в конце дня. В Европе современное меню появилось во время второй половины XVIII в., то есть вместо выбора с общего стола рестораны позволяли клиентам выбирать из списка невыставленных блюд, которые готовились согласно заказам клиента. В случае «table d'hot» клиенты оплачивали предустановленную цену. А меню позволяло клиенту потратить столько денег, сколько он хотел.

На сегодняшний день исследователи индустрии гостеприимства выделяют четыре типа меню:

- Меню *A La Carte*: самый распространенный тип; гость формирует свой заказ из тех блюд, которые предлагаются в полном меню. Для каждого блюда в меню указана цена, и гости могут выбирать по своему усмотрению.

- Меню *Table D'Hôte*: гость выбирает по одному блюду из каждой представленной в меню категории («Закуски», «Салаты», «Супы», «Горячие блюда», «Десерты» и т. д.). При этом стоимость заказа единая, фиксированная и не зависит от выбора гостя.

- Меню *Prix Fixe*: гостю предлагается конкретный набор по установленной цене, обычно без возможности выбора.

- Дегустационное меню: маленькие порции различных блюд по выбору шеф-повара, зачастую подаются с винами, подходящими к ним, и служат дополнением к основному обеду, состоящему из нескольких блюд.

По мнению известного французского кулинара Фернана Пуана, ресторанное меню выполняет триединую функцию: «ласкает глаз, вызывает аппетит и информирует посетителя о том, какие траты ему предстоят». Из всех трех функций самой важной являлось «успокоение зрения и прочих органов чувств, поскольку, не обострив аппетита, не заставишь посетителя сделать заказ» [4].

Ресторанное меню как PR-текст. Несомненно, сегодня меню – это не только текст, представляющий кухню заведения, он может и должен носить компоненты имиджеформирующей информации, равно как и рекламной. Французский исследователь Ж.-М. Декоден предлагает следующую коммуникационную модель.

Источник сообщения (заведение общественного питания) – *исходное сообщение* (ресторанное меню) – *посредник в распространении информации* (официант) – *распространенное сообщение* (официант при прямом контакте с посетителем передает ему свое мнение и оценку определенным блюдам) – *адресат* (посетитель делает заказ) [3, с. 29].

Тем не менее модель Ж.-М. Декодена можно охарактеризовать как модель информационную, поскольку она не учитывает фактор обратной связи источника и получателя информации. Именно обратная связь преобразует обычную передачу информации в полноценный процесс коммуникации, поскольку, как писал французский исследователь Р. Эскарпи, «информация есть содержание коммуникации, а коммуникация – “средство передвижения” информации», другими словами, информация представляется статичной, а коммуникация – динамичной [3, с. 30].

Ресторанное меню прекрасно строится по коммуникационной модели известного американского социолога и политолога Г. Лассуэлла: «*Кто говорит?*» - изучение коммуникатора (официант презентует Вам меню); «*Что говорит?*» - анализ содержания сообщения (Вы читаете меню, оцениваете дизайн, полиграфию печатной продукции, просматриваете блюда и напитки); «*По какому каналу передается сообщение?*» - (Ваша оценка ресторану, качеству меню, ценовой политике заведения, обслуживанию); «*Кому?*» - Вы ведете диалог с официантом; делаете заказ; «*С каким результатом и эффектом?*» (После приема пищи, Вы принимаете решение: «В дальнейшем я буду/не буду посещать это заведение»).

Таким образом, происходит измерение эффективности коммуникации.

Согласно классификации А. Д. Кривоносова [3, с. 183], мы можем отнести ресторанное меню к особой группе PR-текстов - комбинированной. Под комбинированными PR-текстами понимаются тексты, объединенные одним информационным поводом, собранные вместе механическим или полиграфическим способом и репрезентирующие информацию с помощью текстов PR, рекламы и журналистики.

Создание комбинированного текста обуславливается той ситуацией, когда информация о событии, ситуации или персоне (в нашем случае о заведении общественного питания и его меню) не может быть доведена до целевой общественности в рамках простого первичного текста, например факт-листа, или когда ввод информации посредством такого текста, по мнению базисного субъекта PR, не будет эффективным. По отношению к последнему суждению можно привести мнение И. Р. Гальперина, признающего, что «всякое речетворческое произведение (которым мы считаем и комбинированный PR-текст), даже лишенное эстетико-познавательной функции, настоятельно требует разнообразия в организации своего материала» [2, с. 65] Именно «разнообразие в организации» подачи PR-информации может быть достигнуто и с помощью комбинированного текста.

Особенность комбинированных текстов состоит в том, что они, во-первых, функционируют в различных сферах публичных коммуникаций,

и, естественно, имеют различные группы целевой общественности; во-вторых, могут содержать в себе тексты других смежных коммуникаций (тексты журналистские и рекламные), также как и иконические (фотографии, графики, схемы, рисунки) материалы [1, с. 36].

Одним из наиболее эффективных механизмов, способствующих усилению воздействия ресторанного меню и привлечению внимания зрительской аудитории является сочетание в меню нескольких кодовых систем. Ресторанное меню можно отнести к так называемым *креолизированным текстам*, т. е. текстам, «фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой/речевой) и невербальной (принадлежащей к другим языковым системам, нежели естественный язык)» [Там же]. Данное понятие было введено известными отечественными психолингвистами Ю. А. Сорокиным и Е. Ф. Тарасовым.

В качестве невербального или так называемого иконического компонента могут выступать иллюстрации, схемы, таблицы, формулы и т. д. Взаимодействуя друг с другом, вербальный и иконический компоненты креолизованного сообщения обеспечивают целостность и связность креолизованного текста, его коммуникативный эффект. К креолизированным текстам, помимо ресторанного меню, можно отнести комиксы, политические листовки и плакаты, образцы рекламной продукции, иллюстрации в художественной литературе, словарях, энциклопедиях, партитурах, периодической печати.

Проведем анализ оригинальных ресторанных меню Лиссабона, Лондона, Таллинна, Санкт-Петербурга и Улан-Батора.

Например, в легендарном португальском ресторане «Guarany» меню оформлено в индейском стиле. Главенствующее место занимают изображения воинов, древних божеств, предметов кухонного быта. Здесь же дается краткая история заведения, фотографии блюд и напитков.

В ресторане «Paellador» (г. Лиссабон) предлагаются морские деликатесы и домашнее вино. Меню формата А3 стилизовано под средневековую карту с изображением каравелл и берегов Португалии. Меню характерно тем, что здесь также дается краткая история заведения, публикуется народная баллада о рыбаке и русалке. Каждое блюдо сопровождается резюме и фотографией. Таким образом, меню становится полноценным комбинированным текстом с разными носителями информации и разножанровыми текстами.

Меню винного дома «Graham's Port» (г. Лиссабон) выполнено в стиле европейского постмодернизма: в форме бутылки с надписью «*You have a message! Enjoy the unique. Wines of Portugal. A World of difference*». Иконический текст помогает посетителю настроиться на прият-

ное времяпрепровождение и отражает историю и современный функционал заведения.

В лондонском пабе «Sherlock Holmes» на Бэйкер-Стрит можно ознакомиться с меню к определенным календарным праздникам. Так, в меню «Christmas Menus», оформленном в стиле новогодней салфетки (с изображением снежинок, елок, столовых приборов и пивных бокалов), представлен список традиционных рождественских блюд и напитков, а также народные песни и игры: «*Make gloves not war*», «*How to knit a winter nose warmer*», «*Christmas carols*» и др.

В другом пабе, в районе Сохо (г. Лондон), меню оформлено в виде комиксов на квадратных листах формата А3. Главными действующими персонажами выступают кружка, сэндвич, рыба и картофель, которые «рассказывают» английские анекдоты о пиве, девушках и спорте.

В ресторанном меню пивоварни «Beer House» (г. Таллинн) большое внимание уделяется имиджевому тексту, написанному на эстонском, английском и русском языках. Текст содержит обращение: «*Дорогой посетитель!*»; легенду: «*Во втором году настоящего тысячелетия, в то время, когда многие традиции уже почтили в забвении, вознес великий Бог Пива свои могущественные руки и указал на пятый дом по улице Дункри. И в этом, отмеченном перстом Бога доме, был основан Beer House*»; философию пивоварения: «*Каждый достойный хозяин в своем доме варит пиво, которое для утоления жажды и улаждения души, уважаемым гостям затем предлагает*»; временной континуум: «*На века!*»; благопожелание: «*На здоровье!*»; слоган: «*Дом, где живет пиво!*».

Подобную схему имиджевого текста можно встретить в меню кондитерской-пекарни «Garçon» (Санкт-Петербург). Текст содержит миссию: «*Настоящие французские булочные в Петербурге. Лучший в Петербурге французский хлеб, свежайшая выпечка и домашние пирожные – с раннего утра и до позднего вечера*»; легенду: «*Пекарь «Garçon» - француз, Жерар Прудом, родился в Сейн э Марне – крошечной деревне, с вековыми традициями хлебопекарного искусства. С детства он заходил в маленькую деревенскую пекарню постигать чудеса, рожденные в печи...*»; квалификация пекаря Ж. Прудона: «*Жерар с отличием закончил лучшую парижскую хлебопекарную школу Grand Moulins de Paris, много путешествовал и теперь с любовью делится своим мастерством*». Далее в имиджевом тексте идет описание кондитерских изделий и даются фотографии Ж. Прудона. Текст завершается уникальным торговым предложением: «*К Вашему торжеству «Garçon» примет заказ на изготовление эксклюзивного торта*».

Данная композиция составления имиджевого текста в ресторанном меню практикуется во многих заведениях Санкт-Петербурга: сеть «Gin-

za Project», концепт-бар «Культ личности», стейк-хаус «Casa del Мясо» и т. п.

Приведем еще один яркий образец меню, где большое внимание уделяется истории заведения, «цепляющий» взгляд посетителя и предлагающий окунуться в атмосферу богемного Петербурга: *«Арт-кафе «Подвалъ Бродячей Собаки» – памятник культуры Серебряного века и достопримечательность нашего города, был открыт в канун нового 1912 года. И хотя история этого места укладывается в рамки 1912-1915 гг., данный период времени оставил множество мемуарных страниц и яркий след в памяти XX века.*

Славу арт-кафе, легендарную и скандальную, формировало удивительное сочетание скромности помещения и высочайшей концентрации блистательных талантов. Здесь устраивались театральные представления, лекции, поэтические и музыкальные вечера.

С «Бродячей Собакой» связаны творческие и личные биографии А. Ахматовой, А. Аверченко, К. Бальмонта, Н. Гумилева, Т. Карсавиной, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Мейерхольда, И. Северянина, Н. Тэффи, А. Толстого и др.».

Меню престижного монгольского ресторана национальной кухни «Энхэ» (г. Улан-Батор) оформлено как старинный манускрипт, на котором изображен азиатский узор «эбэр угалза» (в буквальном переводе означает «рогатый орнамент»). Слово «угалза» имеет еще и другое значение – это название самца горного барана, который водится в Монголии. Рога горных козлов вырастают до трех и более спиралей – прообраз орнамента для древних охотников. Основа жизни скотоводов – крупный рогатый скот, бараны, козы. Самый отличительный элемент тела – рога – лег в основу монгольского орнамента и связан с представлениями о благоденствии, процветании и плодородии скота.

Таким образом, можно на примере различных заведений ресторанного бизнеса отметить устойчивую тенденцию к оформлению меню как текста креолизованного характера, имеющего прагматическую интенцию как рекламного, так и PR-текста, реализующего одновременно функции интегрированных маркетинговых коммуникаций.

Библиографический список

1. *Анисимова Е. Е.* Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов): Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов. - М., 2003.
2. *Гальперин И. Р.* Текст как объект лингвистического исследования. - М., 1981.

3. *Кривоносов А. Д.* PR-текст в системе публичных коммуникаций, - СПб., 2001.

Электронные ресурсы

4. Wikipedia, Меню // the Free Encyclopedia [Электронный ресурс] / Wikipedia. – 2014. Режим доступа: <http://en.wikipedia.org/wiki/Меню>.

Н. И. Налётова

УПРАВЛЕНИЕ ВНИМАНИЕМ АДРЕСАТА РЕЧИ В МОНОЛОГИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ СМИ

Поскольку главная цель речевого общения – это обмен информацией, т. е. передача и восприятие смысла высказывания, человек стремится быть понятым, что требует учета и правильного использования факторов, оказывающих влияние на процесс общения. К их числу относится получатель информации, или адресат речи. Под адресатом речи для СМИ понимается читатель, слушатель или зритель, который лишен возможности принять участие в речи говорящего, – он не может ни возразить, ни согласиться, ни прервать речь говорящего. Выделяют три группы адресатов речи СМИ: 1) «неграмотные», умеющие читать и писать, но не принимающие активного участия в общественной жизни, настроенные на развлечение; 2) «прагматики», наиболее активная часть населения, участвующая в общественной жизни; для них важен социальный статус, к ним в первую очередь обращена реклама; 3) «интеллектуалы», представители интеллектуальной элиты, не очень общительные, к СМИ относятся сдержанно, ориентированы на актуальность сообщения, новизну информации [2, с. 226].

Стремление говорящего к тому, чтобы общение было эффективным, ориентирует его на поиск общего языка со слушающим, т. е. речь говорящего отличается адресностью. Адресность – свойство большинства творческих произведений в текстовой форме, обладающих внутренней или явной диалогичностью в связи с реактивной потребностью ответа в качестве побудительного мотива творчества (см. подробнее [1]) стадии технического эксперимента, когда «все для всех», к форме рутинного регулярного вещания, с целью привлечь к экрану предметным интересом различные социально-демографические группы аудитории. По критерию адресности на телевидении так же, как и в редакции прессы, возникают творческие структуры – редакции, рубрики, передачи (молодежные, детские, сельские, женские, для учителей или врачей, для военных и т. п.). В связи со

сложными вариантами востребованности возникает виртуальная адресность, когда как эфир, так и Интернет может забивать «информация», никому в отдельности конкретно не нужная. Не следует забывать и о том, что иногда уже давно привычный в большинстве семей телевизор не выключают именно потому, что привычен и не мешает, а вовсе не потому, что передача интересна (см. подробнее [1]).

В результате многолетних исследований Т. М. Дридзе установлено, что аудитория делится на семь рельефных групп, различающихся по умению понимать смысл сообщения, которое по утверждению предьявляется. В основе классификации три критерия – знание слов и выражений, употребленных в сообщении; понимание текста сообщения в целом; умение определить главную мысль сообщения. По каждому из этих критериев можно охарактеризовать конкретного человека, воспринимающего то или иное сообщение, с точки зрения уровня его навыка – высокий, средний, низкий. Получившаяся в результате исследования классификация довольно сложна, но основными являются первые четыре группы, выделенные исследовательницей.

Первая группа: люди хорошо знают слова сообщения, хорошо поняли текст и хорошо выделили главную мысль. Это значит, что они хорошо поняли сообщение. Такие люди в среднестатистической аудитории составляют 12%.

Вторая группа: люди удовлетворительно знают слова сообщения, удовлетворительно поняли текст и удовлетворительно выделили главную мысль. Сообщение они поняли удовлетворительно. Таких 17%.

Третья группа: все показатели на низком уровне, сообщение понято плохо. Таких 19%.

Четвертая группа: люди хорошо знают слова, хорошо поняли текст, но плохо выделили главную мысль. Таких 32%.

Сообщения понимают хорошо и удовлетворительно 29% слушателей (первая плюс вторая группы), а треть всех слушателей не поняли сообщения только из-за того, что не смогли выделить главную мысль (32%). В связи с этим оратору необходимо следить за тем, чтобы главная мысль была преподнесена слушателям четко и ясно, тогда число понявших выступление составит две трети аудитории (Цит. по кн.: {7, 24}).

Используя речь, человек стремится передать некоторую информацию и с её помощью воздействовать на знания, мнения, оценки, чувства и поступки другого человека или группы людей. Это воздействие предполагает, что адресат речи *примет* данную информацию, т. е. непротиворечиво впишет её в свою систему знаний, мнений и психологических установок. Такое принятие возможно только в том случае, если, читая или слушая текст, адресат речи начинает чувствовать и думать *одновременно* с автором текста. Эта одновременность чувств и мыслей обеспечивается тем,

что структура текста психологически соответствует структуре познавательной деятельности человека и основана на законах мышления, общих для всех людей. Этим пользуется (хотя сам он и не осознает этого) автор текста, управляя вниманием и чувствами человека, когда стремится убедить его в чём-либо.

Психологической основой творческой познавательной деятельности человека считается *процесс разрешения проблемной ситуации* (Структура и закономерности процесса разрешения проблемной ситуации подробнейшим образом описаны психологией мышления).

Общеизвестно, что открытия всегда делались на основе интуиции, интуитивного «усмотрения истины», интуитивного, ассоциативного выбора пути решения, а не на основе логического вывода из уже известного знания. По мнению известного специалиста в области моделирования рассуждений Д. А. Поспелова, принцип интуитивного «усмотрения истины» заложен в структуру детективных романов, рассказов и кинофильмов. В самый напряженный, кульминационный момент, когда кажется, что следствие зашло в тупик, герой такого романа *замечает* некоторую деталь, которую раньше он не учитывал в своих рассуждениях, хотя она была и раньше. Затем на основе связей этой новой детали с уже известными герой делает логический вывод и раскрывает преступление. Хотя человек делает этот ассоциативный выбор из огромного количества возможных вариантов мгновенно, он не может объяснить, почему он выбрал этот путь решения, а не другой [6, с. 5-38].

В познавательной деятельности участвуют различные виды мышления (логико-понятийное и интуитивно-образное) (см. подробнее об интуитивно-образном мышлении [3]), различные виды памяти (кратковременная и долговременная), а также различные виды внимания и запоминания (произвольное, вызванное активностью познающего человека, и произвольное, вызванное особенностями объекта познания). Уяснить особенности взаимодействия этих видов мышления, памяти и внимания, позволяет история открытия Архимедом закона гидростатики, в которой выделяются пять основных этапов *процесса разрешения проблемной ситуации*.

1. Возникновение проблемной ситуации.

Архимед получил от царя задание узнать, из чистого ли золота сделана его корона. Чтобы ответить на этот вопрос, Архимед решил сравнить вес короны и вес слитка чистого золота того же объёма, что и корона. Для этого сначала надо было определить объём короны, т. е. объём тела, имеющего сложную, неправильную форму.

2. Неудачные попытки разрешить проблемную ситуацию на основе уже известного знания с помощью логико-понятийного мышления.

Архимед концентрирует всё своё внимание на этой проблеме, перебирает в своей памяти все известные ему методы вычисления объёма тела.

Однако использование этих методов не приносит ему нужного результата. С каждой новой неудачной попыткой учёный ощущает всё больший психологический дискомфорт.

3. Интуитивный выбор пути решения, интуитивное установление новых связей (ассоциаций).

Когда психическое напряжение достигает максимума, Архимед решает отвлечься от проблемы вычисления объёма короны, на некоторое время забыть о ней и немного отдохнуть, приняв ванну. Погрузившись в воду, Архимед увидел, что уровень воды в ванне изменился. Он догадался, что увеличение объёма воды в ванне равно величине объёма его тела. Мгновенно учёный осознал, что любое тело, помещённое в воду (в том числе и корона), вытеснит объём воды, равный своему объёму. Тогда, чтобы определить объём тела, останется только вычислить объём вытесненной телом воды.

Как видно из этого примера, выбор пути решения не был предопределён и не мог быть логически выведен из предшествующих попыток решения задачи. Иными словами, только ассоциация помогла Архимеду найти способ определения объёма тела, имеющего сложную, неправильную форму. Однако эта ассоциация не была случайной. Архимед напряжённо искал решение и только поэтому заметил связь между подъёмом уровня воды в ванне после опускания в неё какого-либо предмета и объёмом этого предмета, т. е. раньше он это видел, но не замечал.

Важно отметить, что Архимед принял эту идею о равенстве объёма воды и объёма тела без доказательств и проверок, хотя это была лишь догадка. Он был абсолютно уверен в достоверности этого знания. Он был счастлив, так как увиденная им закономерность сняла противоречие в его системе знаний о мире, восстановила гармонию мира. Такое не критичное отношение к возникшей идее, уверенность в своей правоте и радость, которая сопровождает восстановление чувства гармонии мира, являются характерными особенностями работы интуитивно-образного мышления.

Важно подчеркнуть, что способ решения проблемной ситуации был найден, когда произвольное внимание учёного (т. е. внимание, вызванное произвольной активностью человека, а не необычными свойствами объекта познания) было отвлечено от проблемы. Решение пришло как бы само, неожиданно, возникнув в связи с абсолютно посторонней ситуацией. Но на самом деле в это время активно, хотя и незаметно для самого Архимеда, продолжалась работа подсознания, памяти, в которой шло сравнение данной проблемной ситуации с другими, имевшимися в опыте учёного. Поэтому когда подъём воды в ванне привлек произвольное внимание Архимеда, долговременная память включила эту деталь в рассмотрение проблемной ситуации и нашла решение. В сознании Архимеда возник лишь результат этой работы, сама же работа памяти осталась неосознанной.

4. *Разрешение проблемной ситуации на основе логического вывода из знания, полученного на предыдущем этапе.*

Вернувшись домой, Архимед определил объём короны, измерив объём воды, который был вытеснен при её опускании в воду. Затем он взял слиток чистого золота такого же объёма. Сравнив вес короны и этого слитка, учёный установил, что вес короны меньше.

На этом этапе Архимед объединил информацию 1, 2 и 3-го этапов и получил нечто новое, логически следующее из старого.

5. *Вывод.*

На основе информации 1, 2, 3 и 4-го этапов Архимед сделал вывод о том, что корона была сделана не из чистого золота, а из сплава золота с каким-то более лёгким металлом.

Рассмотренная психологическая структура процесса разрешения проблемной ситуации (об этапах процесса разрешения проблемной ситуации см. [4]) является универсальной структурой процесса познания. Она позволяет объяснить не только процесс научного открытия, технического творчества или решения обычной школьной задачи, но и *процесс понимания* любого текста, в том числе газетного, художественного и др. Для читателя или слушателя *понимание текста* — это *реальный процесс познания*, узнавания нового, а не имитация познания. Текст несёт в себе информацию, которую мышление человека должно обработать. Новая информация сразу создает во внутреннем мире человека проблемную ситуацию, поскольку ещё не установлены логические и ассоциативные связи нового знания с уже имеющимся представлением о мире. У читателя или слушателя возникает потребность восстановить внутреннее равновесие, гармонию. Поэтому он незаметно для себя, неосознанно начинает систематизировать эту новую информацию, сравнивать данную познавательную ситуацию со своим опытом познания. Однако в отличие от самостоятельной познавательной деятельности при понимании текста способ разрешения проблемной ситуации уже выбран автором текста.

Слушатель или читатель принимает это авторское решение, поскольку решение предлагается в тот момент, когда он напряженно ожидает появления именно такой новой информации, которая позволит ему преодолеть внутреннюю дисгармонию и установить связи между новым и старым знанием. На этом этапе познания активизируется интуиция, и поэтому слушатель или читатель некритично относится к предлагаемой автором новой информации, он даже не осознаёт, что это чужой выбор, а не его собственный. Поэтому впоследствии адресат речи думает, что это он сам сделал вывод, сам выбрал, так оценил то или иное событие или явление, сам решил, как ему поступить, хотя этот выбор был сделан за него автором текста. В результате происходит не контролируемая сознанием слушателя или читателя передача знаний, оценок, установок на деятельность.

Таким образом, на основании психологических закономерностей мышления и понимания можно сделать вывод о том, что в тексте существует позиция, некоторое центральное предложение, которое воспринимается преимущественно интуитивно-образным мышлением. Информация этого предложения принимается адресатом речи некритично, без контроля со стороны сознания. При этом она является ключевой, базовой для понимания всего текста.

Обратимся к тексту краткого информационного газетного сообщения.

Компьютер «узнал» почерк великого Шекспира

1) В списке дошедших до нас произведений Уильяма Шекспира появилось новое название — историческая драма «Эдуард III», относящаяся к раннему периоду творчества английского классика. 2) Пьеса XVI века была известна учёным и раньше, однако до сих пор приписывалась анонимному автору. 3) Учёными университета штата Массачусетс в Бостоне был проведён компьютерный анализ пьесы. 4) Электронная машина обнаружила все характерные признаки стиля, присущего Шекспиру. 5) «Эдуард III» внесён в официальный реестр пьес Шекспира под 39-м номером. [Санкт-Петербургские ведомости. 29.09.10]

Первое предложение вызывает у читателя вопрос, почему в списке произведений давно умершего драматурга появилось новое название, и порождает противоречие между информацией предложения и тем, что читатель знает о Шекспире. Второе предложение даёт дополнительную информацию о пьесе, но эта информация не разрешает противоречие, а, наоборот, усиливает его. У читателя появляется вопрос, почему учёные знали об этой пьесе, но признали её пьесой Шекспира только сейчас, а не раньше. И только третье предложение даёт ответ на эти вопросы и разрешает противоречие, сообщая о проведённом компьютерном анализе.

Четвёртое предложение развивает тему компьютерного анализа и сообщает, что именно обнаружил компьютер (речь идёт о характерных признаках стиля Шекспира). В этом предложении объединяется информация 1, 2 и 3-го предложений (1. новая пьеса Шекспира + 2. известность пьесы учёным + 3. компьютерный анализ) и вводится новая. (+ 4.обнаружение характерных признаков стиля). Пятое, заключительное предложение, возвращает нас к информации первого, подчёркивая официальный и научно обоснованный характер этого решения, и вводит дополнительную информацию о номере пьесы в списке произведений Шекспира.

Как видно, *части 1 и 2 логически связаны между собой, а информация части 3 логически не следует из предшествующего текста.* Это могло быть сообщение о чём-либо другом, например о празднике в честь этого события или о научной конференции, о новой постановке этой пьесы или об истории её создания. А причиной признания пьесы произведением Шекспира мог быть и не компьютерный анализ, а находка оригинала с

подписью автора или какого-либо письма или другого документа, где подтверждалось бы авторство Шекспира, и т. д. Все эти варианты развития текста равноценны для читателя, поскольку он не знает конкретных фактов. Иными словами, для читателя *дальнейшее развитие текста не предопределено*. В то же время после введения информации о проведении компьютерного анализа уже ясно, *о чём будет идти речь дальше, поскольку все остальные варианты развития текста уже не существенны*. А пятая часть – это фактически повторение первой, но здесь это уже не голословное утверждение, а обоснованный вывод, сделанный в результате изучения вопроса.

Обычно объём текста, при чтении или слушании которого человек психологически проходит все 5 этапов процесса познания, составляет 3-5 предложений, иногда до 7. Этот объём зависит от объёма кратковременной памяти человека [5, с. 192-225]. В кратковременной памяти происходит абстрагирование признаков данных объектов (слов, понятий, предложений, идей, предметов и т. д.) и их обобщение, сведение к какому-то одному понятию, которое переводится в долговременную память. После этого кратковременная память очищается для восприятия и анализа следующей группы объектов. Поэтому содержание текста может быть свёрнуто в одно понятие или одно предложение, которое может стать заголовком текста (см. газетный текст, приведенный выше).

Итак, главная часть (интуитивное усмотрение некоторой новой, ключевой информации) рассчитана на произвольное внимание читателя или слушателя. Произвольное же внимание при этом концентрируется на 1-2 (проблема и её развитие) и 4-5 (логическое разрешение проблемной ситуаций) частях текста. Поэтому предложение, соответствующее 3 этапу познания, всегда контрастно выделено на фоне контекста каким-то смысловым или формальным (грамматическим) признаком, например утверждение на фоне отрицаний, вопросительное предложение на фоне повествовательных, пассивная конструкция на фоне активных, разрешение или запрещение на фоне описаний (или наоборот) и т. д. Этот контраст воспринимается человеком неосознанно, но именно он привлекает произвольное внимание читателя или слушателя к информации данного предложения.

Таким образом может осуществляться управление вниманием адресата речи в новостных монологических сообщениях СМИ.

Библиографический список

1. Вакурова Н. В., Московкин Л. И. Типология жанров современной экранной продукции. – М., 1997.
2. Викулова Л. Г., Шарунов А. И. Основы теории коммуникации. – М.: АСТ; АСТ МОСКВА; Восток-Запад, 2008.

3. Грановская Р. М., Березная И. Я. Интуиция и искусственный интеллект. – Л., 1991.
4. Междисциплинарный подход к исследованию научного творчества / Отв. ред. В. В. Давыдов. – М., 1990.
5. Миллер Дж. Инженерная психология. – М., 1964.
6. Поспелов Д. А. О «человеческих» рассуждениях в интеллектуальных системах. – М., 1983.
7. Стернин И. А. Фактор адресата в речевом воздействии. – Воронеж, 2004.

Э. В. Седых, Я. С. Коврижина

ИМПРЕССИОНИЗМ В ТВОРЧЕСТВЕ ВИРДЖИНИИ ВУЛФ

Творчество Вирджинии Вулф (1882-1941), английской писательницы, литературоведа, переводчика, ведущей фигуры модернизма первой половины XX в., из всех направлений изобразительного искусства связано наиболее глубокими и многосторонними связями с импрессионизмом. Влияние данного направления прослеживается на уровне микро- и макросмысла, а также в заимствовании средств художественной выразительности.

Братья Гонкуры, представители импрессионизма в литературе, сформулировали концепцию импрессионистской эстетики в своём произведении «Дневник» следующим образом: «Видеть, чувствовать, выразить – в этом всё искусство» [1, с. 489].

Важнейший принцип этого направления, лежащий в основе импрессионистского метода, заключается в подвижном двуединстве субъективного, доминирующего, и объективного начал. Пристально изучая жизнь, художники-импрессионисты стремились запечатлеть на своих полотнах не просто случайные, беглые впечатления и наблюдения, но ухватить и передать саму суть движения, изменчивости окружающего их мира, бесконечное богатство его состояний и неповторимость каждого мгновения. Целью импрессионистов была передача субъективного впечатления (*impression*) при изображении внешнего источника впечатлений – объекта окружающей действительности, которую художник-импрессионист пропускает через собственное восприятие, воссоздавая на своих полотнах не сам мир, каков он есть, а свои впечатления от него. Художники-импрессионисты развивали традиционную живопись, обогатив её новой концепцией мировосприятия и оригинальными приёмами изображения действительности.

Импрессионисты отвергали установленные академические правила рисунка, перспективы, колорита, техники письма. Их поиски новых изобразительных средств были подчинены стремлению передать естествен-

ную вибрацию цветов, сложнейшие сочетания оттенков, движение и колебание воздуха, игру света и тени. Благодаря их открытиям впервые в истории живописи стало возможным изобразить на картине предрассветную или предзакатную дымку, водную пелену после дождя, туманы, зеркальную поверхность водной глади, передать ясность и свежесть раннего морозного утра и т. д.

Важнейшую роль в эстетике импрессионизма играют цвета. Как отмечали братья Гонкуры, живопись – это не рисунок, а краски. Обратив внимание на научные теории того времени в области природы цвета и механизма его восприятия человеческим глазом, согласно которым вся цветовая гамма восходит к нескольким чистым цветам, воспринимаемым сетчаткой глаза, художники-импрессионисты, разложив сложные тона на отдельные цвета, не смешивая краски, накладывали их на холст отдельными энергичными мазками, которые в силу свойственного человеческому глазу оптического смешения в конечном итоге при рассмотрении полотна с определённого расстояния воспринимаются не по отдельности, а создают целостный, объёмный образ нужных оттенков.

В пуантилизме, или дивизионизме, стилистическом направлении постимпрессионизма, создателем которого стал французский художник Жорж-Пьер Сёра, интерес направлен на особенности устройства человеческого зрения. Так, Сёра пытался найти мельчайшие атомы, кирпичики, которые улавливает глаз и складывает в цельное изображение. Мельчайшей единицей языка является буква, так же и в живописи может быть выделен наименьший элемент – точка. Пуантилисты в отличие от импрессионистов накладывали краски не мазками, а точками разных цветов, которые смешиваются в глазах зрителя и составляют единое изображение. Из смешения простых цветов создаются сложные оттенки. Искания пуантилистов основывались на научных исследованиях природы света и восприятия, которые показали, что свет меняет характер очертания предметов, создавая вокруг них ореол («halo»), цвет которого зависит от интенсивности света и цвета самого предмета.

Интересно проследить сходство в использовании концепта «ореола» пуантилистами и Вирджинией Вулф, которая определяла сознание человека как окружающий его ореол: «incessant shower of innumerable atoms» («непрерывный ливень бесчисленных атомов»), «a luminous halo» («светящийся ореол»), «semi-transparent envelope» («полупрозрачная оболочка») [7].

Как отмечала Т. В. Балашова, у Вирджинии Вулф поток сознания наиболее близок импрессионистическому типу. Переход от «сообщения» к «суждению» мгновенен, слои (объективный факт; импульсивная реакция на него; оценка увиденного; соотнесение его с общепринятым; размышления, ведущие от конкретного факта к обобщениям) настолько дробны, что

каждый может быть представлен всего одним предложением, и поэтому читательское сознание их не отделяет. Всё воспринимается в единстве, как картина художника-пуантилиста [2, с. 167].

В числе композиционных особенностей полотен импрессионистов можно отметить характерное расположение составляющих полотна частей, фрагментарность, неожиданный ракурс изображения, кажущуюся неуравновешенность и нарочитую небрежность композиции, срезы фигур рамой. Отмеченные выше особенности создают иллюзию случайно подсмотренной сценки, ощущение сиюминутного впечатления [5].

Основными жанрами импрессионистической живописи становятся пейзажи и сцены городской жизни; в создаваемых ими картинах, передающих ощущение непостоянства преходящего мира, ощущается влияние японского искусства.

В литературе импрессионизм не сложился как отдельное направление, однако его принципы и технические приёмы взяли на вооружение многие писатели, отказавшиеся от точного воспроизведения объективной действительности в пользу выражения субъективных впечатлений и переживаний, воссоздания случайных мгновений и настроений, так что искусство становится увековечением в высшей, абсолютной, окончательной форме какого-то момента, какой-то мимолётной человеческой особенности.

Исследователи отмечали, что в литературе импрессионизм проявил себя, скорее, как свойство литературного стиля. Тем не менее открытые писателями-импрессионистами нетрадиционные приёмы изображения не позволяют усомниться в правомерности обозначения импрессионизма и как литературного явления. Импрессионисты, художники и писатели, стремились усмотреть в частном общее, выхватывая отдельные мгновения из непрерывного течения жизни, вывести определённую закономерность этого движения, и в этом их сходство с символистами, для которых линии, оттенки цвета и особенности формы, наделённые символическим значением, служат материальной оболочкой для первоначальных идей.

Синтез импрессионизма и символизма в творчестве Вулф отмечали многие исследователи. В литературе импрессионизм наиболее ярко проявил себя в поэзии, тесно сомкнувшись с символизмом. Необычайная лиричность прозы Вулф, с особенной яркостью проявившаяся в её коротких рассказах, сближает их с поэзией, с одной стороны, так что они напоминают скорее лирические зарисовки, стихотворения в прозе; и с живописью — с другой: беглые наброски в импрессионистическом духе фиксируют неуловимую смену состояний, настроений, движение мысли.

Вулф проявляет большой интерес к неуловимым подсознательным импульсам; подмечая, воспроизводя их лёгкими мазками, она оставляет подобные состояния без пояснений. Писательница придерживается мнения А. Бергсона, который считал случайные ассоциации необъяснимыми,

и вслед за ним Вулф не пытается найти их причину и прояснить механизм их влияния на настроение человека. Её так же, как и импрессионистов, интересует не полнота описания каждого состояния, а процесс перехода из одного состояния в другое.

Н. Ю. Жлуктенко отмечала присущую Вулф тонкость восприятия и естественность соответствия концепции импрессионизма мироощущению Вулф, общий принцип прозы которой – «изменчивость, исходящая из абсолютной уверенности, что точно выбранное слово передаёт её чувство читателям» [4, с. 108]. Моменты бытия Вулф напоминают то самое мгновение, которое стремятся остановить и воссоздать художники-импрессионисты. Это мгновение вскрывает диалектику жизненных явлений, их объективную сущность. Диалектика сходства и несходства характера с самим собой в каждый момент его существования – вот та поистине тончайшая задача психологического исследования образа, за которую берётся Вулф [4, с. 111].

Также, проводя параллели между импрессионизмом, живописным и литературным, можно выделить следующие общие черты: тяготение к малым жанровым формам, свойственное импрессионистическому роману, как и импрессионистическим полотнам, фрагментарность, отсутствие строго выстроенного сюжета, насыщенного событиями и действиями, отсутствие чётко обозначенных связей между отдельными эпизодами, субъективное представление о времени: мгновения могут вмещать больше описываемых событий духовной жизни, чем кажущиеся секундами годы. Все вышеперечисленные особенности в полной мере относятся к творчеству Вирджинии Вулф.

Кроме того, влияние живописного импрессионизма на литературный язык проявилось в появлении новой функции слова: оно соединяет в себе не только обозначение предмета, но и вызванные им ощущения, впечатления от него. Так, Вулф стремилась воспроизвести, вербализовав, визуальные эффекты, мимолётные впечатления, тончайшие нюансы игры света и тени, едва уловимые оттенки человеческих эмоций. Слово должно не открыто выражать задуманное автором, а лишь намекать, только так можно передать нечто изменчивое, едва уловимое, незастывшее.

Таким образом, связь творчества Вирджинии Вулф с эстетикой импрессионизма прослеживается, прежде всего, на уровне микро- и макросмысла. Под взаимодействием на уровне макросмысла мы понимаем общность мировоззренческих установок, близость философских концепций, подходов к постижению бытия и интерпретации явлений окружающей действительности, определяющие приоритетность предметов познания, «угол зрения» и инструментарий. В данном конкретном случае речь идёт о постижении законов объективного мира сквозь призму мира субъективного.

Анализ микросмысловых связей заключается в постижении смысла создаваемых Вулф «картин» в контексте всего произведения в целом в соответствии со смысловыми доминантами импрессионистской эстетики. Обратимся же непосредственно к примерам из произведений В. Вулф, иллюстрирующих взаимодействие на уровне смысла.

В рассказе «Королевский сад» («Kew Gardens») описывается пышное июльское цветение сада. Фигуры людей с размытыми, неясными очертаниями, движущиеся между клумбами, движение мыслей каждого из них, потоки воспоминаний словно ложатся мазками на полотно художника-импрессиониста. Писательница не даёт детального портрета своих персонажей, зато предельно точно передаёт ход их мыслей, отдавая предпочтение не внешней оболочке, а внутреннему содержанию. Словно эскизно набросанные несколькими мазками очертания людей контрастируют с яркими красками тщательно выписанной цветочной клумбы:

«From the *oval-shaped* flower-bed there rose perhaps a hundred stalks spreading into *heart-shaped* or *tongue-shaped* leaves half way up and unfurling at the tip red or blue or yellow petals marked with spots of colour raised upon the surface; and from the red, blue or yellow gloom of the throat emerged a straight bar, *rough* with gold dust and slightly clubbed at the end. The petals were voluminous enough to be stirred by the summer breeze, and when they moved, the red, blue and yellow lights passed one over the other, staining an inch of the brown earth beneath with a spot of the most intricate colour. *The light fell* either upon the smooth, grey back of a pebble, or, the shell of a snail with its brown, circular veins, or falling into a raindrop, it expanded with such *intensity of red, blue and yellow* the *thin* walls of water that one expected them to burst and disappear. Instead, the drop was left in a second silver grey once more, and the light now settled upon the flesh of a leaf, revealing the branching thread of fibre beneath the surface, and again *it moved on and spread* its illumination in the vast green spaces beneath the dome of the heart-shaped and tongue-shaped leaves. <...> The figures of these men and women straggled past the flower-bed with a curiously *irregular movement* not unlike that of the white and blue butterflies who crossed the turf *in zig-zag flights* from bed to bed» [6].

«Не менее ста стебельков тянулись с *продолговатой* цветочной клумбы, раскрываясь – почти над самой землей – веером листьев в *форме сердца* или *загнутых язычков*, и разворачивали на вершине чаши *красных, синих, жёлтых лепестков*, усыпанные густыми *цветными пятнышками*; а из *красного, синего, жёлтого сумрака* на дне чаши поднимался *твёрдый прямой* росток, *шершавый от золотистой пыли* и чуть закруглённый на конце. Лепестки были достаточно крупные, чтобы чувствовать летний ветерок, и когда они колыхались, *красные, синие и жёлтые огни* набегали друг на друга, бросая на *бурую* землю невиданные *отсветы*. *Краски* ложились то на *гладкую серую* спинку гальки, то на раковину улитки в *матовых бурых разводах*; или вдруг, попав в дождевую каплю,

взрывались таким половодьем *красного, синего и жёлтого*, что казалось, тонкие водяные стенки вот-вот не выдержат и разлетятся вдребезги. Но через мгновение капля вновь становилась *серебристо-серой, а цвета играли уже на мясистом* листке, обнажая глубоко запрятанные нити сосудов, и снова улетали и разливали свет на *зелёных* просторах под сводами листьев в форме сердца или загнутых язычков. <...> Фигуры этих мужчин и женщин двигались мимо клумбы в каком-то странном хаотическом круговороте, почти как *бело-синие* бабочки, которые причудливыми *зигзагами* перелетали с лужайки на лужайку» (перевод Д. Аграчева) [3, с. 724].

Не менее показателен отрывок, в котором фигуры людей растворяются в окружающей их природе:

«They walked on the past the flower-bed, now walking four abreast, and soon diminished in size among the trees and looked half transparent as the sunlight and shade swam over their backs in large trembling irregular patches» [6].

«Они миновали клумбу и пошли дальше, теперь все четверо рядом, и скоро стали маленькими и *полупрозрачными* среди деревьев, среди больших и дрожащих *солнечных пятен*, которые, чередуясь с *тенью*, не спеша проплывали по их спинам» (перевод Д. Аграчева) [3, с. 725].

Вербальными средствами языка В. Вулф создаёт объёмную полноцветную картину, дающую читателю представление о форме, цвете, размере, фактуре, световых эффектах и направлении движения изображаемых объектов. Голоса людей на полотнах, главное свидетельство их присутствия, сливаются с голосами природы, которая говорит цветом, солнечными бликами, движением листьев на ветру:

«... the city murmured; on the top of which the voices cried aloud and the petals of myriads of flowers flashed their colours into the air» [6].

«...бормочет большой город; а над этим гулом громко кричат голоса, и лепестки несчётных цветов бросают в воздух цветные огни» (перевод Д. Аграчева) [3, с. 729].

Буйство красок в летнем саду созвучно буйству чувств, мыслей и впечатлений в сознании и сердцах героев.

В. Вулф подходит к созданию портретов своих персонажей подобно художникам-импрессионистам. Несколько штрихов, лёгких мазков передают настроение, создают образ персонажа, каким он видится автору и другим героям произведения, посредством цветовых ассоциаций, с помощью языка цветов. Примером подобного приёма может служить описание внешности героини одноимённого романа Клариссы Дэллоуэй одним из второстепенных персонажей:

«... a touch of the bird about her, of the jay, blue-green, light, vivacious ...» [8].

«...она чем-то, пожалуй, похожа на птичку; на сойку; *сине-зелёная*, лёгонькая, живая...» (перевод Е. Суриц) [3, с. 29].

Именно такое впечатление производит Кларисса на своего знакомого Хью Уитбрета и на читателя. На протяжении всего романа неоднократно подчёркивается сходство героини с птицей, проявляющееся в её миниатюрности, опрятности, свежести, жизнерадостности. Готовясь к званому вечеру, она, словно чистя пёрышки, поправляет своё вечернее зелёное платье. Зелёный и синий – излюбленные цвета импрессионистов и Вирджинии Вулф. Эти цвета ассоциируются с природным началом: зелёный – цвет растительности, синий – неба и моря. Естественность этих цветов, их особенная глубина сообщают определённые черты и персонажу, который с ними ассоциируется. И это оказывается совершенно верным, если вспомнить о присущем Клариссе пантеизме и стремлении сохранить свою *самость*, свою жизнь и свою душу неприкосновенными.

Библиографический список

1. Андреев Л. Импрессионизм: Видеть. Чувствовать. Выражать. – М.: Гелеос, 2008.
2. Балашова Т. В. Поток сознания // Художественные ориентиры зарубежной литературы XX века: Сб. статей. – М.: ИМЛИ РАН, 2002. – С. 158 -192.
3. Вулф В. Избранное. – М.: Астрель, 2002.
4. Жлуктенко Н. Ю. Английский психологический роман XX века. – Киев: Вища школа, 1988.

Электронные ресурсы

5. Импрессионизм. [online] URL: <http://www.impressionism.ru/glossary.html>
6. Woolf V. Kew Gardens. [online] URL: <http://digital.library.upenn.edu/women/woolf/monday/monday-07.html>
7. Woolf V. Modern Fiction // Common Reader, 1925. [online] URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks02/0200771.txt>
8. Woolf V. Mrs. Dalloway. [online] URL: http://www.polyglotproject.com/books/English/mrs_dalloway

Ю. Г. Тимралиева

ОСОБЕННОСТИ СТИХОСЛОЖЕНИЯ В ЛИРИКЕ НЕМЕЦКОГО ЭКСПРЕССИОНИЗМА

Экспрессионизм как одно из ключевых течений в немецкой литературе начала XX века, существенно повлиявшее на становление последующих литературных школ и направлений, характеризуется многими исследовате-

лями как один из самых интересных и радикальных языковых экспериментов в истории литературы, наиболее полно воплотившийся в лирике.

Главным достижением экспрессионизма становится изменение художественного сознания, попытка отображения действительности принципиально новыми методами, кардинальное обновление языка. Это проявляется не только и даже не столько в тематике – в отрицании происходящих событий и существующих норм морали, во введении в лирику новых тем и героев, в создании новых образов, но, прежде всего, в отказе от старых форм, нарушении общепринятых лексико-грамматических и поэтических норм, создании новой более свободной формы. «Освобождение формы», ее «приспособление» к нуждам смысла образует основу творческого метода экспрессионизма и проявляется на всех уровнях языковой структуры, в том числе обуславливает особенности метрической, рифмовой и композиционной организации экспрессионистских текстов.

Метрическая структура

Метрическая организация играет в лирике особую роль, поскольку именно она «призвана отделять поэзию от «не-поэзии» и служить сигналом особого эстетического переживания текстовой информации» [3, с. 54]. Выбор той или иной метрической формы, с одной стороны, определяется общим художественным заданием, которому подчинена вся структура поэтического текста, с другой стороны, во многом определяет языковую структуру в целом, обуславливает наличие /отсутствие на разных её уровнях тех или иных элементов: редукции форм, переносов, повторов, параллелизмов и т. д.

Общим художественным заданием, целью экспрессионизма, наиболее полно и ярко отразившего социальные потрясения и противоречия своего времени, становится стремление показать катастрофическое состояние европейского общества в начале XX века, докричаться до обывательского сознания, попытаться пробудить в человеке человеческое. На первый план выходит логически вещественное содержание. Экспрессионистов не заботит благозвучие их произведений; более того, они намеренно стремятся к диссонансу. Выбор каждого слова осуществляется не по его музыкальному тону, а по его смысловому весу. В соединении слов также превалирует смысловой принцип. Лирика экспрессионизма говорит не «языком музыки», а «языком понятий»; безусловно, это лирика не «напевная», это лирика «разговорная» [термины: 2, с. 58]. Основными формами метрической структуры экспрессионистской лирики становятся ямб, «самый разговорный из всех метров» [2, с. 71] и свободные ритмы.

Ямб определяет творчество ряда поэтов-экспрессионистов раннего периода: прежде всего Гейма – 3/4 всех стихотворений написаны 5-стопным ямбом [5, с. 298], – а также Ван Годдиса, Лихтенштайна, Бласса, в определенной степени Тракля, Штадлера, Газенклевера и пр.

В лирике экспрессионизма ямб выполняет две функции. Прежде всего, определенная языковая монотонность, создаваемая ямбом, служит прекрасным фоном для расстановки тех смысловых акцентов, которые так важны в экспрессионистской поэзии, подобно тому, как монотонная мелодия в песне невольно переключает внимание с музыки на текст.

«Ощутительную монотонию» немецких ямбов русские филологи отмечали еще в прошлом веке: «Наши ямбические стихи пользуются все еще большею разнообразностью против немецких, в коих беспрестанно чистые ямбы повторяются» [Востоков: цит. по {1}, с. 71]. И хотя экспрессионистские ямбы в сравнении с классическими допускают определенные отступления от метрической схемы – прежде всего пропуск либо перестановку ударений в анакрузе, а также колебания мужских и женских окончаний в клаузуле – в целом существенных расхождений между метром и ритмом не наблюдается:

*Um ihre Füße kreist das Ritonell
Des Städtemeers mit trauriger Musik,
Ein grosses Sterbelied. Bald dumpf, bald grell
Wechselt der Ton, der in das Dunkel stieg.*
^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ //
(Heym, «Die Dämonen der Städte»)

*Am Abend liegt die Stätte öd und braun,
Die Luft von gräulichem Gestank durchzogen.
Das Donnern eines Zugs vom Brückenbogen –
Und Spatzen flattern über Busch und Zaun.*
^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ //
(Trakl, «Vorstadt im Föhn»)

Более того, можно нередко наблюдать случаи редукции слогов или выбора более короткого /длинного варианта словоформы в метрических целях:

*Da mitternachts ein feiner Regen fiel/Aus dunstgen Wolken, kam der
Mond herauf/ Als wenn ein Geisterschiff begänn den Lauf./ So gross und glüh-
hend war des Mondes Kiel.// Er hing am Horizont mit halber Fülle/ Wie eine
andre Welt, ein Meteor,/ Das in den Wald gestürzt die Bahn verlor/ Den Wald
zerdrückend mit der glühnden Hülle.// Er blähte auf, ein Luftschiff an den
Tau'n,/ Ein stieres Auge eines Ungeheuers,/ Wie eine grosse Blase eines
Feuers,/ Ein blutiger Schädel, der entzweigehaun// Des Kirchhofs Bäume
schwanken um die Gruft./ Ein Hund strich um sie her mit rotem Schein,/ Er
bellte leise auf, wie Katzen schrein./ Das schwarze Tier verschwand, stumm lag
die Luft.//*

(Heym, «Da mitternachts ein feiner Regen fiel...»)

Регулярные колебания женских и мужских окончаний в лирике Гейма Гроте объясняет следующим образом: «Давление картин порой так ве-

лико, что изначально избранный десятисложный метр часто дополняется еще одним слогом; мужские окончания сменяются женскими» [5, с. 305]:

Die Fischer kommen von dem ersten Fang.

Soldaten stehen vor den Fensterreihen

An der Kaserne schon zu zwein und dreien.

Sie sperren neckend eines Mädchens Gang.

^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ //

(Heym, «Abende im Vorfrühling II»)»

То же самое можно с уверенностью сказать и о лирике прочих поэтов:

An einem Fenster klebt ein fetter Mann.

Ein Jungling will ein weiches Weib besuchen.

Ein grauer Clown zieht sich die Stiefel an.

Ein Kinderwagen schreit und Hunde fluchen.

^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ //

(Lichtenstein, «Die Dämmerung»)»

Другая функция ямба в лирике экспрессионизма, отмечаемая многими немецкими филологами [5; 8; 9], – потребность экспрессионизма в определенном пафосе. Кольшмидт трактует эту особенность экспрессионизма следующим образом: «Мещанская лирическая сентиментальность сменяется грубым пафосом, который пробуждает предчувствие катастрофы. В этом пафосе ... зарождающаяся тревога и появление нового поэтического самосознания» [7, с. 16]:

Der Sturm ist da, die wilden Meere hupfen

An Land, um dicke Dämme zu zerdrücken.

Die meisten Menschen haben einen Schnupfen.

Die Eisenbahnen fallen von den Brücken.

^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ //

(J.van Hoddis, «Weltende»)»

Erhabene Grösse der Demokratien!

Das Recht Europas zieht mit euch zu Meere.

Das Heil der Nachwelt tragt ihr auf dem Speere:

Der freien Völker grosse Harmonien.

^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ //

(Heym, «Marathon»)»

Еще большие возможности для утверждения смыслового начала ввиду отсутствия жестких условий метрической организации, необходимости соблюдения определенных метрических законов предоставляют свободные ритмы. Они присущи творчеству большинства поэтов-экспрессионистов, прежде всего, Бенна, Бехера, Штрамма, Голля, в несколько меньшей степени Тракля, Штадлера, Клемма, Больдта, Верфеля, Ласкер-Шулер, Газенклевера и других, частично Гейма.

Свободные ритмы идеально подходят экспрессионистской поэзии не только в силу предоставления относительной свободы словесного заполнения строк и строф (т. е. возможности выбора семантически значимых элементов независимо от их звуковой оболочки), но и в силу своей изначальной экспрессивности, диссонансности. А в совокупности с прочими нарушениями языковой структуры, в частности с разрушением синтаксического порядка, в случае несовпадения синтаксиса и метра, эта экспрессивность многократно усиливается:

*Bespei die Säulensucht: toderschlagene
greisige Hände bebten sie
verhangenen Himmeln zu. Stürze
die Tempel vor die Sehnsucht deines Knies,
in dem der Tanz begehrt!*

^ ^ ^^ ^ _ / ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ / ^ _ _ _ ^ ^ ^ /

(Benn, «Karyatide»)

*Unsrer Sehnsucht lange Karawane
Findet nie die Oase der Schatten und Nymphen!
Liebe versengt uns, Vögel des Schmerzes
Fressen immerzu unser Herz aus.*

^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ //

(Goll, «Karawane der Sehnsucht»)

Помимо ямбов и свободных ритмов в лирике экспрессионизма встречаются хорей и тонический стих (Тракл, Верфель, Цеш), однако они наблюдаются довольно редко:

*Und die Frauen steigen aus den Betten,
Wie sie fortweht – nackten schweren Schrittes...
Sitzen lange an dem Schlaf der Kinder,
Schauen langsam in die Zimmertrübe,
Tränen habend unbegriffnen Wehes.*

^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ //

(Werfel, «Hekuba»)

*Die Drossel lacht aus den Büschen her
Und toll und laut schlägt über mir
Zusammen das herbstliche Blattgewirr –
Früchte lösen sich leuchtend und schwer.*

^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ //

(Trakl, «Sonniger Nachmittag»)

Прочие разновидности стиха, в том числе трехсложные размеры, в лирике экспрессионизма не представлены.

Рифма

Как уже отмечалось, лирика экспрессионизма – лирика разговорного типа. Она не только не стремится к эвфонии, т. е. благозвучному, мело-

дичному звучанию, но зачастую устремляется в сторону противоположную – к разорванности, диссонансу. Вероятно, этим объясняется некоторое «пренебрежение» экспрессионистами рифмой.

1. В свободных ритмах рифма, как правило, отсутствует, что изначально допускается жанром:

Am Abend hört man den Schrei der Fledermäuse.

Zwei Rappen springen auf der Wiese.

Der rote Ahorn rauscht.

Dem Wanderer erscheint die kleine Schenke am Weg.

(Trakl, «Zu Abend mein Herz»)

2. Ямбические стихи большей частью рифмуются, однако рифма зачастую нерегулярна: например, в строфе рифмуются только две строки из четырех, в разных строфах представлены разные типы рифмовки, отдельные строки характеризуются отступлением от рифмы:

Der graue Himmel hängt mit Wolken tief,

Darin ein kurzer, gelber Schein so tot

Hinirrt und stirbt, am trüben Ufer hin

Lehnen die alten Häuser, schwarz und schief

(Heym, «Nacht»)

Es zieht ihr Pfad sich bald durch Lärchenwälder,

Bald krümmt er sich und dräuend steigt die schiefe

Felswand empor. Die Aussicht in der Tiefe

Beleben Kühe und Kartoffelfelder.

Und in den dunklen Raum – mir ins Gesicht –

Flirrt da hinein, entsetzlich! nach der Reihe!

Die Bogenlampe zischt zum Schluss nach Licht –

Wir schieben geil und gähnend uns ins Freie.

(J.van Hoddis, «Kinematograph»)

3. Многочисленны примеры приблизительных и даже неточных рифм:

Die Strasse wird zu einem breiten Strich.

Die Häuser werden weiss wie eine Wand.

Die Sonne wird ein Mond. Und unbekannt,

Gleichgültig, fremd, ein jedes Angesicht.

(Heym, «Eifersucht»)

Ein Schweigen in schwarzen Wipfeln wohnt.

Ein Feuerschein huscht aus den Hütten.

Bisweilen schnellt sehr fern ein Schlitten

Und langsam steigt der graue Mond

(Trakl, «Im Winter»)

4. Случаи внутренней рифмовки – единичны:

Bild an Bild, Ladenschild, Pferdetritt, Menschensschrift...

(Engelke, «Auf der Strassenbahn»)

Самый распространенный тип расположения рифмы в строфическом целом – опоясывающая рифма:

Auf einmal aber kommt ein grosses Sterben.

Die Wälder rauschen wie ein Feuermeer

Und geben alle ihre Blätter her,

Die in dem leeren Luftreich blind verderben.

(Heym, «Auf einmal aber kommt ein grosses Sterben»)

Чуть реже представлена перекрестная рифма:

Sehr helle Töne in den dünnen Lüften,

Sie singen dieses Tages fernes Trauern,

Der ganz erfüllt von ungeahnten Düften

Und träumen macht nach niegefüllten Schauern.

(Trakl, «Einklang»)

Наконец, смежная рифма (характерная для народной песни) встречается достаточно редко:

Form und Riegel mussten erst zerspringen,

Welt durch aufgeschlossene Röhren dringen:

Form ist Wollust, Friede himmlisches Genügen,

Doch mich reißt es, Ackerschollen umzupflügen.

(Stadler, «Form ist Wollust»)

Наблюдаются случаи, когда рифмуются все строки в строфе:

Ein Bündel Mond erreichte mein Gesicht

Um 3 Uhr nachts, ein Quantum Butterlicht,

Und mahnte [3 Uhr 2]: «Ein Spuk-Gedicht,

Nervös-geziert, ist Literatenpflicht!»

(Hardekopf, Spleen)

Грамматически однородные рифмы представлены несколько шире, чем грамматически разнородные:

Eine grosse Stadt versank in gelbem Rauch,

Warf sich lautlos in des Abgrunds Bauch.

Aber riesig über glühnden Trümmern steht,

Der in wilde Himmel

Однако и вторые встречаются достаточно часто:

Es ist ein Weinen in der Welt,

Als ob der liebe Gott gestorben wär,

Und der bleierne Schatten, der niederfällt,

Lastet grabesschwer.

(Lasker-Schüler, «Weltende»)

В целом же нахождение в конце строки той или иной словоформы

обусловливается скорее логически, нежели фонетически, и связано в большей степени с тема-рематическим членением высказывания, нежели с его мелодикой. Строки рифмуются по-разному, подчиняясь требованиям смысла: обхватно, перекрестно, смежно. «Это не только вносит разнообразие и динамизирует повествование, освобождая его от диктата внешней формы, но и позволяет подчинить эту форму движению смыслового содержания» [4, с. 195].

Очевидно, что рифма не относится к числу значимых поэтических приемов экспрессионистской лирики. Хотя на фоне общего «пренебрежения» рифмой в ряде произведений рифма становится конструктивным элементом построения. Речь идет, прежде всего, о лирике Тракля: в его произведениях мы встречаем случаи богатой рифмы, а также характерную для песенного стиля тавтологическую рифму, лежащую в основе «Sonja», и т. д.

*Mich ekelt dieses wüste Traumgesicht.
Doch will ein Machtgebot, dass ich verweile,
Ein Komödiant, der seine Rolle spricht,
Gezwungen, voll Verzweiflung – Langeweile!*

(Trakl, „Confiteor“)

*Abend kehrt in alten Garten;
Sonjas Leben, blaue Stille.
Wilder Vögel Wanderfahrten;
Kahler Baum in Herbst und Stille.*

(Trakl, «Sonja»)

Композиция

Для лирики экспрессионизма характерно отсутствие строгой метрической композиции. Безусловно, в большей степени это касается свободных ритмов, где деление текста на строфы носит нерегулярный характер, а зачастую просто отсутствует. Перечислим лишь некоторые произведения, «Der junge Hebbel», «Fleisch», «Kurkonzert», «Karyatide» (Benn), «Der Aufbruch» (Stadler), «Der Dichter meidet strahlende Akkorde», «An Berlin» (Becher), «Abendgang», «Untreu», «Sturmangriff» (Stramm), «Die Sonnenblumen», «Das Morgenlied», тенденции: «Auf seinem Totenbette ruht der Tag», «Im kalten Morgen ruht die Kirchhofsmauer» (Heym).

Нерегулярно и наполнение строк. Эту нерегулярность мы наблюдаем не только в свободных ритмах, для которых она является чертой жанра, но довольно часто и в ямбах, для которых существенные колебания общего количества слогов не характерны. Между тем в лирике экспрессионизма подобное встречаем довольно часто:

Der Schnellzug tastet sich und stösst die Dunkelheit entlang.

*Kein Stern will vor. Die ganze Welt ist nur ein enger nachumschienter
Minengang,*

*Darein zuweilen Förderstellen blauen Lichtes jähe Horizonte reissen:
Feuerkreis*

*Von Kugellampen, Dächern, Schloten, dampfend, strömend... nur sekun-
denweiss...*

^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ /
- - - - - ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ / ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ ^ //

(Stadler, «Fahrt über die Kölner Rheinbrücke bei Nacht»)

Der Leib noch stark von wenig Äther

und wirft sich zu:

nach uns die Sintflut und das Später

nur du, nur du...

^ ^ ^ ^ / ^ ^ / ^ ^ ^ ^ / ^ ^

(Benn, «Gurettage»)

Вообще, средняя длина строки в лирике экспрессионизма составляет 4-5 стоп (8-10 слогов). Однако здесь мы находим и короткие 1-/2-сложные строки (Штрамм), и сверхдлинные – 20 слогов и более (Штадлер):

Vergessen

Bröckeln nach die Hände!

Frei

Buhlt dein Kleidsaum

Schlenkrig

Drüber rüber!

(Stramm, «Untreu»)

*Winde schlugen an. Durch die verstörte Häusersenkung ging ich weit hi-
naus*

*Bis zu dem unbedeckten Wall und spürte: meinem Herzen schwoll ein
neuer Takt entgegen.*

(Stadler, «Vorfrühling»)

Стихотворение «Abendschluss» (Stadler) содержит «самый длинный стих в истории немецкой поэзии» [6, с. 18]:

*Und kurzer Schlaf, den schon die erste Frühe aus dem Goldland der
Träume hetzt –*

*All das ist jetzt ganz weit – von Abend zugedeckt – und doch schon da,
und wartend wie ein böses Tier, das sich zur Beute niedersetzt...*

(Stadler, «Abendschluss»)

Крайне редки случаи строфического совпадения типа анафорической композиции, внутренней анафоры, амебейной композиции, концовки, стыка, спирали, рефрена и т. д. В экспрессионизме подобное можно наблюдать в основном в поэзии Тракля:

*Es klagt ein Herz: Du findest sie nicht,/ Ihre Heimat ist wohl weit von
hier,/Und seltsam ist ihr Angesicht!/ Es weint die Nacht an einer Tür!// Im
Marmorsaal brennt Licht an Licht,/ O dumpf, o dumpf! Es stirbt wer hier!/ Es*

flüstert wo: O kommst du nicht?/ Es weint die Nacht an einer Tür!// Ein Schluchzen noch: O sah' er das Licht!// Da ward es dunkel dort und hier –/ Ein Schluchzen: Bruder, o betest du nicht?/ Es weint die Nacht an einer Tür!//

(Trakl, «Ballade»)

Über nächtlich dunkle Fluten/ Sing' ich meine traurigen Lieder,/ Lieder, die von Wunden bluten./ Doch kein Herz trägt sie mir wieder/ Durch das Dunkel her.// Nur die nächtlich dunklen Fluten/ Rauschen, schluchzen meine Lieder,/ Lieder, die von Wunden bluten,/ Tragen an mein Herz sie wieder/ Durch das Dunkel her.

(Trakl, «Nachtlied»)

Sonne purpurn untergeht,/ Schwalbe ist schon ferngezogen./ Unter abendlichen Bogen/ Junger Wein die Runde geht;/ Schnee fällt hinterm Berge.// Sommers letztes Grün verweht,/ Jäger kommt vom Wald gezogen./ Unter abendlichen Bogen/ Junger Wein die Runde geht;/ Schnee fällt hinterm Berge.// Fledermaus die Stirn umweht,/ Kommt ein Fremdling still gezogen./ Unter abendlichen Bogen/ Junger Wein die»Runde geht;/ Schnee fällt hinterm Berge.

(Trakl, «Beim jungen Wein»)

В подтверждение наших наблюдений, представленных в статье, приведем ряд цифр. Из 150 выбранных нами для анализа стихосложения экспрессионистской лирики стихотворений (из них: 30 – Гейма, 30 – Тракля, 30 – Бенна, 60 – прочих поэтов) 50 являются ямбами, 93 – свободными ритмами, 6 – хорееми, 1 – тоническим стихом. В 4-х произведениях рифма смежная, в 26 – перекрестная, в 32 – опоясывающая, в 2-х – рифмуются все строки в строфе, в 27 – рифма нерегулярная (смешанная), в 59 – рифма отсутствует. 88 стихов разбиты на регулярные строфы: 2 стихотворения – на двухстрочные строфы, 10 – на трехстрочные, 53 – на четырехстрочные, в 9 стихотворениях строфы содержат пять и более строк, 14 написаны в форме сонета, в 36 стихотворениях деление на строфы носит нерегулярный характер, наконец, в 26 произведениях деление текста на строфы отсутствует.

Таким образом, в лирике немецкого экспрессионизма отчетливо наблюдается отход от классических стихотворных канонов. Налицо тенденция приближения к прозе, выражающаяся через нерегулярный ритм, пренебрежение рифмой и законами строфического построения, несовпадение синтаксических и метрических границ.

Библиографический список

1. Жирмунский В. Н. Теория стиха. – Л.: Сов. писатель, 1975. – 664 с.
2. Жирмунский В. Н. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1977. – 407 с.
3. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. – Л.: Просвещение, 1972. – 271 с.

4. *Эткинд Е.* Материя стиха. – СПб.: Гуманитарный союз, 1998. – 506 с.
5. *Grote Chr.* Wortarten, Wortstellung und Satz im lyrischen Werk Geog Heyms: Dissertation. – München, 1962. – 361 s.
6. *Kayser W.* Kleine deutsche Versschule. – Bern, 1946. – 119 s.
7. *Kolschmidt W.* Der Frühexpressionismus im Werk Georg Heyms und Georg Trakls. // *Orbis Litt* 9, 1954. – S. 7-16
8. *Mautz K.* Mythologie und Gesellschaft im Expressionismus. Die Dichtung Georg Heyms. – Frankfurt-am-Main, Bonn, 1961. – 387 s.
9. *Uhlig H.* Vom Ästhetismus zum Expressionismus: Ernst Stadler, Georg Heym, Georg Trakl. // *Expressionismus, Gestalten einer literarischen Bewegung.* – Heidelberg, 1956. – S. 84-115.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

Е. Б. Кондратьева

КАУЗАТИВНЫЕ И ПАССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ В ТЕКСТАХ ЭПОХИ ТАН

Эпоха Тан (618-907 вв. н. э.) – это время расцвета китайской поэзии, литературы и культуры. Многим знакомы имена поэтов Ли Бо и Ду Фу, ставших её символами. В этот период формируются также некоторые новые прозаические жанры, в том числе танская новелла. Сюжетами новелл служили любовные истории о юношах и певичках, лисах-оборотнях, волшебных снах. Мы выбрали для рассмотрения новеллы как один из видов текстов, содержащих в себе наряду с вэньянем (см. ниже) элементы разговорного языка. Были взяты десять произведений различной тематики из сборника «Танжэнь сяошо» [10]. Вторым видом тестов являются дуньхуанские бяньвэни. Название обусловлено тем, что они были обнаружены в древнем китайском городе Дуньхуан в начале XX века. Большая часть ученых сходится во мнении, что жанр бяньвэнь обязан своим происхождением монахам, которые сочиняли рассказы по мотивам буддийских сутр. Некоторые произведения этого жанра содержат сюжеты на исторические и светские темы, в нашей работе будут даны примеры из трех бяньвэней различной тематики («Бяньвэнь об У Цзысюе», «Бяньвэнь о Шуньцзы» и «История о Лушаньском Юань-гуне» (последняя связана с буддизмом)) [9]. Последним, третьим типом, являются тексты жанра гу-вэнь, так называемая философская проза, а именно произведения Хань Юя и Лю Цзуньюаня. Были взяты для рассмотрения десять отдельных глав из их произведений [11].

Следует отметить, что язык каждого жанра в разной мере отстоит от разговорного языка того времени, ведь приблизительно с I в. н. э. происходит постепенное разделение языка на письменный и разговорный, и процесс этот еще не завершился в рассматриваемый период. Так, тексты жанра гу-вэнь практически полностью написаны на вэньяне, под которым мы подразумеваем, по определению С. Е. Яхонтова, официально признанный в средневековом Китае в качестве литературного язык, использовавший грамматику и лексику древнекитайского языка [8, с. 74]. Новеллы, как и бяньвэни, содержат в себе элементы как вэньяня, так и разговорного языка, однако язык бяньвэней в целом является более разговорным, чем язык новелл.

Говоря о грамматике, следует отметить, что в этот период в текстах встречаются конструкции и служебные слова, характерные для классиче-

ского древнекитайского языка (далее – ДЯ), под которым мы понимаем язык текстов IV-I вв. до н. э., и для более поздних исторических периодов. В том числе, некоторые элементы грамматики языка Сыма Цяня и его «Исторических записок» (около 145-87 гг. до н. э.), а также явления, характерные для китайского языка III-IV вв., описанного в том числе в работе И. С. Гуревич «Очерк грамматики китайского языка III-V вв.» [1]. Некоторые же элементы можно считать новыми, характерными именно для данного периода, и они будут рассмотрены отдельно.

Вышеизложенное касается, в частности, каузативных и пассивных конструкций и их грамматических показателей.

Каузативная конструкция.

Философская проза. В классическом ДЯ каузативную конструкцию наряду со служебными глаголами ши и лин образовывали знаменательные глаголы. Служебные каузативные глаголы передавали каузативное значение вообще, не дифференцируя оттенки каузативного значения («велеть», «заставить», «позволить», «сделать так, чтобы» и т. д.), значение же знаменательного каузативного глагола более конкретно.

Конструкции со служебными каузативными глаголами. В наших текстах в большинстве случаев используется глагол ши: Гу суй цзянь це и. Ши жэнь бу дэ эр чжи янь. (Чжэн чэнь лунь) «Поэтому, хотя /Янь-цзы/ и увещевает и спорит, но делает так, чтобы люди не знали об этом».

Конструкции со знаменательными каузативными глаголами: Би цзо Тяньцзы сян Тянься чжэ. (Цзыжэнь чуань) «Те, которые помогают Сыну Неба управлять Поднебесной, ...» Здесь употребляется знаменательный глагол цзо «помогать» в каузативном значении. Го цзы сяншэн чжао чжу шэн ли гуань ся. (Цзинь сюэ цзе) «Господин профессор позвал всех учеников встать под школьным навесом». Знаменательный глагол чжао «звать».

В новеллах встретились ДЯ служебные каузативные глаголы ши и лин: Хэ гу бу ши чжи? (Лю И) «Почему нельзя дать /ему/ знать?» Цы цы яо лин цзы цзинь. (У-шуан чжуань) «Преподнесли это лекарство /У Шуан/, чтобы /она/ покончила с собой».

В то же время употребляются конструкции со знаменательными глаголами ши «посылать», лин «вести к-л делать ч-л»: Моу ши жэнь чжуань цю, дэ и вань. (У-шуан чжуань) «Я послал человека специально искать /это лекарство/, и добыл одну пилюлю». Яо Линянь лин бин жу тань Юань дянь. (У-шуан чжуань) «Яо Линянь ввел свои войска во дворец Хань-юань». Здесь глагол лин «вести за собой» имеет каузативное значение «вел за собой войска, чтобы войти во дворец».

В некоторых случаях встречается новый служебный каузативный глагол цянь «послать (велеть) кому-либо что-либо делать», имевший в ДЯ лишь знаменательное значение «посылать»:

Сянькэ цянь лао юй, и цю цинь чжи ши вэнь юй цюю му. (У-шуан чжуань) /Через десять дней/ Сянь-кэ послал одну старуху поговорить с теткой о его брачных намерениях.

Бяньвэни. В работе И. Т. Зограф «Бяньвэнь о воздаянии за милости» [2] отмечено, что для прозаического текста бяньвэней характерны такие показатели каузатива, как лин, цзяо, ши. Встретились также двуслоги линцзяо, цзяолин, шилин, шицзяо. Для наших текстов в качестве показателей каузатива более характерны односложные. Из глаголов ДЯ чаще встречаются лин (встретился около 20 раз) и ши (встречается в два раза реже). Глагол лин, за исключением одного примера, употребляется только в «Бяньвэни о Юань-гуне»: Цюэ цзи цзао лай, у лин во гуай. «И не задерживайся (букв. «вернись пораньше»), не заставляй меня сердиться». Лин часто употребляется и в знаменательном значении «приказать»: Суй лин цюю цзяо цюй фужэнь. (Лу-шань Юань-гун хуа) «Вслед за этим /министр/ приказал слугам вывести супругу». Глагол ши характерен в основном для «Бяньвэни об У Цзысюе»: Ши це сянь цюй ду хо. «/Вы/ заставили меня, Вашу наложницу, жить в тоске и одиночестве».

Из новых явлений можно отметить следующие. Для поэтической части текста И. Т. Зограф отмечает употребление глагола цянь (знаменательный глагол цянь «посылать» начинает употребляться в служебном каузативном значении в описываемый период) [2, с.152-153]. Цянь (употребляется всего около 20 раз), причем встречается одинаково часто во всех трех текстах, что не совсем совпадает с наблюдениями Зограф И. Т., которая пишет, что для прозаической части «Бяньвэни о воздаянии за милости» не характерно употребление этого глагола [2, с. 150-151]. Цянь Шуньцзы гоу дан цзя ши. (Шунь-цзы бянь) «/Гу-соу/ поручил Шуню заниматься домашними делами». Чэнь цянь сяо бин э хоу, мэн цян чун цянь. (У Цзы-суй бяньвэнь) «Я, Ваш подданный, послал отважных воинов преградить /им/ путь назад, /отправил/ смелых генералов напасть на них спереди».

Глагол цзяо встречается в целом в два раза реже, чем цянь, но при этом употребляется одинаково часто во всех трех бяньвэнях. Он становится обычным в роли каузативного глагола в рассматриваемый период [2, с. 151].

Ае цзяо эр цюй чжан, да ша цянь цзя гэцзы. (Шунь-цзы бянь) Старик приказал сыну взять палку и убить старшего брата.

Цзяо Шуньцзы сю цан. (У Цзы-суй бяньвэнь) Велите Шуню починить амбар.

Сян-гун юэ цзяо ин жу лай. (Лу-шань Юань-гун хуа) Министр сказал: «Велите ввести /его/».

Изредка встречаются двусложные глаголы линцянь и линцзяо: Ван цы Цзысуй чжу юй чжи цянь, лин цянь цзы сы. (У Цзы-суй бяньвэнь)

«Ван послал Цзысюю драгоценный меч и велел покончить с собой». Вэй цянъ чи лин цзяо на цзюань и пи, тин чжун чжуань до. (Лу-шань Юань-гун хуа) «Только раньше было приказано подносить один рулон шелка, и слушателей было множество ...»

Пассивные конструкции.

Философская проза. При рассмотрении данной конструкции мы исходим из определения В. С. Храковского: «Пассивными являются любые конструкции, в которых конкретный лексически обозначенный субъект не занимает позиции подлежащего» [6, с. 25]. В качестве сказуемого обычно выступает глагол активного воздействия на объект. Подлежащее – название объекта действия. В наших текстах встречаются в основном двухэлементные конструкции, в которых субъект действия не назван. Поэтому мы будем считать пассивными конструкции, где перед сказуемым стоит прилагательное нань «трудный» и «легкий» или модальный глагол кэ «мочь». Цзян фу гуй нань шоу. Бо гун эр хоу цань чжи чжэ е. (Куачжэ Ван Чэнфу чжуань) «/Это/ не потому ли, что богатство и знатность трудно сохранить, /когда/ заслуги малы, а пируют много?» Здесь перед сказуемым стоит прилагательное нань, которое можно считать показателем пассива.

Также как и в текстах, написанных на классическом ДЯ, часто встречаются примеры, где перед сказуемым нет никаких показателей: Хо эр бу цун ши, ци вэй хо е, чжун бу цзе и. (Ши шо) «/Если кто-то/ сомневается и не следует учителям, его сомнения до конца не смогут разрешиться».

Пассивная конструкция с предлогом юй, где сказуемое выражено глаголом активного воздействия на объект. Перед глаголом может иногда стоять служебное слово цзянь – показатель пассива, юй вводит существительное – название субъекта действия или указывает на место. Типична для классического ДЯ. Бу цзюй юй ши. (Ши шо) «/Он/ не связан временем (т. е. духом современных учений)». Го У-цзы чжи со и цзянь ша юй Ци е. (Чжэн чэнь лунь) «/Это/ то, почему Го У-цзы был убит князем Ци (а м. б. «в Ци»)».

Новеллы. Глагол цзянь, характерный для классического ДЯ как маркер пассивной конструкции, иногда употребляется в этом значении: Бу син цзянь жу юй фэй жэнь. (Лю И) «К несчастью, /она/ терпела обиды от негодяя (мужа)». Встречаются также предложения с глаголом цзянь, которые выглядят как активные, но при глаголе нет дополнения – местоимения 1-го лица. Можно сказать, что в предложении с цзянь в этом случае дополнение-местоимение опускается, как, например, оно может опускаться после предлога и в конструкции с отрицанием. Куй гун чжи цзянь ай шэнь и. (Жэнь-ши чжуань) «/Мне/ стыдно, что /Вы/, господин, меня любите слишком сильно». При этом употребление цзянь придает речи вежливый оттенок [7, с.6]. Однако вряд ли можно согласиться с утверждением, что

глагол выполняет функцию местоимения, как полагают некоторые исследователи [3, т. 2, ч. 1, с. 58]; [7, с.63].

Модальные прилагательные кэ, и, нань, цзу «достаточный» могут быть маркерами пассивной конструкции. Во многих случаях, как и в классическом ДЯ, пассивные обороты вообще не имеют никаких показателей. В предложении два элемента – подлежащее и сказуемое, субъект не указан. Объект – подлежащее: Цы бу вэй ши, эр хэ вэй ши? (Чжэнь чжун цзи) «Если это не называется подходящим, то что называется?»

Из конструкций, не характерных для классического ДЯ, можно отметить следующие.

Чаще всего для выражения пассивного значения в новеллах используется конструкция вэй ... со, обычная для языка Сыма Цяня [4, с. 47]: Ли юй вэй цюань со хо. (Жэнь-ши чжуань) «Через ли с чем-то /Жэнь/ была поймана собаками». В отдельных случаях в новеллах встречаются знаменательные пассивные глаголы мэн и бэй, характерные для языка бяньвэней: Эр цзедуши Ван Цзюнь синь бэй ша, хэ Хуан чжэньдун. (Чжэнь чжун цзи) «То, что только что убили заместника Ван Цзюньхуана, потрясло /весь народ между реками/ /Хуан/хэ и Хуан/шуй/». Го мэн чжу цзян, тэ чжи хун сы. (Чжэнь чжун цзи) «/Я/ был удостоен особых наград, высоких должностей и /имел/ богатство».

Бяньвэни. В бяньвэнях встречаются страдательные конструкции с ДЯ показателем пассива цзянь: У Шэ най ю эр цзы, цзянь ши юй цзюнь. (У Цзы-суй бяньвэнь) «У У Шэ было два сына, /они/ были приняты на службу государями». Прилагательные кэ, нань, и, цзу могут быть маркерами пассивной конструкции: Фо фа нань сы, фэй цзюнь со хуэй. (Лушань Юань-гун хуа) «Буддийские законы трудно понять, это не есть то, что Вы можете понять».

Чаще всего, как и в классическом ДЯ, пассивные обороты вообще не имеют никаких показателей. Фу цзы эр жэнь тун ши чжу лу. (У Цзы-суй бяньвэнь) «Отец и сын оба были казнены и опозорены одновременно». Чэн мэнь бу би. (У Цзы-суй бяньвэнь) «Ворота города не были закрыты». Следует отметить, что при «глаголах давания» в данной конструкции подлежащим может стать существительное – название адресата: Ши, до цы цзюань бо, гуан ли гун сюнь. (У Цзы-суй бяньвэнь) «Воинам было пожаловано много шелка, щедро («широко») наградили их за заслуги».

Новые явления, не характерные для ДЯ. Вэй как показатель пассива перед глаголом (он как показатель субъекта действия в пассивной конструкции был характерен для текстов Сыма Цяня) [4, с. 47], но употребляется в бяньвэнях без со: Ю син у син, ю сян у сян, цзе вэй непань эр син ме ду. (Лушань Юань-гун хуа) «Те, что имеют форму и не имеют формы; те,

что имеют облик и не имеют его, все будут поглощены Нирваной». Юйши Юань-гун вэй по и цин. (Лу-шань Юань-гун хуа) «Тогда у Юань-гуна исчезли последние сомнения (букв. «было разбито чувство сомнения»)».

Встречается ряд знаменательных глаголов, имеющих пассивное значение «терпеть», «страдать от», «подвергаться», «встретиться с». Конструкции с этими глаголами (цао, мэн, бэй) были подробно рассмотрены в работе Зограф И. Т. [2]. Отметим, что чаще всего в наших текстах встречается глагол бэй, на втором месте по частотности – мэн, указывающий, что действие оценивается как желательное, реже всего – цзао, как и бэй, указывающий на то, что действие оценивается как имеющее нежелательное. Во си цзао Чу нань. (У Цзы-суй бяньвэнь) «Я когда-то испытывал трудности от Чу (может быть «в Чу»)». У сян фу сун, ван бэй Пин-ван чжу лу. (У Цзы-суй бяньвэнь) «Отец и старший брат министра У были несправедливо с позором казнены Пин-ваном». Гэн мэн нюйцзы цюань цзянь, цзинь цзу ши чжи. (У Цзы-суй бяньвэнь) «/Цзысуй/, поддавшись уговорам девушки, всю съел её (пищу)». Название субъекта может быть опущено, и тогда сказуемое оказывается непосредственно после рассматриваемого пассивного глагола: Чжун чэнь цзянь янь, суй бэй чжу лу. (У Цзы-суй бяньвэнь) «Преданный подданный увещевал и затем был казнен и опозорен». Фужэнь мэн цюй. (Лу-шань Юань-гун хуа) «Супруга была выведена /слугами/». В бяньвэнях часто опускается подлежащее, как и в классическом ДЯ. При этом характерно отсутствие названия объекта, ставшего подлежащим, и при употреблении пассивного оборота. Юаньгун дан цзи бу ю и, бэй цзоу дао... (Лу-шань Юань-гун хуа) «Юань-гун не ответил сразу, а /за него/ /командующему Бо Чжуану/ ответили приближенные (букв. «было отвечено приближенными»)».

Иногда глагол в страдательной конструкции имеет после себя ещё одно дополнение. Это происходит 1) в случае, если сказуемое страдательного глагола выражено одним из «глаголов давания», которые управляют двумя дополнениями: Чэнь мэн ван цзе бин фа Чу. (У Цзы-суй бяньвэнь) «Я, Ваш подданный, удостоился того, что Вы, Ван, дали /мне/ войска, чтобы напасть на Чу»; 2) дополнение обозначает предмет, являющийся неотчуждаемой принадлежностью (например, частью тела) лица, обозначенного подлежащим [5, с. 223-224]. Наличие такого дополнения не нарушает структуры страдательной конструкции: Жэнь жу сяньжэнь, бэй Гэли-ван гэ цзе шэньти. (Лу-шань Юань-гун хуа) «Опозоренный предок подвергся тому, что /его/ тело было разрезано Гэли-ваном». Здесь пассивный глагол управляет целым предложением. Встретились и другие примеры, в которых сказуемое предложения, которым управляет пассивный глагол, имеет после себя дополнение, оно может совпадать или не совпадать с подлежащим всего предложения. Если совпадает, то в большинстве слу-

чаев это – местоимение, указывающее на объект. Это с оговоркой можно рассматривать как некую особую «полную форму» пассивного предложения, так как местоимение-дополнение сближается по значению с существительным – предметом, обозначающим «неотчуждаемую принадлежность» лица, обозначенного подлежащим. Приведем примеры. В 3-х случаях – возвратное местоимение шэнь, в одном – местоимение 3-го лица сян, в одном – чжи.

Гун ду Жанхэ, бэй хань шуй шан шэнь, сань бань ман сяо, вэй юй ду хо. (У Цзы-суй бяньвэнь) /Мы/ вместе переправлялись через реку Жанхэ и случилось так, что холодная вода навредила нам. Третью или половина из нас погибла, и только я один выжил.

Чжаован ци чэн эр цзоу, суй бэй У сян циньшэнь. (У Цзы-суй бяньвэнь) Чжао-ван покинул город и бежал, вслед за этим сам был схвачен министром У.

Чжун лу бянь цзао шэнь яо. (Лу-шань Юань-гун хуа) Посреди пути /он/ погибает («встречается с гибелью») в расцвете сил.

Суй бэй фужэнь сян ши. (У Цзы-суй бяньвэнь) /Случилось так, что/ /Цзысуй/ был узан своей женой.

Жу му тай чжун чжи цзы, бэй фу юнь чжи чжан жи. (Лу-шань Юань-гун хуа) Если /представить себе/ ребенка, находящегося в утробе матери, /то как будто бы/ облако загородило ему солнце ...

В одном случае в предложении, которым управляет пассивный глагол, повторяется имя собственное – подлежащее всего предложения: Ши ши Юаньгун ю вэй лэ, суй бэй хуй ся чжу чжун цзи сянгун, цзай цин Юаньгун чун шэн гао цзо. (Лу-шань Юань-гун хуа) «В это время Юаньгун не успел закончить /речь/, как случилось так, что все присутствующие на собрании вместе с министром снова пригласили Юань-гуна подняться на почетное место».

Следует отметить, что конструкция со знаменательным страдательным глаголом бэй была характерна именно для среднекитайского языка.

Библиографический список

1. Гуревич И. С. Очерк грамматики китайского языка III-V вв. (по переводам на китайский язык произведений буддийской литературы) – М., 1974.
2. Зограф И. Т. Бяньвэнь о воздаянии за милости (рукопись из дуньхуанского фонда Института востоковедения). – Ч. 2. – М., 1972 .
3. Люй Шусян. Очерк грамматики китайского языка. – М., 1961.
4. Никитина Т. Н. Некоторые особенности языка Сыма Цяня (синтаксические конструкции) // Востоковедение. - 1985. – № 11.
5. Райская Г. Н. Страдательная конструкция в китайском языке // Вопросы корейского и китайского языкознания. – Л.: ЛГУ, 1958. - С. 223-224.

6. Храковский В. С. Пассивные конструкции // Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогов. – Л., 1974.
7. Яхонтов С. Е. Древнекитайский язык. – М., 1965.
8. Яхонтов С. Е. Письменный и разговорный китайский язык в VII-XIII вв. н. э. // Жанры и стили литератур Китая и Кореи. – М., 1979.

Список источников

9. Дуньхуан бяньвэнь цзи . – Пекин, 1957.
10. Танжэнь сяошо. – Шанхай, 1956.
11. Тан Сун ба да цзя цзицюань. – Пекин, 1997.

ПЕРЕВОД И ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

*О. В. Зинкевич
А. Д. Кривоносов*

ЛОКАЛИЗАЦИЯ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ФЕНОМЕН

Термин «локализация» существует уже более тридцати лет, однако только последнее десятилетие стала активно развиваться исследовательская база данного феномена, причем не только в парадигме лингвистических учений. Несмотря на появление огромного количества компаний, заявляющих о технологиях локализации в своей маркетинговой деятельности, многочисленных конференций, исследований, до сих пор нет единого мнения, насколько можно ли выделять локализацию в отдельное направление / дисциплину / технологии или считать его кросс-дисциплинарным, «базирующимся» на стыке маркетинга, лингвистики, собственно брендинговых технологий.

Сегодня активно развивается GILT-индустрия (GILT — globalization / internationalization / localization / translation industry), по всему миру уже оперирует более 5000 компаний в этом направлении. Однако до сих пор большинство компаний, предоставляющих подобные услуги, смешивают понятия локализации и перевода, а стандарты разработки специализированного программного обеспечения для специалистов данной области только начинают появляться.

Итак, лексема *локализация* происходит, как известно, от латинского locus, место или localis, то есть относящийся к месту, местный. В самом широком смысле локализацию обычно понимают как процесс адаптации, приспособления текста на всех уровнях языка.

Для всестороннего и полного определения данного феномена необходимо обратиться к понятийному аппарату маркетинга, переводоведения. Если рассматривать термин с точки зрения маркетинга, мы можем говорить о ряде процессов адаптации продукта и маркетинговых действий компании, которая оперирует на глобальном рынке под определенный локальный регион [4].

С точки зрения лингвистики локализация трактуется как многослойный, многоплановый процесс лингвистической адаптации текста к культурной парадигматике конкретной страны. Как замечает Birthe Moustén, большинство определений термина «локализация» содержат в себе большой минус: непонятно, как отделить локализацию от переводоведения, точно такие же определения будут одинаково релевантны для теорий и практик перевода [1].

Соединяя два «начала» - маркетинг и переводоведение, мы можем рассматривать локализацию как адаптацию лингвистического кода локальной компании (художественных, медийных а также PR- и рекламных текстов, выражения концепции бренда в языковом «полотне» и т.д.) для актуальной экстралингвистической ситуации.

Следует отметить, что важность лингвистического аспекта локализации осознают не только лингвисты, но и представители бизнеса: например, компания «Майкрософт» определяет локализацию именно с точки зрения лингвистики, нежели маркетинговой или географических особенностей: «Мы определяем рынок лингвистически, а не географически. Создавая продукт, например, для испанского рынка, мы учитываем все диалекты испанского языка и их различия» [2, с. 48].

Приведем еще несколько трактований термина «локализация». «Локализация - процесс адаптации продукта под конкретный международный язык или культуру, задача которого – сделать продукт естественным для этого региона. Процесс включает перевод, но идет намного дальше него. Грамотная локализация учитывает язык, культуру, привычки, технические аспекты целевой локали» [5].

«Если глобализация представляет рост через доступ к международным рынкам, локализация акцентирует внимание на конкретный региональный рынок, его специфику и создание релевантного этой специфике продукта. Конечная цель локализации - выстроить эффективную коммуникацию с потребителем на локальном рынке» [9, с. 3].

Локализация – «процесс адаптации текста под определенный рынок. Это может быть понято следующим образом: текст необходимо перевести для целевой группы, обращаться к которой нужно с использованием особой терминологии» [8].

Anthony Pym предлагает такие определения: «Локализация - менеджмент мультилингвальности внутри цифрового глобального движения информации»; «локализация - адаптация и перевод текста для конкретной рецептивной ситуации» [7].

Как уже указывалось, сами процессы и практические инструменты локализации начали активно разрабатываться и использоваться только последние 10 лет. Начиная с 2000-х годов, появляется несколько организаций, которые ставят своей целью определение рамок индустрии «локализации», введение стандартизации, разработку технических инструментов. Примером может служить ассоциация «LISA» (Localization Industry Standards Association), которая активизировала разработку некоторых основополагающих принципов локализации и создание стандарта ISO 30042:2008 (менеджмент текстового содержания в рамках перевода и авторинга). Ассоциация была закрыта в 2011 г., после чего Европейский Институт Телекоммуникационных Стандартов основал группу «Industry Spe-

cification Group For localization Standards», которая продолжает активное исследование этой области.

Если подходить к феномену локализации с технической точки зрения, то здесь не следует также смешивать (что очень распространено) локализацию применительно только к индустрии разработки программного обеспечения (напомним, одна из популярных рабочих позиций во многих IT компаниях – «локализатор программного обеспечения»). Локализация выходит далеко за рамки лишь технических преобразований и замены слов в графическом интерфейсе на аналогичные слова другого языка. Как пишет Anthony Rum, «локализация давно вышла за рамки IT индустрии, получив академическое признание как отдельное поле научного и практического интереса» [7].

Почему же произошло такое смешение? Это можно легко объяснить тем, что изначально именно в индустрии программных, игровых и веб-разработок осознали важность *глокализационного* подхода (то есть, такого подхода, который учитывает экстралингвистические особенности региона, где будет оперировать тот или иной продукт или услуга) и стали первыми адаптировать свои продукты под локальные рынки. В настоящий момент данная практика перешла и на другие рынки, имеются прецеденты локализации художественной литературы: например, книга Дж. Роулинг «Гарри Поттер: Философский камень» получила в локализованных версиях другие названия, а многие британские слова и выражения перед выходом книги на рынок США заменены американскими аналогами.

Как мы уже отмечали, большинство компаний индустрии «GILT» понимают локализацию очень узко, сугубо применительно к техническим аспектам, разработке видеоигр, программного обеспечения - в основном рассматривая локализацию лишь как перевод или техническую коррекцию продукта под уже готовый перевод (например, коррекцию графических элементов, несущих языковые единицы, подвергшиеся переводу, - элементы кнопок, меню и т. д.). Это достаточно ограниченное понимание термина. Подобное понимание локализации заставляет многих исследователей рассматривать феномен в рамках классического переводоведения, что не совсем верно, и на что указывают многие лингвисты: локализация требует от специалиста достаточно широких знаний в смежных областях - маркетинге, дизайне, культурных традиций локали.

По мнению Birthe Moustén [1], идея движения текста является ключевой в локализации: здесь тексты рассматриваются не как застывшие константы, а как динамические объекты, которые постоянно меняются, адаптируются, и особенно в рамках интернет-дискурса. Не зря во многих компаниях уже существует отдельная должность локализатора, который постоянно проводит коррекцию текстов, например, на веб-сайте компании для определенного региона. И процесс этот динамический, то есть он происходит одновременно с изменением экстралингвистической ситуации.

Birthe Moustén, рассматривая идею мультилингвальности и теорию глобального текста, подчеркивает важность «путешествия» текста внутри процесса локализации и выделяет это как основополагающий фактор дисциплины, когда с учетом маркетинговых, технических и лингвистических условий происходит адаптация текста под определенную «локаль» путем удаления частей текста, перевода частей текста, замены частей текста, корректировки и создания новых частей. При этом последнее хочется отметить как одно из ключевых отличий локализации от перевода.

Локализацию в этом плане можно рассмотреть в рамках теории «скопоса», и к ней скорее применимы аспекты не эквивалентности оригинального текста и конечного, а аспект цели, мотива оригинального текста. При локализации - в отличие от перевода - локализованный текст может значительно отличаться от исходного, но если он реализует ту же цель и выполняет заложенные в текст мотивы, его можно считать удачно локализованным. Таким образом, задача локализации - не создать полноценный эквивалент исходному тексту, а создать такой аналог текста, который будет идентичным образом влиять на реципиента и вызывать схожие действия, ассоциации, эмоции и т. д.

Как отмечает Ovidi Carbonell i Cortés [6, с. 145], в рамках локализации следует рассматривать не просто текст как застывшую единицу, а учитывать, прежде всего, его миграцию, когда реципиент (по-другому) «relocate» (перемещает) переведенный эквивалентный текст, пропускает его через свои фильтры и через совершенно другое восприятие, таким образом, добавляя, модифицируя изначально заложенные в оригинальный текст смыслы. В этом случае, как отмечает автор, мы должны рассматривать работу с таким текстом в рамках ре-контекстуализации, что и является ключевой основой локализации, с нашей точки зрения, то есть, перемещение исходного текста в другой контекст. И здесь мы можем видеть исключительно динамическую структуру: локализованный текст вступает в диалог не только с реципиентом, но и с текстом оригинала, выходя за рамки простой эквивалентности.

Ovidi Carbonell i Cortés [6, с. 145] пишет, что при обработке социокультурных пластов, которые содержатся в тексте, можно предположить, что «культурный перевод» осуществляет метонимический переход / сдвиг, в котором ключевые текстовые элементы становятся символами, репрезентирующими внешнюю культуру. В данном случае «культурный перевод», учитывающий социокультурные пласты и вынуждающий специалиста делать намного большую ре-контекстуализацию исходного текста и есть процесс локализации. И для локализации будет интересен не столько сам текст оригинала, сколько схема, структура, модель прагматических и семиотических процессов, которые лежат в его основе и которые и будут адаптироваться для целевой социокультурной среды.

Чтобы текст воспринимался необходимым образом, он должен содержать в себе отсылку к личности реципиента. И если ее нет, текст не вызовет тех интенций, которые в него были заложены, то есть текст как объект локализации содержит в себе также элементы изоморфной метафоры (в которой человек ассоциирует себя с героем, обстановкой и т.д.). Поэтому одно из ключевых компетенций локализатора - умение не просто адекватно перевести текст (подчас даже простой перевод будет выступать минусом для заложенных изначальных интенций, которые могут не работать с новым контексте), а умение оперировать прежде всего структурой такой метафоры, в которой отражаются ключевые ценности как бренда, так и ценности, апеллирующие к идентичности воспринимающего текст человека.

Итак, локализатор, по сути, не переводит, а передает, ретранслирует прагматическое содержание исходного текста, создавая схожий текст по структуре, но, возможно, и значительно отличающийся своим лексическим составом в том случае, если это обусловлено экстра-лингвистическим контекстом и отвечает задачам исходного текстового полотна.

Теперь предложим следующее определение изучаемого феномена. *Локализация* – процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста, задача которого адекватно передать заложенные в структуру текста прагматические интенции применительно к экстралингвистической коммуникативной ситуации, которая определяется конкретными социокультурными, маркетинговыми, политическими, и другими условиями существования компаний или товаров.

Библиографический список

1. Mousten, B. Globalisation and localisation influences on web site text distribution — a case study of text travel between two VELUX web sites. Københavns Universitet, September 2008.
2. Brooks, D. What Price Globalization? Managing Costs at Microsoft. In: Translating Into Success. Cutting-edge strategies for going multilingual in a global age. American Translators Association Scholarly Monograph Series XI. Amsterdam – Philadelphia, 2000, 43-57.
3. Cohen, S. Localizing sound in Popular Music, in: Style and Identity. Montreal, 1995.
4. Esselink. A Practical Guide to Localization, 2000, 1-15.
5. Ovidi Carbonelli I Cortes. Semiotic alteration in translation. Othering, stereotyping and hybridization in contemporary translations from Arabic into Spanish and Catalan. In: Linguistica Antverpiensia, №2, 2003. 145-159.
6. Pym A. Localization from the Perspective of Translation Studies: Overlaps in the Digital Divide? Intercultural Studies Group, Universitat Rovirai Virgili, Tarragona.
7. Smartling. Brand and Localisation: driving global brand engagement. New York, 2010.

*Ю. А. Исаева
А. С. Персинина*

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ИНВЕРСИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ КОРПУСА АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТОВ
И ИХ ПЕРЕВОДОВ НА РУССКИЙ ЯЗЫК)**

Предложение является одной из наиболее сложных языковых единиц, как по грамматическому, так и по семантическому составу. При этом синтаксические структуры свидетельствуют не только о поверхностной линейной организации предложения и наличии связи между его членами, они также раскрывают семантические отношения между словами в предложениях и между предложениями в тексте. Порядок слов определяется, в том числе, коммуникативным и прагматическим фактором и, следовательно, выступает в роли средства выражения оттенков смысла, передавая стилистическую окраску и коммуникативную цель высказывания. В связи с многофункциональностью порядка слов аспекты эмотивного синтаксиса представляют собой особый интерес для изучения [2, 9, 12].

Одним из них является инверсия, нарушение обычного порядка следования составляющих предложение слов и словосочетаний, которая может выступать в качестве сильного синтаксического стилистического средства. Согласно теории универсалий, инверсия возможна во всех языках, однако возможности перестановок всегда ограничены и обусловлены строем конкретного языка и характером проявления функций порядка слов.

Так, в английском языке в связи с отсутствием развитой системы флексий и большой грамматической нагрузкой порядка слов, использование порядка слов для неграмматических целей сильно ограничено. В русском языке, напротив, порядок слов синтаксически свободен и определяется актуальным членением. В русском предложении в зависимости от коммуникативной установки, члены предложения могут встречаться практически в любой последовательности. Различие в особенностях синтаксиса английского и русского языка свидетельствует о различной стилистической значимости инверсии в данных языках, что должно учитываться при переводе [2]. Инверсия в английском языке используется довольно часто, что создает определенные проблемы с переводом аутентичного текста на русский язык. Все это, а также высокая степень выразительности и функциональной значимости инверсии обусловил выбор инверсии и способов ее перевода в качестве предмета исследования, результаты которого представлены в настоящей статье.

Исследование осуществлялось на материале предложений, содержащих инвертированные конструкции. Отбор материала был выполнен с

помощью Национального корпуса русского языка (параллельный корпус) <http://www.ruscorpora.ru/search-para-en.html>.

В результате изучения теоретических работ по теме исследования было установлено, что в английском и в русском языке порядок слов выполняет схожие функции: синтаксическую, коммуникативную (выделение темы и ремы высказывания) и экспрессивно-стилистическую функцию. В связи с аналитическим строем английского языка и синтетическим строем русского языка эти функции проявляются по-разному. В английском языке порядок слов функционирует главным образом в области грамматики и синтаксиса, на него мало влияют коммуникативные цели высказывания. В русском языке, напротив, тема и рема являются позиционно обусловленными, и порядок слов подчиняется актуальному членению. Так, в русском языке коммуникативный порядок слов – фиксированный, а синтаксический порядок слов – свободный. В то время как в английском языке наблюдается противоположная ситуация: коммуникативный порядок слов – свободный, а синтаксический порядок слов – фиксированный [1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13].

Существует множество подходов к изучению инверсии. В термин «инверсия» может вкладываться различное значение в зависимости от того, прямой или объективный порядок слов в данном языке принимается за стандартный. В данной работе под инверсией понимается любое нарушение прямого порядка слов, а также нестандартный порядок слов внутри синтаксических групп, так как грамматическая функция порядка слов в английском языке преобладает над коммуникативной.

В английском языке инверсия наблюдается гораздо реже, чем в русском, и в связи с твердым порядком слов является очень выразительным эмфатическим средством. Это означает, что инверсия в английском и русском языках не равна в экспрессивно-стилистическом плане, что должно учитываться при переводе [9, 12].

Практическая часть исследования заключалась в анализе переводов предложений, содержащих следующие виды инверсии:

1. Инверсия с целью смыслового выделения подлежащего: локативная инверсия
2. Инверсия с целью смыслового выделения подлежащего: инверсия с вводящим *there*
3. Инверсия с целью смыслового выделения сказуемого: интенсификация предикатива
4. Инверсия с целью смыслового выделения прямого дополнения: интенсификация прямого дополнения
5. Инверсия с целью смыслового выделения обстоятельства: интенсификация обстоятельств с отрицательным и ограничительным значением
6. Инверсия с целью смыслового выделения обстоятельства: инверсия послелогов

7. Инверсия с целью смыслового выделения определения: постпозиция определения

Анализ проводился на основе художественных текстов XX века. Для анализа методом сплошной выборки было отобрано 286 предложений, объединенных в 7 групп.

В результате исследования сделаны выводы о способах передачи эффекта инверсии на русский язык, а также о частотности использования определенных переводческих приемов и трансформаций в процессе перевода различных видов инверсии.

1. Инверсия с целью смыслового выделения подлежащего: локативная инверсия

Локативная инверсия является важнейшей синтаксической конструкцией письменной речи и встречается практически во всех художественных произведениях. Такая инверсия образуется при вынесении детерминанта в абсолютное начало предложения, за счет чего происходит полная инверсия подлежащего и сказуемого. При этом подлежащее, становясь после сказуемого, занимает эмфатическую позицию в конце синтагмы. В результате в зависимости от контекста создается эффект напряженного ожидания, например, в случае если вводится новое лицо, или эффект растянутости повествования при художественном описании пейзажей или интерьеров.

Пример (1)

When the lightning struck he could see the clearing: all around was the gentle noise of the dripping water. [Graham Greene. *The Power and the Glory* (1940)]

При вспышке молний ему была видна просека; вокруг мягко постукивали падающие с деревьев капли. [Грэм Грин. *Сила и слава* (Н. Волжина, 1970-1980)]

Простое оригинальное предложение, содержащее локативную инверсию, представляет собой художественное описание. Посредством локативной инверсии, а также развернутой группы подлежащего создается эффект растянутости повествования, способствующий возникновению образа у читателя.

Перевод, предложенный Н. Волжиной, представляется прагматически адекватным. В нем сохранен инвертированный порядок слов, что не нарушило тематическое членение предложения оригинала. Грамматическое подлежащее *the gentle noise* в переводе передано частью группы сказуемого (наречием образа действия и глаголом), при этом значение глагола конкретизировано. Группой подлежащего в предложении перевода стало несогласованное определение *of the dripping water*. Было введено лексическое добавление «с деревьев», чтобы избежать речевой недостаточности и сделать образ более конкретным.

В результате произошедших трансформаций в переводе отражен и художественный образ, и эффект растянутости повествования, производимый в тексте перевода локативной инверсией и распространенными группами сказуемого и подлежащего.

2. Инверсия с целью смыслового выделения подлежащего: инверсия с вводящим there

В предложениях, содержащих конструкцию с вводящим *there*, всегда сообщается что-то новое о предмете или явлении, о его наличии или отсутствии. В таких предложениях грамматическое подлежащее является ремой. Инверсия с вводящим *there* передает фактически или эмотивно значимую информацию и используется для описания окружающей обстановки или чувств героев. Некоторые лингвисты выделяют инверсию с *there* как синтаксическое средство эмотивности, так как оно выступает в качестве маркера эмоционального состояния, указывая либо на его резкое изменение, либо на его стабильность и устойчивость.

Пример (1)

*Then when he had seen the fish come out of the water and hang motionless in the sky before he fell, he was sure **there was some great strangeness and he could not believe it.*** [Ernest Hemingway. The Old Man and the Sea (1951)]

Да и потом, когда он увидел, как рыба вышла из воды и, прежде чем упасть в нее снова, неподвижно повисла в небе, ему почудилась во всем этом какая-то удивительная странность, и он не поверил своим глазам. [Эрнест Хемингуэй. Старик и море (Е. Голышева, Б. Изаков, 1955)]

В данном примере простое предложение, содержащее инверсию с вводящим *there*, передает навязчивое эмоциональное состояние. Инверсия с *there* подчеркивает его самостоятельный бесконтрольный характер, независимый от воли самого героя.

В переводе сохранена инверсия главных членов предложения без нарушения актуального членения предложения оригинала. Самостоятельный характер эмоционального состояния передан особой эргативной конструкцией русского языка – «ему почудилась».

Перевод Е. Голышевой и Б. Изакова является прагматически адекватным. Он в полной мере передает ощущения героя. Кроме того, можно сказать, что использование специфического эргативного глагола придало описанию эмоционального состояния еще большую выразительность, чем в оригинале.

3. Инверсия с целью смыслового выделения сказуемого: интенсификация предикатива

Такая инверсия возникает при вынесении именной части сказуемого, выраженного существительным или прилагательным, перед подлежащим или глаголом. Вынесение предикатива в начало предложения придает высказыванию эмоционально-экспрессивную окраску. Оно характерно для

разговорной речи, часто встречается в восклицательных предложениях, создавая приподнятое настроение. В книжной речи инверсия предикатива, наоборот, организует высказывание ритмически и может придавать ему немного архаичное звучание.

Пример (1)

*She was wearing some slacks I bought her, **very attractive she looked all in black except for a little red scarf.** She had her hair all day before she washed it in two pigtails, one of the great pleasures for me was seeing how her hair was each day. Before the fire, however, it was loose and spread, which I liked best. [John Fowles. *The Collector* (1963)]*

*На ней были свободные брюки – я их купил, и она **выглядела очень привлекательно**, вся в черном, только маленький красный шарфик, и волосы распущены. Перед тем как их вымыть, она целый день ходила с двумя косами; самое большое удовольствие для меня было каждый день смотреть, какую она прическу сделает. И вот она сидела у огня с распущенными волосами, а я это больше всего любил. [Джон Фаулз. *Коллекционер* (И. Бессмертная, 1991)]*

Приведенный отрывок представляет собой еще одну часть повествования от лица Фредерика Клегга. Инверсия в данном случае придает высказыванию экспрессивную интонацию, подчеркивая то удовольствие, с которым Клегг смотрел на свою пленницу. Рематическое ударение падает на наречие *very* в начале синтагмы.

При переводе произошла перестановка компонентов предложения. В русском предложении порядок слов прямой, инверсия не сохранена, но при этом именная часть сказуемого «очень привлекательно» занимает конечную рематическую позицию в синтагме. Фразовое ударение приходится на наречие степени «очень», что соответствует прагматической установке предложения оригинала.

Данный пример свидетельствует о том, что инверсия предикатива маркирует определенное отношение говорящего к предмету разговора и обладает выраженным эмоциональным оттенком. При переводе предложений с такой инверсией важно придать тексту перевода коммуникативно адекватное интонационное оформление, что достигается в данном случае за счет применения метода перестановки компонентов предложения.

4. Инверсия с целью смыслового выделения прямого дополнения: интенсификация прямого дополнения

В предложениях с такой инверсией прямое дополнение стоит в начале предложения перед подлежащим и сказуемым и в зависимости от коммуникативной цели может служить как темой, так и ремой. Выступая в качестве темы, прямое дополнение устанавливает логическую связь с предыдущим высказыванием. При этом само предложение остается стилистически нейтральным. Рематическое выдвигание прямого дополнения, как правило, носит экспрессивный и оценочный характер.

Пример (1)

*And Soames, secretly convinced that they were not, passed his curved hand over his face vigorously, till it reached the comfort of his chin. Thanks to abstemious habits, he had not grown fat and gabby; his nose was pale and thin, his grey moustache close-clipped, his eyesight unimpaired. A slight stoop loosened and corrected the expansion given to his face by the heightening of his forehead in the recession of his grey hair. **Little change had Time wrought in the "warmest" of the young Forsytes, as the last of the old Forsytes—Timothy—now in his hundred and first year, would have phrased it.** [John Galsworthy. To Let (1921)]*

*И Сомс, втайне убежденный в неизменном превосходстве своего пола, крепко провел вогнутой ладонью по лицу и дал ей успокоиться на подбородке. Благодаря привычке к воздержанию он не разжирел и не обрюзг; нос у него был белый и тонкий; седые усы были коротко подстрижены; глаза не нуждались в стеклах. Легкий наклон головы умерял излишнюю высоту лба, создаваемую отступившими на висках седыми волосами. **Не много перемен произвело время в этом «самом богатыньком» из младших Форсайтов, как выразился бы последний из старшего поколения, Тимоти Форсайт, которому шел теперь сто первый год.** [Джон Голсуорси. Сдается внаем (Н. Д. Вольпин, 1946)]*

Предложение, содержащее прямое дополнение, как бы подводит итог описанию внешности Сомса Форсайта. Инверсия здесь, наряду с закавыченным *the «warmest»*, придает высказыванию иронический оттенок. Подразумевается, что Сомс не только не изменился внешне, но и его жизненные ценности остались прежними.

В переводе применен метод синтаксического уподобления: прямое дополнение сохраняет свою начальную позицию. Происходит инверсия подлежащего и сказуемого в соответствии с нормами актуального членения предложения в русском языке. Смысловое ударение остается на прилагательном при прямом дополнении, отчасти благодаря антонимическому переводу: отрицание дополнительно маркирует рему. Иронический эффект инверсии в переводе сохранен.

5. Инверсия смыслового выделения обстоятельства: интенсификация обстоятельств с отрицательным и ограничительным значением

Обстоятельства с отрицательным или ограничительным значением, вынесенные в начало предложения, вызывают частичную инверсию. Предложения с такой инверсией всегда эмотивны, встречаются в художественной речи, реже в разговорной. Этот тип инверсии используется для эмфатического усиления, создавая эффект эмоциональной напряженности.

Пример (1)

***Rarely did he trouble to put in a personal appearance, and then only for the weight and effect his presence would have.** [Theodore Dreiser. The Financier (1912)]*

Молленхауэр редко утруждал себя появлением на людях и уж если делал это, то с расчетом на соответствующий эффект. [Теодор Драйзер. Финансист (М. Волосов, 1944)]

В данном предложении инверсия придает высказыванию иронический оттенок. В переводе, предложенном М. Волосовым, инверсия не сохранена, наречие «редко» становится перед глаголом в соответствии с правилами построения словосочетаний в русском языке. При этом логическое ударение на нем сохраняется. Иронический эффект высказыванию придает контекстуальный перевод глагола-сказуемого *trouble* - «утруждал себя». Таким образом, прагматический смысл оригинального предложения, выраженный инверсией, передан в переводе не синтаксическим, а лексическим средством.

Пример (2)

Little did she know that I had once thrown a man almost as big as she out of a helicopter. What was to prevent me from throwing her out a tower window? [Kurt Vonnegut. Hocus Pocus (1990)]

Откуда ей было знать, что я как-то раз выбросил с вертолета мужчину, потяжелее, чем она. Что мне мешает выбросить ее из окна колокольни? [Курт Воннегут. Фокус-покус (М. Ковалева, 1993)]

В примере (2) инверсия отражает реакцию на происходящее, придавая внутреннему монологу героя большую эмоциональность.

Перевод выполнен с использованием метода целостного преобразования: введен эмоционально-экспрессивный оборот «откуда ей было знать». Целостное преобразование в данном случае является стилистически корректным. Оно не только адекватно передает эмоциональное состояние героя и не искажает прагматический замысел автора, но и придает высказыванию естественное звучание с точки зрения русского читателя.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что при переводе инверсии обстоятельств с отрицательным или ограничительным значением предпочтение отдается не синтаксическим, а лексическим средствам выражения эмфазы. При передаче эффекта такой инверсии следует уделять особое внимание прагматике высказывания и в соответствии с ним делать выбор в пользу определенных переводческих приемов.

6. Инверсия с целью смыслового выделения обстоятельства: инверсия послелогов

Инверсия послелогов является частным случаем инверсии наречий и обстоятельственных слов. При такой инверсии послелогов (например: *up, down, in, out, on, off, away, back*) выносятся в абсолютное начало предложения. Если подлежащее выражено личным местоимением, оно занимает место между послелогом и глаголом. Но в случае, если подлежащее является существительным или любым местоимением, кроме личного, оно ставится после глагола.

Инверсия послелогов используется для придания большей живости и динамичности повествованию. Она, как правило, акцентирует характер действия и в зависимости от контекста может передавать стремительность последовательности действий или резкую смену обстановки. Иногда инверсия послелогов используется для введения нового лица или предмета.

Пример (1)

One hinge snapped, then the other, and down came the door with a crash. [Arthur Conan Doyle. The Stock-Broker's Clerk (1893)]

Сорвалась одна петля, потом вторая, и дверь с треском рухнула на пол. [Артур Конан Дойл. Приключение клерка (Н. Колпаков, 1959)]

В оригинальном предложении инверсия послелогов придает описанию происходящего эффект «резкой развязки»: ровная напряженная интонация начала предложения прерывается послелогом *down*, на который приходится рематическое ударение. Интонационно выделенным также оказывается несогласованное определение *with a crash*.

Перевод, предложенный Н. Колпаковым, представляется адекватным. В переводе исходный порядок слов не был сохранен, что мотивировано особенностями актуального членения русского языка. Подлежащее «дверь» занимает позицию перед сказуемым, так как не является носителем ремы. В противном случае оно бы получило дополнительный акцент. Сказуемое в переводе конкретизируется в силу того, что английский фразовый глагол *to come down* обладает слишком широким лексическим значением. В данном переводе в качестве его эквивалента подобран мгновенный глагол «рухнуть», соответствующий контексту и эмоциональной маркированности. В переводе описания образа действия был применен метод перестановки компонентов в соответствии с правилами построения словосочетания в русском языке. Обстоятельство места «на пол» введено, чтобы устранить лексическую недостаточность. В русском предложении под фразовым ударением оказывается несогласованное определение «с треском», однако это не противоречит прагматической цели предложения оригинала.

Пример (2)

And suddenly, on came the lights and the whole tunnel was brilliantly lit up, and Charlie could see that they were indeed inside a gigantic pipe, and the great upward-curving walls of the pipe were pure white and spotlessly clean. [Roald Dahl. Charlie and the Chocolate Factory (1964)]

И тотчас вспыхнуло множество ламп, весь туннель осветился волшебным светом, и Чарли увидел, что они действительно находятся внутри огромной трубы с круглыми, белыми и очень чистыми стенами. [Роальд Даль. Чарли и шоколадная фабрика (М. Барон, Е. Барон, 1991)]

В приведенном предложении инверсия послелогов маркирует внезапность изменения обстановки.

В переводе сохранен исходный порядок слов, но при этом наибольший акцент остался на сказуемом. Глагол-сказуемое передан более конкретным, мгновенным глаголом «вспыхнуть», отражающим резкую смену обстановки. Конкретизация потребовалась и в передаче подлежащего, чтобы избежать неопределенности в переводе.

Эффект динамичности в оригинальном предложении также создается частым повторением союза *and*. В переводе такой эффект достигнут посредством замены сочинительной связи на бессоюзную.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о необходимости обращать особое внимание на семантику фразового глагола и на его контекстуальное значение. В случае инверсии послелогов сохранение инвертированного порядка слов в переводе, по-видимому, не имеет решающего значения. При переводе таких предложений важно следить за корректным выделением носителя ремы, а также передать свойственный данному виду инверсии эффект динамичности.

7. Инверсия с целью смыслового выделения определения: постпозиция определения

Постпозитивное определение, выраженное одним или несколькими прилагательными, характерно для художественных описаний. Такая инверсия организует высказывание ритмически, придает ему торжественный, приподнятый характер. Также постпозитивное определение может служить целям создания художественного образа, при этом вызывая эффект растянутости повествования.

Пример (1)

*They were strange shoulders, **still powerful although very old**, and the neck was still strong too and the creases did not show so much when the old man was asleep and his head fallen forward.* [Ernest Hemingway. *The Old Man and the Sea* (1951)]

*Это были удивительные плечи—**могучие, несмотря на старость**, да и шея была сильная, и теперь, когда старик спал, уронив голову на грудь, морщины были не так заметны.* [Эрнест Хемингуэй. *Старик и море* (Е. Голышева, Б. Изаков, 1955)]

В примере (1) постпозитивное определение относится к существительному, у которого уже есть определение в препозиции. Постпозитивное определение введено для пояснения образа, оно придает высказыванию оттенок торжественности и эффект растянутости повествования.

В переводе сохранена постпозиция определения, однако произошли некоторые изменения. Прилагательным переведено только первое *powerful*, второе прилагательное с уступительным союзом передано обстоятельством оборотом с существительным «несмотря на старость», что придало повествованию большую выразительность. Произошло лексическое опущение наречия *still*, чтобы избежать иронического эффекта,

который в оригинальном предложении отсутствует. Также изменено пунктуационное оформление постпозитивного определения: тире указывает на его пояснительную функцию.

В целом, перевод предложений с постпозитивным определением является адекватным, если удастся сохранить выделенность определения в предложении, либо оставляя его в постпозиции к определяемому слову, либо посредством ввода лексического добавления.

На основе проведенного анализа указанных типов инверсии получены следующие результаты:

1. При переводе предложений с локативной инверсией инвертированный порядок слов удастся сохранить в 100% случаев, однако иногда требуются перестройка внутри групп подлежащего и сказуемого. Следует отметить, что значение сказуемого, выраженного в оригинальном предложении глаголом *to be*, в переводе редко передается буквально. Он конкретизируется в зависимости от контекста и передается другими непереходными глаголами, в том числе эргативными глаголами чувственного восприятия, характерными для русскоязычных художественных текстов.

2. Предложения с вводящим *there* при переводе требуют синтаксической перестройки. Как правило, на первое место в предложении ставится обстоятельство места или времени, за ним следует сказуемое, затем подлежащее, в том случае, если подлежащие в тексте оригинала и в тексте перевода совпадают (44,3%). Иногда используется прием замены типа предложения: изначально двусоставное предложение в тексте перевода становится односоставным безличным (17,1%), если речь идет о простом наличии или отсутствии предмета, или неопределенно-личным (7,1%), если сообщается о признаках действия. Также в переводе могут использоваться эргативные конструкции (27,1%) в случае, если в предложениях с инверсией с вводящим *there* описывается эмоциональное состояние или пассивное восприятие (например, звуков).

3. При переводе предложений с инверсией предикатива важно придать тексту перевода коммуникативно адекватное интонационное оформление, что достигается методом перестановки компонентов предложения для корректного рематического выделения компонента высказывания (13%), применением метода лексического добавления усилительных частиц, местоименных наречий и наречий меры и степени (23%), а также с помощью применения целостного преобразования, который представляется предпочтительным при переводе восклицательных предложений (26%).

4. Предложения с инверсией прямого дополнения, как правило, не представляют трудностей при переводе. Перевод является адекватным во всех случаях, когда за прямым дополнением удастся сохранить его начальную позицию. Иногда возможно введение лексического добавления для дополнительного маркирования прямого дополнения как ремы (17%).

5. При переводе инверсии обстоятельств с отрицательным или ограничительным значением важно отразить общую интонацию и эмоциональную маркированность высказывания. При переводе такой инверсии отдается предпочтение использованию метода целостного преобразования (53%), что делает высказывание более естественным для русского читателя. Инверсия главных членов предложения, как правило, не сохраняется в переводе (80%). В случае если целостное преобразование не применяется, выделяемое обстоятельство либо остается в начальной позиции (23,3%), либо предшествует глаголу-сказуемому (20%).

6. При переводе инверсии послелогов порядок следования главных членов предложения, по-видимому, не имеет решающего значения. В рассмотренных переводах исходный порядок слов был сохранен в 38,3% случаев. При переводе глаголов часто применяется метод конкретизации (61,7%), что обусловлено широким семантическим полем большинства фразовых глаголов. Для достижения передаваемого инверсией послелогов эффекта динамичности нередко вводятся лексические добавления (например, наречия образа действия: живо, стремительно, бегом и др.).

7. Переводы предложений с постпозитивным определением являются адекватными, если определение остается выделенным в тексте перевода. Схожий вид инверсии есть и в русском языке, благодаря чему в переводе в большинстве случаев удается сохранить за инвертированным определением его постпозицию (57,8%). В некоторых случаях релевантен прием членения предложения, при котором постпозитивное определение выносится в отдельное предложение (20%). В случае невозможности сохранения постпозиции в текст перевода вводятся усилительные частицы и наречия методом лексического дополнения. Простая перестановка постпозитивного прилагательного в препозицию к определяемому слову в тексте перевода приводит к утрате эффекта инверсии и неадекватности перевода.

Порядок слов является важнейшим средством связи членов предложения, выполняя три основные функции – грамматическую, коммуникативную и экспрессивно-стилистическую. Сравнивая особенности порядка слов в английском и русском языках можно утверждать, что аналитический строй английского языка и синтетический строй русского языка предопределили различия в соотношении этих функций. В английском языке порядок слов функционирует главным образом в области грамматики и выражения синтаксических отношений между словами, возможности его использования для неграмматических целей сильно ограничены. В русском языке, напротив, порядок слов синтаксически свободен, но обусловлен коммуникативно. В этой связи в рассматриваемых языках наблюдается несовпадение экспрессивно-стилистической значимости эмотивных синтаксических структур. В английском языке с его твердым, грамматически фиксированным порядком слов, почти любая перестановка меняет смысл высказывания или придает ему экспрессивный или стилистический оттенок.

Библиографический список

1. *Адамец П.* Порядок слов в современном русском языке. – Прага, 1966.
2. *Бухалова Е. Г.* Особенности порядка слов в русском и английском предложениях / Е. Г. Бухалова. - Тамбов: Грамота. - 2011. - № 2. - С. 35-37.
3. *Варюхина А. В.* Ремовыражение. Назначение инверсии с вводящим there / А. В. Варюхина // Молодой ученый. — 2011. — №8. Т.2. — С. 20-22.
4. *Ковтунова И. И.* Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. 2002.
5. *Матезиус В.* О так называемом членении предложения // Пражский лингвистический кружок: Сб. ст. – М., 1967.
6. *Сиротинина О. Б.* Порядок слов в русском языке. - 3-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2006.
7. *Смирницкий А. И.* Синтаксис английского языка / Под ред. канд. филол. наук В. В. Пасека. - М., 1957.
8. *Теньер Л.* Основы структурного синтаксиса. - М., 1988.
9. *Турбина О. А.* Природа эмотивного синтаксиса и его категорий // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2013. - №2. - Т.10. – С. 4-9.
10. *Фурс Л. А.* Форматы представления знаний в синтаксисе // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. - С. 166-181.

Электронные ресурсы

11. *Бархударов Л. С.* Структура простого предложения современного английского языка [Электронный ресурс] / Л.С. Бархударов - Режим доступа: http://www.classes.ru/grammar/116.Barhudarov/html/vi_62.html
12. *Касьянова Ю. И.* Переводчески-релевантные особенности русского и английского языков: актуальное членение [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://lib5.podelise.ru/docs/56300/index-45932.html>
13. *Седельникова А. А.* Функциональные особенности порядка слов в русском и английском предложениях // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://jurnal.org/articles/2009/fill26.html>
14. Национальный корпус русского языка (параллельный корпус) - Режим доступа <http://www.ruscorpora.ru/search-para-e n.html>

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

А. С. Акылбаева

ПРОБЛЕМА ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ТЕРМИНОВ В ТАМОЖЕННОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

THE PROBLEM OF DIFFERENTIATION OF LEXICAL SYSTEM OF TERMS IN CUSTOMS TERMINOLOGY

The 'theory of term' has always drawn a attention. Many linguists hold disputes and give various definitions of the concept 'term'. Various interpretations can be seen not only in scientific articles, but also in many basic researches.

The word 'term' (from Latin *terminus*) means 'repartition', 'termination'. For this particular reason V. N. Shevchuk drew our attention to that fact that in the Middle Ages the word gained meaning of 'definition and designation' [9].

A.A. Reformatsky believed that 'terms' are the special words limited to the special purpose; the words, seeking to be as unambiguous as exact expressions in science, equipment, policy and diplomacy [8].

Let's give one more definition of the term which was formed by V.P. Danilenko: 'The term is a part of vocabulary and a definition of certain discipline and science' [6].

Summing up the results, it is possible to come up with a conclusion that 'term' definition as some kind of 'limitation' or 'end' in modern understanding is treated as concept which is applied in various spheres of science, economy, art and other ones.

The economy is a living organism in which all details are in interaction with each other. This living organism lives and develops and that means that there is a birth of new concepts and their definitions. Economic terminology develops its separate terminological branches: financial, customs, tax etc.

Terminology in the customs sphere (further - customs terminology) is one of components of the economic terminology, created from dozens of thousands of words and the related phrases.

In the modern world we can see active development in different fields of knowledge. This leads to the problems connected with terms and terminology. Specific terminological systems are still insufficiently studied in spite of the fact that diverse work in pursuit for decisions is carried out in various ways.

Furthermore development of terminological systems of any field of activity is the main and major factor of its promotion and encouragement; therefore this issue directly relates to new fields of knowledge for which it is necessary to develop terminological systems carefully [5].

The customs affairs are the separate and specific field of knowledge where terminology is one of the major components. The reason is that via developing terminology the whole picture of representations in the sphere of interacting with administrative and legal and other institutes is formed. The customs affairs are the whole science which is rather complex character as it serves for meeting various requirements. Due to this fact the sphere of customs affairs includes many other sciences as well, such as economy, the right, statistics, IT and so on.

Each science requires development. Development itself directly leads to widening terminological system. The same is to be said about customs affairs: improvement of customs legislation and customs policy results in appearance of new concepts and the related phrases in terminological system, as well as the ones borrowed from other languages or other spheres of knowledge terms.

According to V. P. Danilenko's theory, it is possible to give the following division of vocabulary in any terminological system into three components:

- the general scientific terms used in almost all specific terminological systems. They have the status of the universal logical-philosophical categories, which are necessary for expressing more or less generalized concepts and categories;

- intersectoral (intersystem terminology) – unites the general elements which are used in related fields of professional activity;

- highly specialized, including the most significant layer of special terms which name and define specific for every field of professional activity concepts and categories.

As we have already mentioned, customs activity is closely connected with many other professional fields of knowledge: economy, IT, human right, etc. Analyzing this concept it is natural to come up with a conclusion that in customs terminology the bulk vocabulary is made of intersystem terminology, and only a small part comprises highly specialized terms.

In other words, in customs terminology there are vocabulary units which at the same time belong to adjacent fields of knowledge:

- law (international law or international private and European law): the Incoterms ‘rules of interpretation of the international trade terms and the expressions most often met in the international commercial contacts, formed on the basis of experience in world trade practice’; the anti-dumping legislation that is ‘anti-dumping measures of the state for control (restriction) of import, determined due to national economic interests’ [2];

- economy (mainly international): providing performance of obligations ‘the measures of property and monetary character promoting performance of obligations, including payment of a penalties, fines or damages for a failure to perform the obligations, putting a deposit, advance payment as well as providing guarantees’ [3, p. 241]; ad valorem duty which is ‘a type of the customs du-

ties, characterized by the fact that they are imposed as a percentage of the customs cost of goods [4, p. 25];

– diplomatic activity: the convention — ‘the international multilateral agreement, mainly on any special issue, for example, customs one, signed by various individuals or organizations in international law’; the visa — ‘is issued for foreigners and is put in the passport or given as a separate insert, which is a mark confirming permission to enter and stay in a country for a certain period of time’ [7, p. 46].

Moving on now to highly specialized customs terminology, they can be illustrated by the following examples: temporary import/export, rates of the customs duties, conditional release. [1] Understanding and specifying the terms is essential for a proper procedure of customs control and customs clearance.

Taking into account all the mentioned we come up with a conclusion that intersystem terminology prevails over the highly specialized. And it is quite natural due to that fact that the customs affairs are such field of activity which is closely connected with numerous fields of knowledge of other professional spheres.

To add each term has strictly specific concept and interpretation. And if we misunderstand any terms, norms of the customs law will change, which in its turn will result in their misapplication. For this reason it is necessary to learn how to interpret and understand intersystem terms.

Библиографический список

1. *Аникина А. В.* Англо-русский экономический словарь. - М., 1981.
2. *Анохина И. Г.* Англо-русский коммерческий словарь-справочник. - М., 1992.
3. *Бархударов С. Г.* Проблемы языка, науки, техники, логические, лингвистические и исторические аспекты терминологии. - М.: Наука, 1970.
4. *Даниленко В. П.* Лингвистические требования к стандартизируемой терминологии // Терминология и норма. О языке терминологических стандартов. - М.: Наука, 1972.
5. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка. - М., 1999.
6. *Реформатский А. А.* Что такое термин и терминологии? // Вопросы терминологии. - М., 1961.
7. *Шевчук В. Н.* Производные военные термины в английском языке. - М.: Воениздат, 1983.

Электронные ресурсы

8. Таможенный кодекс Таможенного союза
9. <http://krsk.mid.ru/web/guest> - сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации – Дипломатический словарь терминов.

Д. В. Гартвич

(науч. рук. д-р. филол. наук Э. В. Седых)

«МАЛЕНЬКИЙ ЧЕЛОВЕК» О. ГЕНРИ И А. П. ЧЕХОВА

Образ «маленького человека» вызывает интерес писателей очень давно. В мировой литературе о нем писали великие авторы: Ф. Кафка, А. Камю, О. Генри, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов. Образ «маленького человека» менялся с течением времени и приобретал новые интерпретации. В данной работе образ «маленького человека» рассмотрен на примере творчества О. Генри и А. П. Чехова. Под пером этих авторов данный тип героя получил новое развитие, приобрел новые черты.

Цель данной работы: выявить идейные и художественные особенности образа «маленького человека» в рассказах О. Генри и А. П. Чехова и сопоставить этих героев.

Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

1. изучить биографии О. Генри и А. П. Чехова,
2. познакомиться с творчеством О. Генри и А. П. Чехова,
3. рассмотреть особенности «маленького человека» О. Генри,
4. выделить типы «маленьких людей» в рассказах А. П. Чехова и выявить их особенности,
5. сопоставить образы «маленьких людей» обоих авторов.

Рассмотрим особенности «маленького человека» О. Генри и А. П. Чехова.

1. «Маленький человек» О. Генри

О. Генри писал новеллы и рассказы, которым свойственны тонкий юмор и неожиданные развязки. В своих новеллах О. Генри изобразил «маленьких людей» всех профессий и социальных статусов. На страницах его книг можно встретить миллионера, плантатора, генерала, судью, лавочника, священника, конторщика, продавщицу, рабочего, актера, художника, музыканта, вора, жулика, бродягу, ковбоя. О. Генри писал в эпоху расцвета капитализма, когда одни люди внезапно становились баснословно богатыми, а другие оставались на периферии общества. Писателю не были интересны сильные мира сего, он не пытался уличить резко разбогатевших людей в воровстве или мошенничестве, ему были интереснее обычные, простые люди.

Герой новелл О. Генри – «маленький» американец со своими проблемами, желаниями и материальной нестабильностью. Свое отношение к новелле О. Генри выразил следующим образом: «Я хочу ввести в гостиные всемогущих, павших и отверженных и, при этом, обеспечить им там радушный прием. Мир нуждается только еще в капельке сострадания. Я хочу, чтобы наши четыреста побывали в шкуре четырех миллионов» [6].

Характерные черты «маленьких людей» О. Генри

1. Духовное богатство

В новеллах О. Генри мало полностью отрицательных героев. В основном, его герои отличаются тем, что проявляют самые лучшие человеческие качества, несмотря на внешнюю слабость, бедность и иногда противозаконные поступки. О. Генри отражает дуализм человеческой души, он показывает его темную и светлую стороны, что придает его героям реалистичность. Так, например, даже жулики, воры, пьяницы не осуждаются автором. Пьяница Берман из новеллы «Последний лист» [3, с. 152], пребывающий на дне жизни, все грезит о шедевре, который мечтает написать, но так и не начнет, вдруг спасает молодую девушку. Он дарит ей надежду на выздоровление, а сам погибает. Его самопожертвование и желание помочь поражает читателя и заставляет уважать этого человека, который, казалось бы, потерял его.

2. Желание бороться и противостоять действительности

Маленького человека О. Генри отличает исключительное желание улучшить свое положение. Он изо всех сил старается добиться благополучия. Герои О. Генри осознают свою ничтожность и делают маленькие шаги к улучшению жизни. Например, в новелле «Горящий светильник» [3, с. 121] Лу и Нэнси изо всех сил стараются выбиться в общество. Нэнси ждет своего богатого принца за прилавком в магазине, а Лу старается заработать побольше денег в гладильной.

3. Вера и надежда

Также герои О. Генри стараются не унывать, часто тешат себя ложными надеждами, как герой рассказа «Сон в летнюю сушь», [3, с. 160] ради благополучия и здоровья своей жены и детей работал летом и утверждал, что Нью-Йорк – лучший курорт во всей стране. Он обманывал себя, но это помогало ему справиться с трудностями. Герои писателя окутаны мечтами о светлом будущем и делают все, что могут, чтобы добиться своего. «Маленькие люди» стараются не терять веры в лучшее. Они – романтичные, мечтающие, пытающиеся преодолеть будничность своего существования.

4. Спасительная сила любви и верной дружбы

Особенно маленьких людей О. Генри выделяет их умение любить. Это чувство часто помогает им справиться с невзгодами жизни. Джон Сухой Лог из новеллы «Бабье лето Джона Сухого Лога» [3, с. 110] продал ферму и стал жить один, единственным его занятием было выращивание клубники. Так он жил в своем маленьком мирке, пока не влюбился. Любовь помогла ему помолодеть душой, вырваться из забвения и одиночества.

Новелла «Дары волхвов» [3, с. 5] особенно ярко показывает умение героев любить и идти на любые жертвы ради счастья и благополучия возлюбленных. Делла отстригла свои шикарные волосы ради цепочки для ча-

сов в подарок на Рождество для ее любимого Джима, а он, в свою очередь, продал часы, чтобы купить гребни для ее прекрасных волос. Любовь заставила вора Малыша Брэди из новеллы «Русские соболя» [3, с. 143] ради любимой выйти из банды, любовь подтолкнула громилу Малыша Мак-Гари, героя новеллы «Персики», [3, с. 167] по первому требованию возлюбленной броситься в поисках персика вечером ранней весной и сдать банду полиции, в надежде найти у них заветный фрукт.

Верная дружба еще одна черта, присущая героям О. Генри. Его «маленькие люди» верны своим друзьям. Это помогает им выручать друг друга из самых сложных ситуаций.

Таким образом, «маленький человек» О. Генри – это американец, на первый взгляд неприметный, слабый, бедный, и казалось бы, далекий от проявлений каких-либо высоких чувств. Но, на самом деле, он сильный духом, благородный, способный проявлять лучшие человеческие качества, он может искренне любить и быть верным другом. О. Генри очень любит своего героя, он учит читателя тому, что в мире нет откровенно плохих и хороших людей. В нас сочетаются две стороны – белая и черная, какая из них проявится сильнее, зависит от ситуации и от силы воли человека.

II. «Маленький человек» А. П. Чехова

В русской литературе тема «маленького человека» нашла отражение у многих знаменитых авторов: у Пушкина, Гоголя, Достоевского. Эти авторы, в основном, изображали ничтожного человека, который вызывал у всех жалость и сострадание. Чехов меняет взгляд на «маленького человека». Идеей его рассказов становится обличение чиновничества, отсутствие духовных ценностей, жизненных целей, отрицательные человеческие качества. Чехов считает, что во многих случаях, в том, что человек ничтожен, виновата не среда, как считали предшественники писателя, а сам человек. Именно он сам забывает о чувстве собственного достоинства и допускает свое падение, именно он сам ради выгоды, прибавки к жалованию, а иногда и просто так готов унижать себя и наступать на свою гордость.

В отличие от героя О. Генри «маленький человек» А. П. Чехова изображен не столь однозначно. Можно выделить несколько типов, каждому из них присущи особые черты.

1. Мелкие чиновники

Первый образ – это мелкие чиновники. Чехов ярко изобразил пороки этого сословия: чиновничество, низкопоклонство, лесть, беспринципность, страх. Все это присуще первому типу героев. Эти люди ради повышения готовы переступить через свое человеческое достоинство, им присущи отсутствие гордости и силы воли. Яркий пример – это рассказ «Смерть чиновника» [5, с. 79]. Червяков не пережил того, что чихнул в театре на чиновника рангом повыше него и умер. Автор при помощи иронии показывает самые темные уголки душ этих людей, однако то, что кажется

смешным на первый взгляд, оказывается грустным и вызывает отвращение, а иногда и гнев у читателя.

2. Человек в футляре

Второй образ – это люди, потерявшие жизненную цель, духовные ценности, живущие в своем маленьком мирке, изолированно от окружающих. Это зачастую образованные, интеллигентные люди, имеющие работу, неплохое положение в обществе. В их жизни выпадает шанс, когда они пытаются ухватиться за ниточку, которая бы могла спасти их, но эта ниточка обрывается, а новых попыток герои предпринимать не хотят. Они не стараются изменить свою жизнь, а все больше и больше закрываются в себе, помещают себя в футляр, и запирают его на множество замков. Так, Беликов, герой рассказа «Человек в футляре» [5, с. 208], пытался поместить себя в футляр, даже все вещи он складывал в чехлы, будь то зонтик или очки, дома закрывался на все замки – делал все, чтобы защитить себя от любых воздействий внешнего мира. У него был шанс вырваться из футляра, он даже был готов сделать предложение Вареньке, но так и не смог. Именно эти герои вызывали у автора особое негодование, над ними он иронизирует особенно жестоко, потому что они сами загнали себя в угол и сделали себя «маленькими».

3. Слабые мира сего

К третьему типу относятся герои, изображение которых похоже на традиционное изображение «маленького человека» в мировой литературе. Они несчастны, не могут бороться с окружающей действительностью, – она давит на них, губит. Эти герои вызывают сострадание у читателя. К ним можно отнести главного героя рассказа «Тоска» [5, с. 96], которому не с кем поделиться своим горем, и он рассказывает о своих проблемах верному коню. Чехов сочувствует сложному положению этих героев и передает их боль с особой чуткостью и состраданием.

Таким образом, так как «маленький человек» Чехова неоднозначный герой, мы выделили несколько типов «маленького человека» в произведениях автора. Эти люди являются представителями разных сословий: это чиновники, интеллигенция, беднота. Главная мысль рассказов Чехова о «маленьком человеке» заключается в том, что человек, чаще всего, сам ответственен за свое положение в обществе.

III. Сопоставление «маленького человека» О. Генри и А. П. Чехова

1. Общие черты

Если сопоставлять образы маленьких людей О. Генри и А. П. Чехова, то можно выделить следующее сходство: герои обоих авторов – представители разных слоев общества, разных профессий. Это говорит о том, что человек может быть маленьким вне зависимости от того, каков его доход. Но чаще всего, все-таки, оба автора показывают людей низшего класса.

2. Отличия

Первое отличие состоит в том, что О. Генри наделил своих героев, несмотря на их незначительность, самыми лучшими человеческими качествами: они верные, добрые, отзывчивые. Чехов в своих героях, чаще всего, подчеркивает их негативные качества: жадность, чиновничество, уныние, духовную слабость.

Второе отличие в том, что герои О. Генри осознают бедственность своего положения, они понимают, что занимают низкое положение в обществе, когда герой А. П. Чехова или не задумывается о том, что находится на задворках общества, или не понимает бедственности своего положения.

Третье отличие заключается в следующем: герои О. Генри стремятся изменить свое положение, они борются с невзгодами жизни, надеются на лучшее, в то время как герои Чехова пассивно плывут по течению, не желая ничего менять.

Таким образом, можно сделать вывод, что О. Генри и А. П. Чехов создали разные образы «маленького человека». О. Генри считал главной причиной, по которой человек становился «маленьким», социальную среду. В данном случае – бурное развитие капитализма в США. Чехов же был уверен в том, что главная причина и проблема заключается в самом человеке, и именно он сам виноват в том, что оказался в таком положении. И если О. Генри относится к своему герою с сочувствием, любовью и искренне верит в его способности и в светлое будущее, то Чехов не эксплицирует своего истинного отношения к персонажу; можно лишь предположить, что он в действительности чувствует. Он предоставляет читателю возможность самому решать, как относиться к тому или иному герою: или сострадать ему, или осуждать его.

Библиографический список

1. Бердников Г. П. «Дама с собачкой» А. П. Чехова. К вопросу о традиции и новаторстве в прозе А. П. Чехова. – Л.: Худ. лит., 1976.
2. Боровинский В. С. О. Генри – горестная судьба веселого рассказчика. – М.: Книжная палата, 2000.
3. Генри О. Русские соболя. – СПб.: Азбука, 2012.
4. Кузичева А. П. Чеховы. Биография семьи. - М.: АРТ, 2004.
5. Чехов А. П. Вишневый сад. Рассказы. – М.: Астрель, 2010.

Электронные ресурсы

6. Танасейчук А. Б. О. Генри: две жизни Уильяма Сиднея Портера.– М.: Молодая гвардия, 2013. [online] URL: <http://lib.rus.ec/b/466311/read>

И. В. Дворецкова

(науч. рук. д-р. филол. наук Э. В. Седых)

**ОБРАЗЫ ГЕРОЕВ ЛЬЮИСА КЭРРОЛЛА
В ВИЗУАЛЬНЫХ ИНТЕРПРЕТАЦИЯХ:
«АЛИСА В СТРАНЕ ЧУДЕС» И «АЛИСА В ЗАЗЕРКАЛЬЕ»**

Английский математик Чарльз Додсон, более известный всему миру как Льюис Кэрролл, создал целые волшебные миры, в которых оживают шахматные фигуры и карточная колода, кролик носит модный сюртук, а улыбка живёт без кота, время течёт иначе, а порой и вовсе застывает. Писатель населил эти фантастические вселенные поражающими воображение существами, парадоксами и чудесами. Его чудесными идеями вдохновлялись многие художники, аниматоры, режиссёры – так появилось несчётное количество иллюстраций к книгам и экранизаций. Конечно, каждый новый автор привносил в произведение свои детали и изображал персонажей, руководствуясь своим видением их характера. И так с каждой новой экранизацией и серией иллюстраций герои Кэрролла приобретали всё новые и новые, невиданные ранее черты.

Начнём рассмотрение иллюстраций к сказкам Кэрролла с работ самого писателя. Рукопись «Алисы в Стране Чудес» изначально сопровождалась тридцатью восемью рисунками автора. Алиса выглядит едва ли не копией юной подруги Кэрролла Алисы Лиддел, Белый Кролик одет скорее в пальто, чем в камзол, Королева Червей похожа на витражное изображение, составленное из разрозненных геометрических фигур.

Так как Кэрролл едва ли мог претендовать на звание художника, важную миссию проиллюстрировать книгу предоставили профессионалу. Первое издание «Алисы в Стране Чудес» вышло с иллюстрациями, которые принадлежат выдающемуся художнику и карикатуристу Джону Тенниелу. Сегодня его рисунки считаются классическими, однако в процессе их создания у художника возникало немало разногласий с Кэрроллом относительно облика персонажей. Тенниел настоял на своём: его Алиса – длинноволосая блондинка, животные очень реалистичны, а образы многих второстепенных персонажей отличаются карикатурностью. Так, в Безумном Шляпнике можно разглядеть Бенджамина Дизраэли, карикатура на которого была опубликована художником чуть ранее. Однако это только предположение, так как прообразы героев не установлены. Иллюстрации Тенниела не по-детски суровы и мрачны, однако, безусловно, притягательны [7].

В России наиболее известны графические черно-белые иллюстрации Геннадия Калиновского. Его Алиса – ребёнок, который только вступает в безумный и полный абсурда взрослый мир [1, 2].

В книгу «Алиса в Зазеркалье» была включена баллада «Jabberwocky» («Бармаглот»), которая является полной нелепицей, по мнению самой Алисы. Приведем отрывок из поэмы:

«Beware the Jabberwock, my son!
The jaws that bite, the claws that catch!
Beware the Jubjub bird, and shun
The frumious Bandersnatch!»
And as in uffish thought he stood,
The Jabberwock, with eyes of flame,
Came whiffling through the tulgey wood,
And burbled as it came! [4].

В поэме Кэрролл приводит большое количество слов собственного изобретения, но все они семантически мотивированны и могут быть объяснены. Например:

Bandersnatch: a swift moving creature with snapping jaws, capable of extending its neck. A ‘bander’ was also an archaic word for a ‘leader’, suggesting that a ‘bandersnatch’ might be an animal that hunts the leader of a group.

Burbled: could be a mixture of the three verbs ‘bleat’, ‘murmur’, and ‘warble’, although he didn’t remember creating it.

Frumious: combination of ‘fuming’ and ‘furious’.

Jabberwocky: the Anglo-Saxon word ‘wocer’ or ‘wocor’ signifies ‘offspring’ or ‘fruit’, ‘jabber’ in its ordinary acceptance of ‘excited and voluble discussion’.

Uffish: Carroll noted, “It seemed to suggest a state of mind when the voice is gruffish, the manner roughish, and the temper huffish” [4].

Сложно представить себе главного героя поэмы – Бармаглота. Ясно, что это когтисто-клыкастое чудовище, которое прячется в чаще леса. И, конечно, его стоит опасаться, как самого опасного обитателя Страны Чудес. Оригинальный текст даёт мало существенных деталей образа Бармаглота, что дало Тенниелу полную свободу действий. Его Бармаглот из пародийно-сказочного чудовища превратился в самого настоящего героя фильма ужасов. Не отстаёт от него и режиссер Тим Бертон, автор экранизации 2010 г., в которой перемешались «Алиса в Зазеркалье» и «Алиса в Стране Чудес».

Так же интересна интерпретация образа Брандашмыга. По Кэрроллу, у этого дымящегося и яростного существа удлиняется шея, возможно, он возглавляет стаю своих сородичей во время охоты. Исходя из этого неразборчивого описания дизайнеры Бертона создали очаровательное пушистое существо [1, 4].

Ещё один герой Кэрролла – Чеширский кот – улыбающийся кот с длинными когтями и большим количеством острых зубов. Он может появляться и исчезать постепенно, оставляя в воздухе лишь улыбку. В образительных интерпретациях образа Чеширского кота не происходит ни-

каких разительных изменений, разве что, он предстаёт перед читателем в расцветке всех цветов радуги. Отличиться решили только создатели американской компьютерной игры “American McGee’s Alice”. Их кот костляв, лишён шерсти, покрыт татуировками.

Безумный Шляпник, весьма справедливо названный в русском переводе Болванщиком, также не имеет подробного описания внешности. Большинство экранизаций и мультипликационных версий Шляпника весьма близки к образу, созданному Тенниелом: невысокий мужчина средних лет в классическом костюме, украшенном шарфами всех возможных расцветок, и, конечно, в шляпе. По мнению создателей экранизации 2010 г., внешность Шляпника должна отражать его внутренний мир, а также соответствовать его профессии. Шляпник подолгу работает с ядовитыми составами, необходимыми для изготовления шляп – этого достаточно, чтобы объяснить все его странности и неестественный цвет волос. Всё, что может пригодиться ему в работе – нитки, иголки, булавки – прикреплены к его одежде.

Визуальная интерпретация образа вовсе не обязательно является интерпретацией графической. Не стоит здесь забывать о театре и его возможностях. Приключения Алисы не раз переносились на большую сцену, однако самой выдающейся, на наш взгляд, является балетная постановка в королевском театре Ковент-Гарден. Премьера балета состоялась в 2012 г. и стала настоящей сенсацией года. С помощью современных технологий, объединенных с традиционной театральной магией и талантом артистов, на сцене действительно оживает настоящая сказка. Неординарные костюмы, чарующая музыка, выразительная мимика в сочетании с отточенными балетными па заставляют зрителей окунуться в атмосферу беззаботности и лёгкого сумасшествия. Данная постановка имеет ряд отличительных черт. Например, на сцену выводятся родители Алисы и её сёстры, которых практически всегда обходили вниманием в книжных иллюстрациях. Появляется даже сам Льюис Кэрролл, который преобразуется в белого кролика и увлекает главную героиню в Страну Чудес. Образ Алисы в большей степени тяготеет к иллюстрациям самого Кэрролла и напоминает немало повзрослевшую Алису Лиддел. Можно предположить, что ввиду особенностей постановки на сцене невозможно сделать животных реалистичными. Однако умелое сочетание грима, одежды определенного стиля и характерных черт персонажа превращают несколько суетливого джентльмена с часами и странной причёской в вечно спешащего куда-то белого кролика, а строгую мать Алисы в бессердечную Королеву Червей [5, 6].

Говорить о перевоплощениях персонажей фантастических сказок Льюиса Кэрролла можно бесконечно. Многие выдающиеся художники считали за честь взяться за иллюстрирование невероятных приключений Алисы, поэтому интерпретаций великое множество. Судить, какие из них ближе к истине, не представляется возможным, потому что каждый видит

сказку и её героев по-своему, а педантичный математик Чарльз Додсон, отстаивавший свое видение облика персонажей, не потрудился оставить нам мало-мальски подробного описания их внешности. Абсолютно точно здесь только одно: стоит читать эти потрясающие сказки и со спокойной душой отправлять свою фантазию в полёт – ошибок быть не может.

Библиографический список

1. *Кэрролл Л.* В Зазеркалье / Пер. и предисл. В. Э. Орла. – М.: Дет. лит., 1980.
2. *Кэрролл Л.* Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало, и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье / Пер. и послесловие Н. М. Демуровой; стихи в переводах С. Я. Маршака и Д. Г. Орловской. – София: Изд-во лит. на иностр. яз. , 1967.
3. *Carroll L.* Alice's Adventures in Wonderland. – Harper Press: Collins Classics, 2010.
4. *Carroll L.* Through the Looking Glass. – Harper Press: Collins Classics, 2010.

Электронные ресурсы

5. Балеты «Алиса в Стране чудес» и «Конькобежцы» в постановке Королевского балета Ковент-Гарден. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://telepoisk.com/peredacha-tv-archiv/230077453/30-3-2014>
6. *Crompton S.* «Alice in Wonderland», Royal Ballet. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.telegraph.co.uk/culture/theatre/dance/9935852/Alice-in-Wonderland-Royal-Ballet-review.html>
7. Lewis Carroll // the Free Encyclopedia Wikipedia. [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Lewis_Carroll

М. А. Капитонова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС: МЕТОД КРИТИЧЕСКОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Развитие информационного общества, трансформация общественно-политических ролей на мировой арене, смена политических полярностей, возникновение новых типов угроз в стремительно изменяющемся мире потребовали от XXI века формирования новых политических стратегий и методов управления государством. Речь в данном случае идет о стремительном развитии концепции информационной борьбы за власть в политическом дискурсе с одной стороны, а также о совершенствовании самих тех-

нологий речевого общения с другой, в которой следует говорить о достижениях СМИ. В настоящее время публичные выступления политиков могут быть рассмотрены в качестве построения реального диалога власти с обществом. Результатом вышеуказанного процесса является постепенное перенаправление развития научной мысли в социально-политическое русло исследований. Накопленная только за последние пять лет обширная база лингвистического материала, новое определение понятий «политический дискурс», «язык политики», «политическая коммуникация», наряду с созданием новых функциональных коммуникативных технологий в политическом пространстве – тенденции, свидетельствующие о создании нового направления исследований в науке о языке – политической лингвистики.

Особенность вышеуказанного направления заключается, прежде всего, в доминирующей роли функционального подхода к проведению исследований. Не акцентируя особое внимание на вопросе о различии формального и функционального подхода в исследованиях, отметим, что использование функционального подхода предполагает работу над понятием информации, ее смысла и значения, механизмами ее порождения в ситуации общения, успешности ее применения в определенном социокультурном и политическом аспекте, а также непосредственной деятельности участников коммуникации. Иными словами, ключевым понятием здесь становится понятия дискурса.

В современном мире, помимо базовых типов потребностей таких, как биологических, физиологических, эстетических и пр., появились новые – информационные и дискурсивные. Говоря о последнем типе потребности, мы имеем в виду то, что и адресаты и адресанты информации вне зависимости от характера и эвальвации порождаемого/получаемого сообщения подсознательно занимают по тому или иному вопросу собственную социально-политическую позицию. Тем не менее, понятие «дискурса» в современной науке остается в высшей степени размытым. В подтверждение вышесказанного исследователи Л. Дж. Филипс и М. Йоргенсон в своей работе «Дискурс-анализ. Теория и метод» указывают, что «...термин «дискурс» является модным. В научных текстах и дебатах он используется произвольно, зачастую без точного определения. Но во многих случаях под словом «дискурс» подразумевают идею о том, что язык организован в соответствии со структурами, свойственными высказываниям людей в различных сферах социальной жизни. Нет единого мнения относительно того, что такое дискурс, и как его анализировать. В различных подходах предлагаются свои основания и, в некоторой степени, между ними наблюдается соревнование в том, чтобы по-своему определить понятия «дискурс» и «дискурс-анализ» [7, с. 5].

В России термин «дискурс» также активно используется в современных философских, политических и филологических науках: «...снимается

всякая ограниченность признаками монологичный/диалогичный, письменный/устный. Широкое употребление дискурса как родовой категории по отношению к понятиям речь, текст, диалог сегодня все чаще встречается в лингвистической литературе, в то время как в философской, социологической или психологической терминологии оно стало уже нормой» [6, с. 90]. Нас, прежде всего, интересует обзор определений, сформулированных в лингвистическом ключе. Так, в языкознании понятие дискурса связано непосредственно со способностью текстовой структуры к коммуникабельности, интеграции множества языков информации, присутствующей в тексте. Например, В. И. Карасик, определяет понятие дискурса комплексно и понимает его как структурно обусловленную речевую практику: «интерактивная деятельность, участников общения, установление и поддержание контакта, эмоциональный и информационный обмен, оказание воздействия друг на друга, переплетение моментально меняющихся коммуникативных стратегий и их вербальных и невербальных воплощений в практике общения» [4, с. 10]. Схожую точку зрения на трактовку понятия высказывает Н. Д. Арутюнова: «...дискурс – речь, погруженная в жизнь, связанный текст, в совокупности с экстралингвистическими - прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст взятый в событийном аспекте... речь, рассматриваемая в как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания» [1, с. 136]. Не менее важным для нас является определение Е. С. Кубряковой, в котором исследователь одновременно рассматривает оппозицию текст/дискурс: «...дискурс — когнитивный процесс, связанный с речепроизводством, созданием речевого произведения, а текст — конечный результат процесса речевой деятельности, имеющий определенную законченную (и зафиксированную) форму...» [4, с. 189].

Зарубежные школы исследования рассматривают понятие дискурса значительно шире, опираясь, прежде всего на его социальную или экстралингвистическую составляющую. Наиболее полное определение термина мы находим у Т. А. ван Дейка:

– «...дискурс (в широком смысле) есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем) в процессе коммуникативного действия в определенном временном, пространственном и проч. контексте. Это коммуникативное действие может быть речевым, письменным, иметь вербальные и невербальные составляющие [3].

– Дискурс (в узком смысле) есть текст или разговор. Дискурс подразумевает здесь как завершённый или продолжающийся «продукт» коммуникативного действия, его письменный или речевой результат. То есть Д в самом общем понимании – это письменный или речевой вербальный продукт коммуникативного действия» [3, с. 23]. Концепцию Т. А. ван

Дейка как основного представителя современной школы дискурс-анализа и критического дискурс-анализа в частности развивает также Н. Фэркло, говоря, что «дискурс – это язык, используемый в процессе репрезентации социальной практики, отличной от частной точки зрения». Исследователь упорядочил известные способы употребления термина «дискурс» в рамках дискурс-анализа: противопоставил «речевые диалоги и письменные тексты», «разговорный и письменный язык», уточнил понятие «жанра» дискурса и т. д. [10, с. 45]. Л. Дж. Филлипс и М. В. Йоргенсен мы находим следующее определение дискурса: «...форма социального поведения, которая служит для репрезентации социального мира (включая знания, людей и социальные отношения)» [5, с. 34]. Упоминание о дискурсе как о составляющей политической коммуникации находим у Я. Торфинга: «Дискурс – результат гегемонистских артикуляций, цель которых – установление как политического, так и морального-интеллектуального лидерства в обществе» [12, с. 76].

Среди большого количества различных определений и подходов к изучению дискурса можно выделить общую черту: любой дискурс – это продукт (результат) речевого общения в той или иной коммуникативной ситуации (условии). Исходя из вышепредложенных определений можно заключить следующее: *дискурс* представляется нам как исторически и социально обусловленное, ограниченное темпорально и локально сверткостовое пространство, которое обладает своей собственной модальностью и способное породить неограниченное количество таких же пространств. Наличие широкого круга толкований термина дискурса доказывает его несводимость к какому-либо одному признаку и классу, т. е. дискурс – это и акт коммуникации, и контекст, и ситуация, в которой реализуется данный коммуникативный акт. Иными словами, мы понимаем дискурс как использование естественного первичного языка в качестве инструмента для выражения определенной ментальности или когнитивного процесса, т. е. рассматриваем его как метаязыковую сферу.

Среди множества дискурсов (религиозный, образовательный, юридический и т. д.) особым классом является дискурс политический: по своей природе он представляет явление несколько шире и частотнее в плане употребления по сравнению с другими видами дискурсов.

Современные представления о политическом дискурсе разнородны и противоположны друг другу. При рассмотрении понятия в самом широком смысле выясняется, что политический дискурс – любые речевые образования, субъект, адресат или содержание которых относится к сфере политики» [8, с. 23]; «совокупность дискурсивных практик, идентифицирующих участников политического дискурса как таковых и формирую-

щих конкретную тематику политической коммуникации» [2, с. 146]. При таком подходе к определению термина подразумевается:

а) включение в поле исследования политического дискурса всех семиотических систем, участвующих в акте коммуникации;

б) использование в качестве языкового материала абсолютно все тексты, имеющие отношение к политической сфере (публичные выступления политиков, публикации в СМИ, аналитические статьи и т. д.).

Тем не менее ряд исследователей рассматривают политический дискурс в самом узком смысле – как язык, используемый только в публичной или институционально обусловленной сфере. Так, например, уже упомянутый нами выше Т. А. ван Дейк отмечает, что политический дискурс – «класс жанров, достаточно четко ограниченный социальной сферой, а именно политикой» [9, с. 76]. Для того, чтобы сгладить противоречие в понимании политического дискурса между двумя подходами (общим и институциональным), вводится понятие официального политического дискурса, под которым мы понимаем реальную публичность и институциональную обусловленность в процессе общения (в то время как «общий» политический дискурс включает в себя рассмотрение всего поля политики).

Политический дискурс мы определяем как сверхтекст, содержащий в себе политическую и социальную практику определенного государства в определенный период времени. Именно в текстах такого типа происходит актуализация общественного сознания с опорой на последующую реакцию реципиентов. Политический дискурс отражает политическую ситуацию, а его тщательное исследование дает полную картину процессов и предпочтений, существующих в современном обществе.

При научном рассмотрении политического дискурса необходимо использовать метод исследования, способный охватить максимально большое количество социально-политических практик, реализуемых в определенной коммуникативной ситуации, при этом, имеющий возможность анализа лингвистического материала. Так, мы выделяем метод критического анализа дискурса, не умаляя при этом достоинства других существующих на сегодняшний день методов.

Главным преимуществом критического дискурс-анализа как метода является его комплексность и всеобъемлемость в плане охвата анализируемых областей: социальная семиотика, социокультурный дискурс анализ, анализ лингвистической медиации. Базовые характеристики критического дискурс-анализа можно лапидарно обозначить следующим образом:

1) направленность на конкретный лингвистический текстовый анализ использования языка в социальном взаимодействии;

2) способствование социальным изменениям и более равномерному распределению власти в коммуникативном процессе.

Критический дискурс-анализ не рассматривается как политически нейтральное направление – он представляется как критический подход, который политически причастен к социальным изменениям.

Критический дискурс-анализ носит междисциплинарный характер (рассматривает лингвистический характер социальных и культурных процессов); критический дискурс анализ исследует как власть в дискурсе, так и власть над дискурсом; анализ носит интерконтекстуальный, межкультурный и исторический характер; критический дискурс анализ, подразумевающая систему и связь между текстами и социумом, имеет динамический открытый характер. Процедура критического дискурс-анализа, согласно мнению Н. Фэркло, позволяет охватывать следующие компоненты: а) дискурсивное описание конкретной социальной проблемы или общественного явления с учетом критического измерения; б) хронику развития событий; в) оценку причин, практики разрешения и возможных последствий какой-либо социальной проблемы [11, с. 34].

Критический анализ политического дискурса сфокусирован на изучении методологии, при помощи которой политическая власть осуществляет свое влияние в обществе: исследователи этой области политической лингвистики рассматривают вопрос о том, как при помощи коммуникативной деятельности в дискурсе власти происходят социальные изменения и реализуются социальные процессы. Критический подход к анализу политического дискурса позволяет выявить скрытые связи между языком, властью и идеологией, а также исследовать эффективность результатов главной цели политического дискурса - борьбы за власть (определяющего признака дискурса как разновидности институционального общения). Детальное изучение текстового материала методом критического дискурс-анализа помогает выявлять невыраженные смыслы, которые коммуниканты вкладывают в сообщение, а также показать результаты функционирования политического дискурса в целом.

Среди преимуществ применения критического дискурс-анализа для исследования политического дискурса стоит также выделить тот факт, что в условиях современного информационного общества критический дискурс-анализ не требует сложных процедур сбора данных: все материалы доступны в медийном пространстве. Это делает данный подход наиболее экономичным методом, а также признает его достоверность. Эмпирическая ценность данного типа дискурс-анализа подтверждается его идеологическим соответствием. На уровне общенаучного знания использование критического дискурс-анализа в области исследований политической лингвистики соответствует тенденциям междисциплинарности, свойственным современной научной парадигме.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Энциклопедический лингвистический словарь. – Т. 1. – М.: Сов. энцикл., 1990.
2. Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику – М.: Эдиториал, 2001.
3. Ван Дейк Т. А. Принципы критического анализа дискурса / Перевод и лингвистика текста. – М.: ВЦП, 1994.
4. Карасик В. И. Лингвистика текста и анализ дискурса. – Волгоград: Перемена, 1994.
5. Кубрякова Е. С., Александрова О. В. О контурах парадигмы знания в лингвистике // Структура и семантика художественного текста. – М.: ИТДГК «Гнозис», 1999.
6. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003.
7. Филлипс Л. Дж., Йоргенсен М. Дискурс-анализ. Теория и метод. – Хабаровск: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008.
8. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. - Волгоград: Перемена, 2003.
9. Dijk T. van. What is political discourse analysis? //Political linguistics. – Amsterdam, 1998.
10. Fairclough N. Analyzing Discourse: Textual Analysis for Social Research. – L.: Longman, 2003.
11. Fairclough N. Critical Discourse Analysis. The Critical Study of Language. – L.: Longman, 1995.
12. Torfing J. Discourse Theory: Achievements, Arguments, Challenges// Discourse Theory in European Politics, Identity, Policy and Governance. – N.Y., 2005.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Акылбаева Анна Сергеевна – студентка 4-го курса факультета таможенного дела Санкт-Петербургского им. В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии.

Белоглазова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент кафедры теории языка и переводоведения СПбГЭУ.

Верезубова Екатерина Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков и перевода СПбГЭУ.

Гартвич Дарья Викторовна – студентка 1-го курса гуманитарного факультета СПбГЭУ.

Гончаренко Марина Васильевна – доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью СПбГЭУ.

Гончарова Виктория Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка и перевода СПбГЭУ.

Дворецкова Ирина Вячеславовна – студентка 1-го курса гуманитарного факультета СПбГЭУ.

Зинкевич Олег Вадимович – старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью СПбГЭУ, креативный директор агентства «Purebrand».

Исаева Юлия Александровна – студентка 5-го курса гуманитарного факультета СПбГЭУ.

Капитонова Марина Андреевна – магистрант 1-го курса гуманитарного факультета СПбГЭУ, кафедра коммуникационных технологий и связей с общественностью.

Коврижина Яна Станиславовна – аспирантка 3-го курса кафедры зарубежной литературы РГПУ им. А. И. Герцена.

Кондратьева Елена Борисовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка и переводоведения СПбГЭУ.

Кривонос Алексей Дмитриевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью СПбГЭУ.

Налётова Наталья Иннокентьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода СПбГЭУ.

Нильсен Евгения Александровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка и перевода СПбГЭУ.

Персинина Анна Станиславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и перевода СПбГЭУ.

Седых Элина Владимировна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры английского языка и перевода СПбГЭУ.

Тимралиева Юлия Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и скандинавских языков и перевода СПбГЭУ.

Файбушевский Максим Владимирович – старший преподаватель кафедры романских языков и перевода СПбГЭУ.

Шевченко Алексей Сергеевич – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью СПбГЭУ.

Научное издание

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКИ**

Сборник научных статей

Под редакцией Е. А. Нильсен

Подписано в печать 25.09.14. Формат 60×84 1/16.
Печ. л. 8,5. Тираж 140 экз. Заказ 436.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург, Садовая ул., д. 21.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ